

НАБРОСКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ КНЯЗЯ Д. Д. ОБОЛЕНСКАГО.

I.

Время студенчества.

Получивъ домашнее воспитаніе, я 16-ти лѣтъ отъ роду поступилъ въ Московскій университетъ. Это было въ знаменитый 1861 годъ. Трудно передать, что дѣлается съ головою юноши, чуть не мальчика, попавшаго изъ скромной семьи, гдѣ еще по Субботамъ слушалъ онъ всенощныя, въ шумный омутъ университетской жизни и такой же молодежи.

Мои опекуны приучили меня къ полной свободѣ, такъ какъ мнѣ предстояло вступить въ управленіе довольно значительными родовыми имѣніями. За два года, т. е. 14 лѣтъ, я готовился ко вступленію въ университетъ въ самой Москвѣ, гдѣ ко мнѣ были приглашаемы лучшіе учителя. Изъ числа болѣе извѣстныхъ могу назвать Г. Ф. Головачева, И. М. Маракуева, В. Я. Цингера, М. Θ. Хандрикова и др., все люди высокаго образованія.

Еще въ 1860 году въ Москвѣ большое распространеніе получили воскресныя школы, и вся университетская молодежь, въ воскресные дни, учила по фабрикамъ, расположеннымъ въ Москвѣ. Пришлось и мнѣ попасть въ общее теченіе, и я, хотя еще не студентъ, по Воскресеньямъ ѣздилъ на Прохоровскую фабрику учить молодыхъ фабричныхъ грамотъ. Но и тогда уже, даже всякому недальновидному человѣку можно было догадываться, что все это плохо кончится и клонится не къ добру. Студенты стали давать фабричнымъ запрещенныя книги...

Я попалъ въ самый, такъ сказать, демократическій центръ недовольныхъ, и мнѣ до крайности тяжело было бороться противъ либеральнаго теченія. Въ молодыхъ, буйныхъ головахъ моихъ товарищей уже тогда складывались политическіе идеалы, которымъ я не могъ сочувствовать. Хотя мнѣ сперва думалось, что они что-то въ родъ декабристовъ, но въ этомъ вскорѣ пришлось разочароваться... Положеніе было страшно-тяжелымъ еще и потому, что на людей титулованныхъ

было тогда чистое гоненіе; меня положительно спасали товарищи—красные или демократы, какъ ихъ звали, т. е. спасало то, что я былъ въ кружкѣ самыхъ ярыхъ красныхъ. Не зачѣмъ называть студентовъ, принадлежавшихъ къ партіи красныхъ! Ихъ уже никого нѣтъ въ живыхъ: жизнь, полная волненій, а потомъ и лишеній, свела ихъ въ могилу.

Уже на первыхъ порахъ, въ выборѣ чтенія для воскресныхъ школъ, мы разошлись во мнѣніяхъ. Дѣло было наканунѣ рѣшенія крестьянскаго вопроса; а между тѣмъ студенты стали читать вещи, которыя могли только разжигать простой народъ противъ хозяевъ, крѣпостныхъ противъ господъ своихъ: «Хижину диди-Тома» и нѣкоторые рассказы Марка-Бовчка, очень бывшіе въ модѣ. Пошла рознь, и я отклонился отъ обученія въ воскресныхъ школахъ; да и надо было готовиться къ экзамену. Но въ 1861 году я открылъ въ двухъ моихъ имѣніяхъ школы для крестьянъ, которые сильно желали учиться и при составленіи уставныхъ грамотъ заявляли объ этомъ неоднократно.

Самый экзаменъ для меня, учившагося дома, представлялъ немало затрудненій: я не привыкъ ни къ публичности отвѣтовъ, ни къ занятіямъ среди шума и сутолоки. Первый экзаменъ былъ изъ Русскаго языка. Объявлено было, что кто напишетъ сочиненіе неудовлетворительно, тотъ не будетъ допущенъ до слѣдующихъ экзаменовъ. Экзамены производились учителями гимназій въ Университетѣ подъ предсѣдательствомъ профессора Тихонравова. Это было началомъ строгостей при вступленіи въ Университетъ. Учителя гимназій мирволили только поступающимъ изъ гимназій, а всѣхъ такъ-называемыхъ вольныхъ, т. е. получившихъ домашнее воспитаніе, проваливали безпардонно, считая ихъ «маменькиными сынками». Такихъ проваливаемыхъ было множество; такъ изъ 450 человекъ державшихъ экзаменъ (по одному юридическому факультету) провалилось до 130.

Написавъ я сочиненіе и трепетно ждалъ, допущенъ ли буду до слѣдующихъ экзаменовъ. Прошла недѣля—собираемся. Читаютъ списокъ тѣхъ, кто далѣе не допускается. Моего имени нѣтъ; стало-быть, сочиненіе мое одобрено, и я продолжаю. Изъ Исторіи Русской литературы и проч. получаю удовлетворительные баллы и, къ великой своей радости, благополучно кончаю всѣ экзамены. Это былъ годъ отмѣны форменной одежды въ Университетѣ. Позволено было въ теченіе года донашивать прежнюю форму, такъ что я себѣ купилъ только студенческую фуражку. Но каково было мое разочарованіе, когда, зайдя въ Университетъ, чтобы получить справку о принятіи моемъ и билетъ на жительство, я узналъ, что я не принятъ: изъ Русскаго языка оказывается балъ неудовлетворительный.—«Да это быть не можетъ, это недоразумѣніе?!»

Показываютъ мнѣ списокъ; вижу и не вѣрю глазамъ: Русскій языкъ оказыпается съ неудовлетворительной отмѣткой.—«Такъ почему же меня допустили до остальныхъ экзаменовъ?!» — Не знасмъ.—Что дѣлать? Положеніе глупое: всѣмъ я сказалъ, что кончилъ и поступилъ. Лечу къ экзаменатору Русскаго языка. Приѣмъ очень холодный. Я объясняю причину моего визита и говорю, что это, должно быть, недоразумѣніе, такъ какъ изъ Русскаго языка я выдержалъ, а изъ Исторіи литературы онъ же мнѣ,—я самъ видѣлъ,—поставилъ удовлетворительную отмѣтку.—«Это вѣрно: я помню васъ на экзаменѣ и ваше сочиненіе; но, одобливъ послѣднее, я провѣрялъ вашу грамотность на экзаменѣ изъ литературы, и въ диктантъ вы сдѣлали ошибку». — «Да какую?» — «Вы передъ *который* не ставите запятой», съ усмѣшкой сказалъ экзаменаторъ, и изъ горы тетрадей, у него лежавшихъ, вытащилъ мое сочиненіе и диктантъ.» — «Да это описка: всякій гимназистъ 2-го класса знаетъ, что передъ *который* ставятъ запятую.» — «Да, однако, вы не знаете!» — Такъ неужели всѣ труды пропали даромъ (такъ какъ неудовлетворительная отмѣтка по Русскому языку лишала права экзаменоваться изъ другого какого-либо предмета). «Надо передерживать изо всего?» Въ отвѣтъ профессоръ только пожалъ плечами.

Убитый выхожу я изъ квартиры экзаменатора и на счастье встрѣчаю въ дверяхъ одного молодаго студента, очень умнаго, составителя азбуки для народа. Я его зналъ по воскреснымъ школамъ; у него же я взялъ потомъ для моихъ сельскихъ школъ азбуки, имъ составленные. Онъ пораился моимъ печальнымъ видомъ.—«Что съ вами?» спросилъ онъ меня съ участіемъ. Я ему объяснилъ.—«Ну, это еще полбѣды», сказалъ онъ: «посидите тутъ гдѣ-нибудь въ трактирѣ, а я поговорю съ экзаменаторомъ.» Сказано, сдѣлано. Не прошло полчася, какъ явился мой знакомый. «Идите смѣлѣе: вамъ въ пользу послужили даваемые вами уроки въ воскресныхъ школахъ и вообще ваши отношенія къ народному образованію».

Я поспѣшилъ вернуться къ экзаменатору. Онъ былъ уже гораздо мягче.—«Я никакъ не ожидалъ, заговорилъ онъ, что въ числѣ титулованныхъ есть люди, думающіе и радѣющіе о народномъ образованіи. Очень радъ, что могу помочь въ происшедшемъ недоразумѣніи». — Да какъ же быть теперь? — «А вмѣстѣ съ Русскимъ языкомъ спрашивается Славянскій. Заявите, что вы, за немыдержаніемъ въ Славянскомъ языкѣ, просите допустить васъ до переэкзаменовки по *Славянскому языку*». Я согласился и отправился въ Университетъ, гдѣ сдѣлалъ заявленіе, что изъ Славянскаго языка прошу мнѣ дать переэкзаменовку.

Такъ и совершилось. Но лѣто было испорчено: надо было переэкзаменовку дѣлать осенью, прїѣзжать для этого въ Москву, а тогда желѣзныхъ дорогъ не было. Къ тому же учителя гимназїи стали еще свирѣпѣе осенью. Вторично выдержавъ экзаменъ изъ Славянскаго языка, я, наконецъ, принятъ былъ студентомъ и поспѣшилъ уѣхать изъ Москвы, такъ какъ вопросы уставныхъ грамотъ, вводимыхъ въ Тульской губерніи, вызывали меня въ деревню. Только въ Октябрѣ прїѣхалъ я на лекціи. Тѣмъ временемъ произошли крупныя безпорядки въ Москвѣ.

Безъ меня вотъ чтó случилось. Въ Сентябрѣ началось броженіе. Студенты не хотѣли подчиниться новымъ правиламъ и сожгли на могилѣ Грановскаго выданные имъ матрикулы. Наконецъ, подбитые Поляками, толпы студентовъ отправились къ генераль-губернатору Тучкову подавать просьбу. Тутъ и произошло такъ-называемое «Дрезденское сраженіе», то есть: около гостиницы «Дрезденъ», противъ генераль-губернаторскаго дома, на Тверской площади, гдѣ было собрались студенты, разогнали несчастную ихъ толпу, и между ними не оказалось ни единого изъ Поляковъ, благополучно вернувшихся съ подороги. А нашихъ добрыхъ Русаковъ избили еще, кромѣ полиціи, разные лавочники, мясники, да мужики, которымъ кто-то шепнуть, что эти господа пришли просить отъѣзды воли. Можно себѣ представить, какъ сочувственно отнеслись мужики къ такому слуху и какъ больно досталось студентамъ...

Прїѣхавъ въ Москву вскорѣ послѣ этой исторїи, я пошелъ разыскивать прежнихъ моихъ товарищей по воскреснымъ школамъ, но—увы, почти всѣ были въ заключенїи, кто на съѣзжей, кто въ какой-либо части... Всѣхъ я засталъ болѣе или менѣе въ удрученномъ состоянїи. Виновиые другихъ оказался нѣкто студентъ Гижитскій, который былъ главнымъ запѣвалой всего дѣла, но которому уже видимо не хотѣлось отвѣчать—своею шкурою. Въ немъ я разочаровался еще болѣе, чѣмъ въ другихъ.—«Передайте такимъ-то, сказалъ онъ, чтобы не показывали на меня, что слышали отъ меня то-то и тамъ-то». Словомъ, онъ отказался ото всего, чтó дѣлалъ и говорилъ. Впослѣдствїи, когда его ввели въ большую залу, гдѣ возсѣдалъ университетскій судъ (у насъ тогда были и своя полиція, и свой судъ), Гижитскій не снялъ шапки. Одѣтъ онъ былъ во что-то въ родѣ венгерки, костюмъ, многими тогда принятый, особенно между Поляками, послѣ отъѣзды формы. Никто изъ профессоровъ не сказалъ ему ни слова, тогда какъ онъ думалъ произвести этимъ эффектъ; а самъ онъ сконфузился въ виду простаго отношенїя къ нему профессоровъ и сконфузился до того, что сказалъ: «Я не снимаю шапки, потому что голова болитъ».—«Васъ объ этомъ никто и не спрашиваетъ», холодно замѣтилъ ему профес-

соръ уголовного права С. И. Баршевъ. «Причина уважительная; отвѣчайте на тѣ вопросы, которые вамъ дѣлають». А въ залѣ было жарко, и Гижитскій самъ послѣ снялъ шапку.

Судъ длился довольно долго. Ждали, что исключать многихъ, и дѣйствительно, послѣ трехъ мѣсяцевъ, кажется, въ началѣ Февраля 1862 года, вышло рѣшеніе: исключалось нѣсколько десятковъ человѣкъ, въ томъ числѣ почти всѣ мои товарищи по воскресной школѣ. Въ аудиторіяхъ поднялся невообразимый гвалтъ; ничто не помогало. Массы кричали: всѣ виноваты; исключайте всѣхъ, надо протестовать, уходить всѣмъ и т. д. Толпа перевалила во дворъ стараго университета, въ корридорахъ сдѣлалась давка, началъ ходить листъ по рукамъ; подписывались всѣ тѣ, кои желали выйти изъ университета, такъ какъ считали себя виновными *не менѣ обвиненныхъ*. «Всѣмъ, уходить всѣмъ», сдѣлалось лозунгомъ.

Такой же листъ преподнесли и мнѣ, требуя настойчиво, чтобы я отказался отъ посвѣщеній лекцій. Шагъ слишкомъ серьезный, чтобы рѣшиться въ минуту...—«Что мы выиграемъ уходя?»—«Это протестъ»... — «Да вѣдь очень даже рады будутъ, если уйдутъ тѣ, что заварили всю кашу» отвѣчалъ я: вашему уходу только обрадуется университетское начальство. Я не понимаю желанія доставить имъ это удовольствіе. И куда дѣваться?»—«Перейдти въ Петербургъ.»—«Да не все ли равно?»—И такъ я съ трудомъ отказался отъ подписи листа, который, увы, многіе подписали. *Nomina odiosa sunt*; я не назову ихъ Но этотъ шагъ былъ губителенъ для цѣлаго кружка людей вполне честныхъ.

Кружокъ этотъ перебрался въ Петербургъ и сталъ хлопотать о вступленіи въ Петербургскій университетъ; но многимъ это не удалось. А тутъ начались Петербургскіе безпорядки, Петербургскій университетъ былъ закрытъ, и Московскій кружокъ остался не при чемъ. Но что всего хуже—за ними, какъ за людьми передовыми и безпокойными, давно слѣдила тайная полиція. Къ тому же начались Петербургскіе пожары и, по различнымъ доносамъ, Московскій кружокъ былъ арестованъ по подозрѣнію въ политическихъ проискахъ; всѣ члены этого кружка не миновали Петропавловской крѣпости. Хотя многихъ изъ нихъ потомъ и выпустили, но жизнь ихъ была, если не загублена, то испорчена; большинства же болѣе мы и не видали. На второмъ курсѣ явились студенты изъ Петербурга, по случаю закрытія тамошняго университета, за то многихъ изъ своихъ товарищей мы не досчитывались на этомъ курсѣ. Тяжелое было въ этомъ отношеніи время и вмѣстѣ великое, въ ожиданіи будущаго и тѣхъ идеаловъ, которые насъ оживляли.

Въ 1862 году Императоръ Александръ II посвѣтилъ университетъ. Обратившись къ студентамъ 4-го курса, обожаемый Монархъ сказалъ: «Я надѣюсь, господа, что найду въ васъ достойныхъ дѣятелей для моихъ реформъ». Слово царское такъ сильно подѣйствовало на молодежь, слышавшую эти слова, что я знаю многихъ, очень многихъ, которые во всю жизнь не могли этого забыть, во всѣхъ дѣяніяхъ своей службы помнили эти слова и старались быть достойными и другаго, приснопамятнаго изреченія: «правда и милость да царствуютъ въ судахъ», вышедшихъ изъ тѣхъ же устъ!

Немного словъ было высказано, но сильное дѣйствіе произвели они на слышавшихъ. И дѣйствительно, всѣ студенты 60-хъ годовъ, особенно юридическаго факультета, сдѣлались видными дѣятелями по судебной реформѣ; всѣ они сдѣлались достойными сподвижниками этой реформы; они или заняли важныя мѣста въ судахъ и Сенатѣ, или стали знаменитыми адвокатами—имя имъ легіонъ!

Конецъ 1862 года ознаменовался въ Москвѣ пребываніемъ Государя Императора и Наслѣдника-Цесаревича Николая Александровича. Боже мой! Какая это была радость видѣть Императора Александра II ежедневно гуляющимъ по бульварамъ и улицамъ Москвы. Народъ его просто со слезами встрѣчалъ на улицахъ и близко, близко подходилъ, чтобы посмотреть на своего освободителя. Всѣ были обворожены доброю Государя; нищимъ на Тверскомъ бульварѣ, по которому онъ прогуливался, онъ подавалъ самъ деньги.

Для Государя-Наслѣдника было дано нѣсколько баловъ, въ томъ числѣ и въ Дворянскомъ Собраніи. Въ свитѣ находилось нѣсколько Гродненскихъ гусаръ, въ томъ числѣ молодой Реймеръ. Кто бы могъ думать, что весною 1863 года юноши эти будутъ убиты въ Польскомъ мятежѣ, и что самъ Цесаревичъ Николай Александровичъ носилъ уже въ себѣ зачатки болѣзни, сведшей его въ могилу въ 1865 году!

Москва веселилась. Въ видѣ исключенія, должно быть, три студента получили приглашеніе на придворные балы, въ томъ числѣ и лишушій эти строки. Первый балъ, на которомъ я присутствовалъ, былъ во Владимирской залѣ. Завѣдывалъ танцами извѣстный въ Москвѣ Ипатъ Бартеневъ, хотя не молодой камеръ-юнкеръ, но знаменитый танцоръ, чрезвычайно свѣтскій и ловкій человѣкъ. Про него ходила тьма анекдотовъ. Онъ былъ человѣкомъ безъ средствъ, а между тѣмъ велъ образъ жизни разгульно-веселый, сорилъ деньгами. Его займы у ростовщиковъ были легендарны; такъ напр. ему пришлось получить по векселю *тробами*, и онъ ими рассчитывался. Онъ самъ, всегда веселый, беззаботный съ виду, шутилъ надъ своимъ кредитомъ, говоря: «если вексельный бланкъ стѣбитъ пять рублей, то, какъ только я его

подписаль—ему грошъ цѣна, и того не дадутъ». Про него же говорили, что онъ, во время представленія знаменитой Рашели, въ одной трагедіи, расплакался такъ, что даже Рашель обратила на него вниманіе и послѣ представленія заговорила съ Ипатомъ Бартеневымъ; а онъ пренаивно отвѣчалъ: «Когда такъ задолжаешь, какъ я, то—увы—и въ циркѣ заплачешь».

Балъ при дворѣ, меня, конечно сильно заинтересовалъ. Мнѣ было 17 лѣтъ. Я впервые такъ близко видѣлъ Императора Александра II, что невольно долго не могъ оторвать отъ него глазъ. Его доброе, часто улыбавшееся лице какъ-то приковывало къ себѣ. Я вспомнилъ слова Наполеона, сказанныя объ Александрѣ I: *c'est un charmeur*, и я хотѣлъ бы ихъ приложить къ Александру II, къ которому невольно чувствовалъ влеченіе за 19 Февраля 1861 года. Да и въ послѣдствіи, когда въ жизни приходилось встрѣчать Императора Александра II, я невольно убѣждался, что вліяніе В. А. Жуковского на немъ осталось навсегда—высокая сердечность и уваженіе къ человѣческой личности каждаго. Прежде всего Александръ II былъ до нельзя челоѣколюбивъ. Государь запросто ходилъ по Москвѣ, и многіе пользовались этимъ, чтобы подавать ему прошенія. Даже на представленіи дворянства одинъ дворянинъ, нѣкто Стефани, упалъ къ ногамъ Императора, прося правосудія. Тогда еще суды не были преобразованы.

— Подъ скипетромъ твоимъ, Государь, судьи творять неправду, говорилъ Стефани, стоя на колѣнахъ.

Государь приказалъ генералъ-губернатору Тучкову разобрать дѣло.

— Отчего вы беспокоили Императора? Могли бы прямо обратиться ко мнѣ, сказалъ генералъ-губернаторъ.—«Я у васъ былъ пять разъ и не добился толку», отвѣчалъ проситель.

Для Государя устроили охоту, на которой Его Величество убилъ медвѣдя. Въ моментъ отхода поѣзда, не смотря на 15 градусовъ мороза, какая-то барышня подала на вокзалъ просьбу. Платье у нея было съ открытой шеей и короткими рукавами, какъ бальное (*décolleté et manches courtes*)—«Вы простудитесь, воскликнулъ Государь: надѣньте шубу».—Я согрѣта присутствіемъ Вашего Императорскаго Величества, наивно отвѣчала барышня.—«Вы навѣрно институтка», улыбаясь сказалъ Императоръ.—Точно такъ, отвѣчала просительница.

Изъ баловъ, данныхъ Государю въ Москвѣ, въ 1862 году, памятенъ балъ у князя С. А. Оболенскаго (впослѣдствіи Оболенскій-Нелединскій). Вся Москва была тамъ; Государь даже вальсировалъ на этомъ балѣ съ г-жею Спасскою, супругою Московскаго губернатора (дочерью министра юстиціи Замятина), и съ княгинею Марьею Александровною Оболенскою, рожденною княжной Львовой, племянницею князя В. А.

Долгорукова. Балъ былъ очень оживленъ. Для меня онъ тѣмъ памятенъ, что на этомъ балу я познакомился со своею будущею женою, Елисаветою Петровною Вырубовою.

Въ Москвѣ, конечно изъ партіи крѣпостниковъ, многіе были недовольны тѣмъ, что Государь такъ просто себя держалъ. Потомъ, вслѣдствіе бала у князя Оболенскаго, явилась несомнѣнно и зависть; ибо князь Сергѣй Александровичъ былъ въ невысокихъ чинахъ, къ тому же служилъ мировымъ посредникомъ перваго призыва. Государь былъ у него на балу въ уланской формѣ, такъ какъ князь служилъ въ уланахъ. Домъ князя былъ чудесный; онъ и теперь сохранился на Пречистенскомъ бульварѣ, принадлежитъ г-жѣ фонъ-Меккъ. Въ то же время домъ этотъ только что былъ отдѣланъ заново, и новоселье почти что праздновалось въ присутствіи Государя.

Моя жизнь съ 1862 года раздѣлилась какъ бы на двое: часть времени уходила на университетскія занятія; а много времени приходилось удѣлять на устройство отношеній къ крестьянамъ, только что вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости. Я долженъ былъ писать уставныя грамоты крестьянъ въ трехъ имѣніяхъ, Богородицкаго, Ефремовскаго и Веневскаго уѣздовъ; хлопотъ было достаточно, надо было разверстываться и проч. Мнѣ, какъ человѣку молодому, легко было устанавливать эти отношенія, такъ какъ я былъ несказанно радъ сбросить и съ себя обузу крѣпостнаго права. Къ этому я былъ уже подготовленъ тою средою, въ которой росъ, имѣя попечителемъ (до 21 лѣтнаго возраста) князя В. А. Черкаскаго; наконецъ, самая университетская среда, въ которой я находился, — все это сдѣлало то, что я безъ всякаго сожалѣнія разстался съ крѣпостнымъ правомъ. Къ тому же, съ ужасами этого права я успѣлъ познакомиться еще въ дѣтствѣ. Но, конечно, старые слуги, управляющіе и вся дворня, которой у насъ было множество, все это было недовольно.

Писаніе уставныхъ грамотъ, подъ руководствомъ моего попечителя, князя В. А. Черкаскаго, шло какъ по маслу. Во всѣхъ деревняхъ мы написали уставныя грамоты и разобрались по добровольному соглашенію, за исключеніемъ двухъ деревень Богородицкаго уѣзда. Въ этихъ деревняхъ крестьяне пожелали сохранить «барщину» и десять лѣтъ на ней еще просидѣли, когда всѣ остальные давно вышли на оброки и частью на выкупъ; они вообразили себѣ что-то и заупрямились. А облегчало у насъ добровольное отношеніе то, что крестьяне всѣ были на весьма большомъ, земельномъ надѣлѣ; именно у нихъ было по десятинѣ на душу лишняго противъ высшаго надѣла, указаннаго въ положеніи 19 Февраля 1861 года. Пришлось отрѣзать по од-

ной десятинѣ на душу изъ ихъ дальнихъ полей, чѣмъ крестьяне хотя и не были довольны, но въ виду прямого закона сами указали, гдѣ отрѣзать излишнюю землю.

Все шло прекрасно первые два-три года. Но затѣмъ къ мировымъ посредникамъ начались всякія придирки со стороны высшей администраціи, вслѣдствіе чего, въ разныхъ мѣстахъ, произошли столкновения съ губернаторами. Послѣдніе, мнѣ кажется, и были причиною того, что въ Петербургѣ началась реакція, высшія сферы стали противъ мировыхъ посредниковъ и, при поддержкѣ губернаторовъ, свели на нѣтъ самую власть мировыхъ посредниковъ; а это было крайне жаль. Послѣдующіе посредники далеко не были похожи на посредниковъ перваго призыва, которые на своихъ плечахъ вынесли реформу. На смѣну князя Черкаскаго и ему подобныхъ явились люди, или мельче плававшіе, или невысокаго полета. Они воображали, что, популярничая, они и въ самомъ дѣлѣ сдѣлаются популярны, заслужать уваженіе; а вышло иначе. Тогда какъ мировые посредники перваго призыва были дѣйствительно люди извѣстные, замѣчательные, заслужившіе всеобщее уваженіе (при нихъ и капризные, высокомерные, крупные помѣщики смирялись), второй и третій, призывъ, хотя и не былъ, быть можетъ, подкупенъ, но не стоялъ на высотѣ своего призванія. Онъ размѣнялся на мелкую монету своими дразгами и ссорами съ высшею губернскою администраціею, которая, подъ вліяніемъ реакціи, круто повернула назадъ.

Въ 1861 году въ Тулѣ были вновь выборы, и состоялся большой обѣдъ въ честь мировыхъ посредниковъ, находившихся на выборахъ. И вотъ, въ той же залѣ, гдѣ такъ недавно Волоцкой и князь Черкасскій поссорились и должны были стрѣляться изъ-за крестьянскаго вопроса, первый Волоцкой выразилъ сочувствіе князю Черкасскому, какъ собрату по службѣ, тоже мировому посреднику... Обѣдъ этотъ мнѣ былъ очень памятенъ. Мой дядя И. А. Раевскій, какъ старшій, председательствовалъ. На обѣдъ подписались нѣкоторые изъ помѣщиковъ, и я, конечно, въ томъ числѣ. Пришлось мнѣ сидѣть возлѣ графа Льва Николаевича Толстаго, тогда мирового посредника, съ которымъ уже въ то время я былъ близко знакомъ. Первый тостъ былъ, конечно, за Царя-Освободителя и принять съ большимъ энтузіазмомъ.

— «Пью этотъ тостъ съ особеннымъ удовольствіемъ», сказалъ мнѣ графъ Левъ Николаевичъ. «Больше бы и не нужно, такъ какъ въ сущности Государю одному мы обязаны эмансипаціей»...

Но пошли и другіе тосты. Особенно былъ удаченъ тостъ, предложенный П. Θ. Самаринымъ, за *Русскій народъ*. Вопросъ тогда весьма щекотливый; но Петръ Ѳедоровичъ провелъ очень ловко въ своей

рѣчи то положеніе, что почти всюду, въ нашей Тульской губерніи, отношенія къ крестьянамъ установились добровольно и хорошо, потому что помѣщики умѣренно пользовались своею властью, такъ что отношенія были добрыя, а теперь сдѣлались еще лучше. И это вѣрно: сравнительно съ другими губерніями у насъ реформа прошла благополучно. Нельзя не сказать, что губернаторъ П. М. Дараганъ былъ человекъ очень мягкій и, подъ вліяніемъ князя Черкаскаго, довольно скептически относился къ преувеличеннымъ жалобамъ нѣкоторыхъ крупныхъ помѣщиковъ, не жившихъ въ своихъ имѣніяхъ. Только и были безпорядки въ имѣніяхъ, гдѣ помѣщики сами не жили. Въ Хитровщинѣ Епифанскаго уѣзда творилось Богъ вѣсть что изъ-за глухихъ слуховъ. Крестьяне были увѣрены, что Измайловъ, умирая, далъ имъ вольную, да и наслѣдника его графа Толстаго никто не зналъ.

За то супруга губернатора была очень энергична; ее даже въ Петербургъ прозвали, *ураганъ*. Сама Анна Михайловна Дараганъ говорила:

— Если вамъ скажутъ, что вотъ губернаторъ П. М. Дараганъ кого нибудь побилъ—никто не повѣритъ; а скажутъ это про меня—всѣ повѣрятъ. Когда меня покойный императоръ Николай Павловичъ назначалъ директрисою института, я прямо ему сказала: Государь, не гожусь, это будетъ мое Ватерлоо, не назначайте (*cela sera mon Waterloo*). Ну, конечно, такъ и вышло, я и не выдержала.

Г-жа Дараганъ была очень умная особа, и бывать у нея было очень пріятно. Да и вообще общество было тогда въ Тулѣ отборное. Дочери Анны Михайловны Дараганъ—Елисавета Петровна вышла за В. Н. Веревкина, командира Екатеринбургскаго полка, нынѣ коменданта Петропавловской крѣпости въ Петербургѣ, Александра Петровна за флигель-адъютанта Д. А. Арбузова, бывшаго командира стрѣлковаго батальона Императорской Фамиліи; Евгенія Петровна за банкира Виникена (родственника барону Штиглицу). Всѣ были красавицы.

Къ 1861—1862 году относится и сближеніе мое съ графомъ Л. Н. Толстымъ, котораго я впрочемъ уже зналъ. Въ годъ освобожденія крестьянъ Левъ Николаевичъ завелъ у себя Яснополянскую школу, которая меня очень интересовала. Я сталъ часто посѣщать графа, а затѣмъ иногда осенью ѣздить съ нимъ и на охоту, и въ отъѣзжее поле. Чудное время я проводилъ тогда! Кто бы узналъ теперь въ маститомъ философѣ лихаго охотника, которому было ни по чемъ перескакивать рвы и канавы и съ которымъ приходилось полевать цѣлыми днями? Такого собесѣдника представить себѣ трудно... Но мировымъ посредникомъ графъ, думается мнѣ, былъ плохимъ, именно по своей разсѣянности. Я, какъ теперь, помню первую уставную грамоту, поступившую

отъ него. Подпись на ней буквально была слѣдующая: «Къ сей уставной грамотѣ, по просьбѣ такихъ-то, за безграмотностью ихъ, такой-то дворовый человѣкъ руку приложилъ»... Ни единого имени!.. Какъ графъ диктовалъ, что, молъ, пиши—за такихъ-то такой-то руку приложилъ, такъ дворовый человѣкъ дословно и написалъ, не обозначивъ именъ ни крестьянъ, ни своего собственнаго. А графъ и не прочелъ, что тамъ написалъ дворовый человѣкъ, и отослалъ грамоту, скрѣпивъ ее, въ Тульское губернское присутствіе. Грамоту эту получилъ мой вотьчимъ, который былъ членомъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и у котораго я жилъ; онъ только пожималъ плечами, получая такіа бумаги.

Впрочемъ, графъ Левъ Николаевичъ недолго прослужилъ: ему не по натурѣ было служить. За то Яснополянская школа шла великолѣпно. Но такъ какъ въ ней учили все студенты, то *свыше* не особенно благопріятно смотрѣли на нее и полагали, что непременно есть что нибудь политически неблагонадежное въ Ясной-Полянѣ. Туда являлся даже жандармскій офицеръ, но, конечно, ничего не нашелъ, такъ какъ ничего и не было. Только въ одной изъ комнатъ Яснополянскаго дома, обращеннаго въ школу, вниманіе жандармскаго офицера остановилось на фотографическомъ аппаратѣ. Въ 1862 году это было еще рѣдкостью, особенно въ провинціи, въ деревнѣ. Что это такое? строго спросилъ офицеръ. Кого тутъ снимаютъ? Студенты, конечно, не были довольны незваному гостю, и одинъ шутникъ быстро отвѣчалъ: *Герцена въ натурѣ!*—«Какъ Герцена?» переспросилъ офицеръ. Но смѣхъ объяснилъ ему шутку, и, кусая губы, офицеръ уѣхалъ.

Впрочемъ, могли бы и найтись запрещенныя книги: у кого ихъ тогда не было? Въ университетѣ, въ то время подъ лѣстницей, явно, на глазахъ у всѣхъ, продавались сочиненія Феембаха, Бюхнера, Прудона, Герцена и проч. Никакой бѣды въ томъ не видѣли, хотя, конечно, эти сочиненія надѣлали вполнѣдствіи много бѣдъ: отъ книгъ скоро перешли къ дѣлу. Пропагандистами-Поляками и въ 1863 году почти ежедневно были разбрасываемы прокламаціи отъ Польскаго комитета, и въ пальто у себя мы находили ихъ при выходѣ изъ Университета или изъ театра.

Время въ Университетѣ было крайне тяжелое. Еще съ конца 1862 года множество Поляковъ, подъ различными предлогами, уѣзжали изъ Университета въ западный край. Всѣ они ѣхали непременно на Тулу, гдѣ покупали оружіе, якобы для лѣсной стражи и проч. Никогда Тульскіе оружейники не торговали такъ бойко, какъ въ этомъ году. Тысячами везли оружіе изъ Тулы на глазахъ администраціи.

Съ прокламаціями дошло до того, что, на почтовой станціи, одному моему знакомому проѣзжіи господинъ, который впослѣдствіи оказался *Я—изъ*, вынувъ изъ чемодана нѣсколько десятковъ ихъ, предложилъ прочесть эти возмутительныя писанія. Тотъ отказался и посовѣтывалъ ему впредъ не дѣлать этого. Но *Я—изъ* продолжалъ свое дѣло и на одной изъ станцій, близъ Орла, въ эту же поѣздку былъ остановленъ мировымъ посредникомъ, который, вмѣстѣ съ исправникомъ, по какому-то дѣлу случился тутъ. Прокламаціи были напечатаны для войскъ; ихъ отобрали сейчасъ. Относились онѣ всѣ къ Польскому мятежу. Да, свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ, что дѣлалось безнаказанно въ 1863 году. Въ концѣ этого года уже многихъ изъ студентовъ везли чрезъ Москву, въ ссылку. Они дѣлали видъ, что не узнаютъ насъ. Нѣкоторые были ранены; одного изъ нихъ я узналъ: у несчастнаго оторвана была рука въ сраженіи.

*

Тульскіе выборы 1861 года были тише, чѣмъ въ 1858 году. Губернскимъ предводителемъ былъ вновь избранъ Василій Петровичъ Мининъ, который, конечно, былъ за помѣщиковъ въ спорныхъ вопросахъ. Онъ отвѣчалъ всегда только одно: помѣщикъ владыка своей земли; что хочетъ, то и даетъ. На возраженія или статью Положенія съ надписью «быть по сему»,—онъ говорилъ: *выть по сему* намъ несчастнымъ. Это былъ ярый крѣпостникъ, хотя и предобрый человекъ, любившій своихъ крестьянъ. За интересы и права дворянъ онъ стоялъ горой (какъ онъ ихъ понималъ).

На выборахъ 1861 года былъ избранъ кандидатомъ къ Минину графъ В. А. Бобринскій, одинъ изъ самыхъ крупныхъ помѣщиковъ Тульской губерніи, большой оригиналъ. Это было вскорѣ послѣ извѣстной исторіи его съ профессоромъ Шевыревымъ. Ждали, что Государь утвердитъ В. П. Минина, какъ старшаго кандидата, уже три года бывшаго къ тому же губернскимъ предводителемъ. Но на выборахъ Мининъ очень ратовалъ за права дворянъ, а подписанный адресъ о расширеніи политическихъ правъ дворянства не былъ принятъ, и утвержденнымъ губернскимъ предводителемъ оказался, ко всеобщему удивленію, графъ Василій Алексѣевичъ Бобринскій.

Когда-то либераль, графъ Василій Алексѣевичъ, какъ только заговорили объ эмансипаціи, вдругъ сдѣлался крѣпостникомъ и *объявился*, какъ у насъ говорили, *феодаломъ*. Сынъ перваго Бобринскаго, Алексѣя Григорьевича, графъ былъ полонъ противорѣчій и вообще казался

вполнѣ оригинальнымъ. Въ 1848 году онъ, вмѣстѣ съ княземъ Черкасскимъ и др., состоялъ въ комитетѣ для освобожденія, а съ 1858 года уже всюду говорилъ, что *насъ ограбили*. На одномъ обѣдѣ онъ хотѣлъ предложить тостъ за ограбленныхъ, т. е. дворянъ, но ему въ отвѣтъ хотѣли выпить здоровье его крестьянъ, такъ что тостъ не состоялся.

Мы не были однихъ воззрѣній съ В. П. Мининымъ, но очень уважали его за, хотя крѣпостныя, но твердыя убѣжденія. А про графа Бобринскаго никакъ нельзя было знать, въ извѣстный моментъ, что онъ сдѣлаетъ, что скажетъ. Графъ В. А. ненавидѣлъ князя Черкасскаго и его партію, но со мною былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, такъ какъ былъ другомъ съ моими покойными отцомъ и дѣдомъ.

Послѣ сороковаго года, когда былъ страшный голодъ въ Тульской губерніи, онъ продалъ «на свозъ» 2000 душъ крестьянъ изъ Епифанскаго уѣзда: два села по тысячѣ душъ, Егорьевское и Ивановское. Двѣ сельскихъ церкви этихъ селъ и доселѣ стоятъ одиноко въ полѣ. Выселеніе этихъ двухъ тысячъ душъ въ Херсонскую губернію изъ родныхъ гнѣздъ было ужасно. За нѣсколько верстъ слышны были плачь и причитаніе бабъ. Эти двѣ тысячи душъ съ женами и дѣтьми шли въ Херсонскую губернію, купленные знаменитымъ Бенардаки на пріобрѣтенныя имъ степи, шли непрекословно, безъ ропота... И что-же? Прошло нѣсколько лѣтъ, поселенцы-крестьяне Епифанскаго уѣзда обжились на новыхъ мѣстахъ, а потомъ стали благодарить судьбу, такъ какъ въ Херсонской губерніи имъ дали значительныя надѣлы, а Епифанскіе и Богородицкіе крестьяне графа Бобринскаго получили *очень малый надѣлъ*. На этотъ послѣдній крестьяне давно жалуются, и изъ за него-то были въ Люторцахъ и Бобрикахъ крестьянскія неурядицы.

Сами крестьяне очень наивно говорятъ про эту продажу на свозъ двухъ тысячъ душъ. Какъ-то, проѣзжая мимо одинокой церкви одного изъ выселенныхъ селъ, я, какъ будто не зная, спросилъ мужичка:—Что это у васъ церковь одна посреди поля?—Да это Егорьевская степь будетъ; развѣ вы не изволите знать, что графъ тутъ все село продалъ на свозъ?—А кому.—Да Берендякину, въ Херсонскую губернію. У насъ и по сейчасъ есть родственники тамъ.—Что же, плохо живутъ?—Да тогда тужили, а теперь лучше нашего живутъ. — Зачѣмъ же графъ продалъ ихъ?— Да деньги понадобились очень... преспокойно отвѣчалъ мнѣ мужичекъ, какъ о самомъ обыкновенномъ дѣлѣ.

Графъ Василій Алексѣевичъ мнѣ объяснилъ это дѣло иначе. Имѣнія были очень малоземельны. Въ сороковомъ году, во время голода, мужики, бывшіе всѣ на оброкѣ, объявили, что платить нечѣмъ; а чтобы прокормить двѣнадцать тысячъ душъ, нужно было около милліона

ассигнаціями. Графъ долженъ былъ въ милліонъ заложить имѣнія въ Опекунскомъ Совѣтѣ, для чего и перевелъ крестьянъ съ оброка на барщину и устроилъ хутора. Но такъ какъ земли для надѣла крестьянъ и еще для хуторовъ было мало, то графъ и вынужденъ былъ двѣ тысячи душъ выселить въ Херсонскую губернію, гдѣ, по его словамъ, было имъ лучше, чѣмъ здѣсь.

Потомъ, послѣ эмансипаціи, графъ Василій Алексѣевичъ все болѣе и болѣе сердился на крестьянъ. Когда они приходили просить хлѣба, онъ высылалъ имъ на поднось бѣлый хлѣбъ. Въ другое же время онъ готовъ былъ всякому помочь и не разъ помогалъ людямъ въ бѣдѣ. Такъ, однажды ремонтѣру, потерявшему казенныя деньги, онъ сунулъ въ карманъ 20000 р. ассигнаціями при прощаніи, незамѣтно для него, а потомъ и слышать не хотѣлъ о благодарности.

Въ Бобрикахъ былъ когда-то государыней Екатериною выстроенъ дворецъ на крутомъ берегу, при впаденіи Бобрика въ Донъ, который и беретъ начало въ Иванъ-озерѣ, въ имѣніи графа Бобринскаго, въ восьми верстахъ отъ Бобриковъ. Дворецъ былъ великолѣпный, крытый мѣдью; о постройкѣ его упоминаетъ въ своихъ Запискахъ Болотовъ, который управлялъ имѣніями, селомъ, а послѣ городомъ Богородицкомъ и Бобриками съ деревнями. Говорятъ, что молодой графъ Василій Алексѣевичъ, начитавшійся за границею мудрыхъ экономическихъ книгъ, велѣлъ сломать дворецъ, продать мѣдную крышу и весь матеріалъ, дабы капиталъ не былъ мертвъ, а приносилъ проценты. Дворецъ сломали и мѣдь раскрали, а на кирпичи изъ него въ г. Епифани возникло много кирпичныхъ домовъ. За сломку дворца подрядчикъ взялъ 20000 ассигнаціями, и ничего не осталось, кромѣ мусора. Графъ не любилъ говорить про сломанный дворецъ, вмѣсто котораго построилъ себѣ небольшой деревянный домъ. Отъ стараго дворца остались лишь службы, то есть помѣщенія людей, прислуги и конюшни, составляющія огромный дворъ и теперь еще похожія на большія казармы: это былъ дворъ дворца. Графъ самъ никогда не говорилъ про исторію дворца, но разъ какъ-то вскользь замѣтилъ, что дворецъ не былъ внутри отдѣланъ и что отдѣлка стоила бы сотни тысячъ, и что все таки не онъ сломалъ дворецъ, а будто, безъ его вѣдома, главноуправляющій Бергольцъ.

Въ г. Богородицкѣ дворецъ сохранился доселѣ, и ясно видно, что самый городъ выстроенъ для дворца. За большимъ, заводскимъ прудомъ, почти озеромъ, городъ раскинутъ вѣеромъ. Въ полукруглой гостинной пять оконъ, и противъ каждаго окна улица расположена такъ, что ее можно видѣть насквозь до конца, то есть главныя пять улицъ города распланированы соотвѣтственно окнамъ графской гостинной.

Будучи выбранъ губернскимъ предводителемъ, графъ Бобринскій сталъ немедленно чудить и во что бы то ни стало фрондировать противъ всякаго распоряженія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Такъ циркуляръ министерства о томъ, чтобы запасные магазины, въ которые крестьяне ссыпали свой хлѣбъ, были признаны собственностью крестьянъ, выводилъ графа изъ себя. Онъ полетѣлъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, которымъ тогда былъ П. А. Валуевъ.

— Какъ назвать портнаго, которому вы дадите сукно, чтобы сшить вамъ сюртукъ, а онъ украдетъ сукно? спросилъ графъ Бобринскій, представляясь Валуеву.

— Какъ же? Ну, воромъ, отвѣтилъ Валуевъ, не зная, къ чему графъ Василій Алексѣевичъ ведетъ рѣчь.

— Такъ позвольте мнѣ вашу циркуляръ также обозвать. Мы дали магазины для ссыпки въ нихъ хлѣба, а вы ихъ у насъ взяли, отдали мужикамъ чужую вещь. Все дѣло-то было пустое, но графъ Бобринскій изъ за него поднялъ цѣлую бурю.

Ненавидя князя Черкаскаго и Славянофиловъ, почему-то считая ихъ однихъ виновниками эмансипаціи, графъ сравнивалъ ихъ то съ Фурьеристами, то съ Анабаптистами; это была его излюбленная тема. Представляясь Государю Александру II, по случаю избранія губернскимъ предводителемъ, онъ не утерпѣлъ и началъ цѣлую тираду о Фурьеристахъ, Анабаптистахъ, Славянофилахъ, какъ людяхъ опасныхъ для трона и монархическаго начала. Государь долго слушалъ и подъ конецъ сказалъ: «Il ne faut pas être plus royaliste que le roi» ¹⁾.

Конечно, графъ Бобринскій не могъ долго оставаться на службѣ. Какъ только первая неудача постигла его ходатайство въ Петербургѣ, онъ вышелъ въ отставку. Его замѣнилъ Тульскій уѣздный предводитель дворянства Д. И. Коптевъ, къ великому сожалѣнію всей губерніи.

Послѣ отставки графа Бобринскаго, я довольно часто бывалъ у него въ Бобрикахъ, какъ ближайшій сосѣдь его. При всѣхъ своихъ странностяхъ и иносказательности въ разговорѣ, онъ много говорилъ замѣчательнаго. Между прочимъ, онъ одинъ изъ первыхъ предрекъ всеобщее оскудѣніе и какъ бы напроорочилъ голодъ:

— Въ 90—91 году у васъ, господа, говорилъ графъ, будетъ такой голодъ, что пироги будутъ печь съ человѣческимъ мясомъ! Я основываю на томъ свои сужденія, что исторія вездѣ одна и таже. Неккеръ уничтожилъ *la corvée* ²⁾ во Франціи и былъ послѣ это голодъ, и вотъ черезъ столько же лѣтъ, какъ во Франціи, будетъ и въ Россіи голодъ; по

¹⁾ Не слѣдуетъ быть монархистомъ больше, чѣмъ самъ монархъ.

²⁾ Барщина.

моему разсчету въ 1890—1891 году... Историческіе законы всюду тѣже. И Александра II ждетъ конецъ Людовика XVI-го, постоянно увѣрялъ графъ Бобринскій. Голодъ отгадалъ онъ довольно точно, хотя до человѣческаго мяса не доходило.

Его разсказъ о томъ, какъ онъ былъ въ лейбъ-гусарахъ, довольно комиченъ. Собрались всѣ на парадъ 1 Мая; я въ первый разъ въ строю. Всѣ знаютъ, куда ѣхать, я одинъ не знаю. Командуютъ—*скачите*; всѣ скачутъ; я одинъ не знаю, куда скакать и наталкиваюсь на генерала, который меня ругаетъ на чемъ свѣтъ стоитъ. Поварачиваю отъ него назадъ, натыкаюсь на два полка, которые меня опрокидываютъ, и я падаю... Два полка перескакиваютъ черезъ меня. Это такъ интересно было, что я на другой же день выхожу въ отставку.

Во время вопроса объ освобожденіи крестьянъ онъ носился со своимъ проектомъ и возилъ его по всѣмъ сосѣдямъ, вмѣстѣ со внукомъ Болотова, оставившимъ извѣстныя Записки. Этотъ внукъ Болотова, тоже Болотовъ (Михаилъ Павловичъ) долженъ былъ всѣмъ и каждому объяснять проектъ графа Бобринскаго, такъ какъ у самаго графа не доставало терпѣнія, и онъ говорилъ на половину по русски, на половину по французски. Начиналъ очень горячо самъ авторъ, но потомъ обращался къ Михаилу Павловичу: *De grâce, expliquez à ces messieurs* *), и Болотовъ продолжалъ твердить проектъ, какъ заученный урокъ. Всѣ слушали и скучали, какъ слушали и другіе проекты, коими въ 1859 и 1860 годахъ можно было хоть прудъ прудить.

Графъ Василій Алексѣевичъ говорилъ всѣмъ своимъ служащимъ *вы*, что не мѣшало ему иногда говорить неособенно пріятныя вещи... Когда же онъ вспылить, то бывалъ неукротимъ.

Скончался графъ Бобринскій въ 1874 г., слишкомъ 70 лѣтъ отъ роду.

Крестьяне долго не могли забыть, что ихъ съ оброка, то есть изъ вольныхъ, сдѣлали *барщинскими*; поэтому они неоднократно напоминали начальству, что земля когда-то была ихъ вся. Это было поводомъ къ безконечнымъ недоразумѣніямъ. Уже впослѣдствіи, когда я вводилъ всеобщую воинскую повинность въ Елифанскомъ уѣздѣ, какъ уѣздный предводитель и председатель рекрутскаго присутствія, меня поразили вновь начавшіеся между крестьянами разговоры о новой волѣ. Говорили, что землю раздѣлять по крестьянамъ, такъ какъ *рекрута* берутъ съ тысячи десятинъ, а поэтому у господъ не хватитъ рекрутовъ: вотъ мужички и получаютъ землю всю за то, что за дворянъ будутъ ставить рекрутовъ. Слухи эти были настолько распространены, что я, во время перваго всеобщаго набора, считъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ старшинамъ, чтобы они позаботились объяс-

*) Пожалуста, объясните этимъ господамъ.

нить на мѣстахъ новое положеніе, и положить конецъ всей этой глупой болтовнѣ, нашедшей пищу въ кабакахъ. Старшины выслушали и сказали—слушаю-съ; а нѣкоторые говорили, что у нихъ нѣтъ такихъ разговоровъ. Откуда что берется, думалъ я и при первомъ удобномъ случаѣ разговаривалъ съ ямщикомъ, меня везшимъ, неглупымъ малымъ.— Ну, кому вы отдали мою землю? спросилъ я, какъ будто не значай.

— Какъ кому?

— Ну да что ты прикидываешься, что не знаешь? Вѣдь вы весь уѣздъ подѣлили, говорятъ, по случаю рекрутчины новой? Говори!

Ямщикъ не сразу отвѣчалъ, а заговорилъ чрезъ нѣсколько минутъ, какъ бы разсуждая:

— Никому мы не отдавали твоей земли, да и ничьей купленной. Развѣ можемъ у тебя взять? Она у тебя трудовая; у тебя, небойсь, есть купчая. А у насъ толкъ идетъ о жалованной только.

— Какой жалованной?

— Какъ какой? Вотъ что графы владѣютъ. Она всегда была казенная, въ нашемъ владѣніи вся была, какъ у Дѣдловскихъ вотъ! А графы ее получили даромъ... Вотъ за нее и обидно: мы ставимъ рекрутовъ столько же, что другія села; а земли у насъ всей ничего противъ другихъ. Вотъ за этихъ-то рекрутовъ намъ и хотѣлось отъ графовъ получить землю...

— Да, конечно, прибавилъ онъ: все пустое — брехня, ничего не будетъ; да и почитай ужъ не болтаютъ даже.

Эти самыя причины, какъ я уже сказалъ, были поводомъ къ безпорядкамъ у Люторскихъ и другихъ крестьянъ: при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ крестьяне спѣшили заявлять хотя бы и о давнишнихъ правахъ на землю.

*

Такъ прошли у меня университетскіе годы: зима въ Москвѣ, за лекціями; а лѣто и осень въ деревнѣ, за устройствомъ хозяйства на новый ладъ. Началась въ деревнѣ совсѣмъ новая жизнь. Отношенія наши съ мужичками установились сразу на весьма хорошую ногу. Лишь изрѣдка, и то больше изъ-за господъ-посредниковъ (оговариваюсь, не перваго призыва), выходили недоразумѣнія съ крестьянами; серьезныхъ же столкновеній даже ни разу не было. Жизнь деревенская укладывалась въ извѣстныя рамки, изъ коихъ она было вышла въ 1861 году, и то не надолго.

Бросая взглядъ на прошлое, нельзя, конечно, не удивляться, какъ эта великая реформа, стоившая потоковъ крови въ другихъ странахъ, прошла у насъ мирно, сравнительно, конечно, такъ какъ мѣстами все-

таки не обошлось безъ столкновений. Но вѣдь эти безпорядки были асто и по винѣ начальства, или уже по совершенной безтолковости крестьянъ, наущаемыхъ кѣмъ-либо изъ злоумышленниковъ (какъ въ Казани бунтъ Антона Петрова и т. п.). Гдѣ мировые посредники были хороши, тамъ все сходило гладко, а отношенія устанавливались благополучно, скоро и мирно. Дольше всѣхъ не вводились грамоты у графа Бобринскаго, такъ какъ графъ Василій Алексѣевичъ не хотѣлъ разверстываться, говоря, что вся земля его. За это, впоследствии, заплатились наслѣдники графа, ибо не въ время сдѣланное разверстаніе повлекло за собою, при выкупѣ, множество затруднений.

Чѣмъ ближе подвигались мы къ концу курса, тѣмъ, конечно, болѣе интересными становились лекціи. Особенно любили мы профессора Н. И. Крылова, который живо интересовалъ насъ своими лекціями по Римскому праву. Очень хорошо читалъ Ѳ. М. Дмитріевъ Иностранное Законодѣніе, а Гражданское Судопроизводство К. П. Побѣдоносцовъ, читавшій въ 1864 году, когда были введены земскія учрежденія. Со дня на день ждала очереди новая реформа судовъ. Старый профессоръ Уголовнаго Права и Судопроизводства, С. И. Баршевъ, вѣчно ратовавшій противъ гласнаго суда, когда сравнивалъ суды Франціи и Англіи съ нашими, вдругъ переѣмнилъ фронтъ и началъ излагать новую реформу готовящагося у насъ судопроизводства. Когда его спросили: какъ же это такъ? Онъ очень хладнокровно отвѣчалъ, что сперва смотрѣлъ съ одной точки зрѣнія, а теперь смотреть съ другой.

Ждали съ нетерпѣніемъ открытія новыхъ судовъ, ибо (странно сказать) суда въ послѣдніе годы никакого не было. Старые суды на дѣлѣ никого не удовлетворяли, и страна была совсѣмъ безъ суда. Такъ держалось какъ-то само собою. Смѣясь говорили: самодержавная Русь, ибо сама себя держитъ, безъ суда.

Въ Москвѣ, на первомъ опытѣ состязательнаго суда, по дѣлу Волоховой, не было мѣста: такъ интересовались дѣломъ и гласнымъ судомъ, до того еще невѣдомымъ у насъ. Тутъ впервые появился славный адвокатъ князь А. И. Урусовъ.

Особенно первый курсъ любилъ лекціи Богословія и Церковнаго Права, читанныя профессоромъ и священникомъ университетской нашей церкви Сергіевскимъ. Ему часто аплодировали, что было запрещено строго. Рассказывали анекдотъ, будто митрополитъ Филаретъ вызывалъ профессора Сергіевскаго по этому поводу. «Почему это тебѣ хлопаютъ, за твои лекціи?» спросилъ владыка, «вѣдь это запрещено; чѣмъ это ты вызываешь?»—«Да вѣроятно оттого, что хорошо читаю, лекціи мои и нравятся студентамъ», отвѣчалъ отецъ Сергіевскій. «Ну

такъ лучше будетъ, если ты станешь читать хуже», сказалъ будто на это Филаретъ.

Тѣмъ не менѣ оваціи профессору Сергіевскому продолжались и вызывали выговоры студентамъ со стороны инспекціи. За то лекціи Б. Н. Чичерина, читавшаго Государственное Право, въ наше либеральное время вызывали часто неодобреніе студентовъ. Но Чичеринъ продолжалъ свое дѣло серьезно, не гонялся за популярностью и ни единымъ словомъ не обмолвился въ этомъ направленіи. Онъ читалъ твердо и ясно и высказывался безъ оговорокъ за образъ правленія монархическій неограниченный, и ему конечно не аплодировали либеральные студенты.

II.

Изъ временъ предводительства.

1879—1880.

... Я кончалъ уже четвертое трехлѣтіе моего предводительства и твердо рѣшился выйти въ отставку. Оставалось дослужить мѣсяца два. Собрались мы въ Депутатское Собраніе для разбора довѣренностей, представленныхъ къ дворянскимъ выборамъ на предстоящее трехлѣтіе, когда одинъ изъ предводителей, именно губернский, П. О. Самаринъ обратилъ вниманіе на то, что вновь вышедшая книга Дворянскаго Устава существенно разнится отъ прежней. Онъ замѣтилъ, что статья 232-я изложена иначе, чѣмъ прежде, именно: вмѣсто того, что губернаторы утверждаютъ предводителей, если они соотвѣтствуютъ цензу, въ новомъ изданіи двѣ статьи соединены вмѣстѣ, т. е. губернатору предоставляется право утверждать предводителей, какъ исправниковъ и другихъ чиновниковъ, *если они, по его мнѣнію, благонадежны*.

Какъ это въ новомъ изданіи незамѣтно соединились двѣ статьи въ одну, никто не зналъ; но это измѣняло совершенно условія службы и выборнаго начала. Всѣ предводители пришли къ заключенію, что, при такихъ условіяхъ, никто, конечно балотироваться не будетъ: ибо никому не желалось отдавать себя, свою совѣсть, свои убѣжденія на оцѣнку губернатора. (Къ тому же, въ Орлѣ уже возникло дѣло: губернаторъ, безъ всякой видимой причины, не утвердилъ двухъ, только что выбранныхъ, весьма почтенныхъ предводителей). Рѣшено было послать депутацію въ Петербургъ изъ трехъ лицъ, чтобы ходатайствовать объ отмѣнѣ этой статьи, такъ какъ она явно нарушала выборное право дворянства. Въ Сводѣ Законовъ ея не было; наконецъ, какъ и почему она была иначе изложена въ новомъ изданіи, никому не было извѣстно.

Въ депутацію были избраны: князь Е. А. Черкасскій, князь М. Р. Долгорукій и пишущій эти строки. Мы должны были ѣхать въ Петербургъ къ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ Льву Савичу Макову. Это было въ половинѣ Ноября 1879 года.

18 Ноября Государь Императоръ Александръ II проѣзжалъ чрезъ Тулу, на обратномъ пути изъ Крыма. Губернскій предводитель Самаринъ и я, (Епифанскій уѣздный предводитель, только что пожалованный въ должность шталмейстера) встрѣчали Государя на вокзалѣ. По обыкновенію, привѣтливо поговоривъ съ нѣкоторыми, Государь прослѣдовалъ дальше. Я остался на вокзалѣ дожидаться свитскаго поѣзда, который проходилъ чрезъ 20 минутъ. Дѣло было къ вечеру. Мнѣ хотѣлось поспѣть въ Москву къ царскому выходу, т. е. на другой день 20-го, утромъ. Въ свитѣ мнѣ всѣ были знакомы, я и хотѣлъ просить, чтобы меня взяли до Москвы, такъ какъ во время царскихъ проѣздовъ пассажирскіе обыкновенно очень запаздывали. Пока я ждалъ на вокзалѣ, подошелъ ко мнѣ Тульскій полицеймейстеръ, Тришатный, очень утомленный, но и очень довольный, что царскій поѣздъ прослѣдовалъ благополучно чрезъ Тулу. Ужъ наслушался я отъ него страховъ и что рельсы-то набиты чѣмъ-то, и торпеды готовятъ бросить подъ царскій поѣздъ—просто ужасы!.. Я недовѣрчиво качалъ головою. Подошелъ свитскій поѣздъ, наружностью мало отличавшійся отъ царскаго, развѣ что было много багажныхъ вагоновъ. Я попросилъ коменданта поѣзда позволить мнѣ сѣсть въ помѣщеніе инженеровъ Курской желѣзной дороги, которые любезно уступили мнѣ купе. Получивъ разрѣшеніе, я покатилъ въ Москву.

Всюду оказывались поѣзду царскія почести. Мы шли 20-ю минутами позже и по росписанію, утвержденному собственно для царскаго поѣзда. Въ Симферополь Государь пріѣхалъ получасомъ ранѣе назначеннаго времени, такъ что надо было ждать полчаса отправленія свитскаго поѣзда, который долженъ былъ идти впереди. Желая выиграть время и пріѣхать ранѣе въ Москву, графъ А. В. Адлербергъ предложилъ отправить царскій поѣздъ впередъ, по росписанію свитскаго, а свитскій чтобы шелъ по росписанію царскаго; такъ и было сдѣлано. Мы шли быстро. Я читалъ почти всю дорогу, которая прошла какъ-то даже незамѣтно, и я немного удивился, когда кондукторъ мнѣ сказалъ: сейчасъ Москва, прошли уже товарную станцію. Я сталъ надѣвать шинель, которую мнѣ подалъ кондукторъ, какъ раздался страшный трескъ, и сильнымъ толчкомъ меня отбросило въ дверь вагона... Вагонъ запрыгалъ, закачался! *Крушеніе!* успѣлъ я только крикнуть инженерамъ-сосѣдямъ; а самъ, слыша ломку буферовъ и боясь быть раздавленнымъ надвигавшимся вагономъ, рванулся къ двери и выскочилъ изъ вагона.

вмѣстѣ съ кондукторомъ, въ снѣгъ. Все произошло быстро, чѣмъ это можно разсказать. Было туманно. Выскакивая и запутавшись въ проволокахъ опрокинутаго телеграфнаго столба, я упалъ. Около лежавшаго столба охалъ какой-то сторожъ, котораго зацѣпило столбомъ, и еще, кажется, городской, котораго оглушило. Мѣсто куда я выскочилъ находилось противъ небольшой ямы, надъ которой еще бѣлѣлъ дымокъ. Пахло динамитомъ—запахъ мнѣ знакомый, такъ какъ у насъ въ каменно-угольныхъ шахтахъ работаютъ съ динамитомъ. Мнѣ вспомнились слова Тульского полицеймейстера... Неужели покушеніе?... Запахъ динамита, упавшій телеграфный столбъ, яма—ясно указывали на это... Тяжелое чувство! Но я невольно перекрестился: слава Богу, миновало! Первое смятеніе прошло...

— Чтѣ такое? громко окликнулъ я оберъ-кондуктора, который былъ съ Николаевской желѣзной дороги.

— Мостъ провалился, ваше сіятельство, отвѣчалъ онъ.

— Локомотивъ лопнулъ, ваше превосходительство, доложилъ какой-то, какъ изъ земли выросшій полицейскій офицеръ, страшно перепуганный и принявшій меня, по придворной формѣ, за генерала; у офицера дрожала рука, которую онъ держалъ подъ козырекъ.

— Какой вздоръ вы говорите! сказалъ я раздражаясь. Вы лучше бы смотрѣли, чтобы торпеды не подбрасывали подъ поѣздъ.

— Помилуйте, какая торпеда? Чтѣ вы? говорилъ офицеръ дрожащимъ голосомъ.

— Въ сторонѣ показался огонекъ за линією, продолжалъ офицеръ, мы всѣ и бросились туда, а пока вотъ...

Въ это время мы подвинулись впередъ и дошли до того мѣста, гдѣ вверхъ колесами лежалъ, взорванный Гартманомъ чрезъ подкопъ, багажный вагонъ; онъ оторвался и перевернулся вверхъ. Будь это съ пассажирскимъ вагономъ, прямо таки мармеладъ человѣческій вышелъ бы. Сомнѣнія не было! Офицеръ такъ и ахнулъ.

— По запаху динамита ясно, что это торпеда, сказалъ я.

Мнѣ и въ голову не приходило, что это, какъ оказалось потомъ, подкопъ—въ Москвѣ, въ Бѣлокаменной! Уже впоследствии это выяснилось. Нашли и депешу Сухорокову изъ Симферополя, гласившую «цѣна пшеницѣ 2 рубля, наша цѣна 4». Это означало—2-й поѣздъ, 4-й вагонъ, въ которомъ, предполагалось, поѣдетъ Государь и который, благодаря измѣненію поѣздовъ, проѣхалъ благополучно. Гартманъ и взорвалъ 4-й, но, къ счастью, багажный вагонъ, да еще съ Крымскими фруктами, такъ что не было человѣческихъ жертвъ; вышелъ, въ самомъ дѣлѣ, мармеладъ, только яблочный, а не человѣческій. А огонекъ, который видѣла полиція въ сторонѣ и бросилась на него, былъ фальш-

фейеръ, т. е. нѣчто въ родѣ ракеты, которую въ моментъ, когда нашъ поѣздъ вышелъ изъ закругленія, отъ товарной станціи, зажгла Софья Перовская, чтобы дать знать о нашемъ приближеніи: она и тогда, какъ и 1-го Марта 1881 года, исполняла роль махальщицы.

Сбѣжался народъ. Я поспѣшилъ взять извозчика, чтобы летѣть во дворецъ. Мнѣ все казалось—могутъ бросить торпеду еще гдѣ нибудь; надо предупредить. Я летѣлъ въ Кремлевскій дворецъ съ мучительными мыслями, а, когда подѣвхалъ къ нему, мнѣ стало еще тяжелѣе... Какой ужасъ привезти подобное извѣстіе!...

Оказалось, что оберъ-полицеймейстеръ и генералъ-губернаторъ уже уѣхали изъ дворца. Государь ложился почивать. Я прошелъ въ апартаменты министра императорскаго двора, къ графу А. В. Адлербергу, моему прямому начальнику. Меня не хотѣлъ пустить камердинеръ, говоря, что графъ ложится спать, усталый отъ двухъ-дневнаго путешествія, такъ какъ графъ дорогою не спитъ. Я вошелъ безъ доклада, чему, конечно, графъ удивился. Я въ короткихъ словахъ разсказалъ, въ чемъ дѣло; но былъ, разумѣется, очень взволнованъ. Графъ слушалъ внимательно, но недовѣрчиво.

— Вы знаете, при крушеніи нервы очень бываютъ разстроены. Вы ложитесь спать и, когда выспитесь, вамъ все иначе покажется.

Мой очередь былъ удивиться.

— Мнѣ не въ первый разъ, къ несчастію, быть въ поѣздахъ во время крушенія. Могу увѣрить васъ, графъ, что это динамитный взрывъ. Вѣдь отъ мѣста катастрофы верстъ 6—7 до сюда: если бы даже нервы мои расходились, и то можно успокоиться.

Графъ повѣрилъ мнѣ, наконецъ, и побѣжалъ со мною къ генералъ-адъютанту Дрентельну. Тотъ уже совсѣмъ не повѣрилъ.

— Не можетъ быть: у меня нѣтъ депеши! сказалъ онъ, глядя пристально то на меня, то на графа.

— Да и не можетъ быть, ваше высокопревосходительство: все это случилось не болѣе какъ полчаса назадъ. Никто не успѣлъ прибыть на мѣсто; да и депеша нескоро будетъ, такъ какъ телеграфныя проволоки всѣ порваны.

Дрентельнъ тотчасъ собрался туда скакать; но его уговорили тѣмъ, что его присутствіе ничему не поможетъ.—Да и туманъ густой, доложилъ я.

— Поѣзжайте немедленно къ генералъ-губернатору, князю Долгорукову и доложите ему о случившемся, сказалъ мнѣ графъ Александръ Владимировичъ Адлербергъ.

Я поскакалъ на Тверскую площадь. Князь Долгоруковъ только-

что расположился пить чай, въ халатѣ. Мое позднее появленіе его очень озадачило. — Что случилось? спросилъ онъ, узнавъ, что я отъ графа Адлерберга.

Я принялся рассказывать все, какъ было, и все твердилъ про торпеды. Я никогда не забуду впечатлѣнія, которое мои слова произвели на князя Владимира Андреевича. Я никогда не видалъ, чтобы человѣкъ могъ такъ испугаться, какъ онъ тогда. Онъ меня перебилъ:

— Покушеніе въ Москвѣ, говорите вы? Никогда, милостивый государь: это вамъ все показалось! И, схвативъ меня за пуговицу мундира, онъ долго тормошилъ ее, приговаривая: никогда, никогда!

Мнѣ стало жаль старика, но я стоялъ на своемъ. Успокоившись, князь началъ при мнѣ молиться и благодарить Бога, что опасность миновала для обожаемаго Монарха.

— Поѣзжайте къ оберъ-полиціймейстеру; а я сдѣлаю свои распоряженія. Прокурора, слѣдователя, сюда! Скорѣй, скорѣй, твердилъ онъ.

Когда я подѣхалъ къ подѣзду оберъ-полиціймейстера, туда подлѣтѣла взмыленная пара: это былъ приставъ Рогожской части, у котораго случилось происшествіе.

— Второй императорскій поѣздъ сошелъ съ рельсовъ, рапортовалъ онъ дежурному чиновнику въ передней. — Нѣтъ, не сошелъ, а взорванъ! перебилъ я. Надо было видѣть удивленіе пристава.

— Этого никто не можетъ доказать. — Да, неизвѣстно, чѣмъ онъ взорванъ; но онъ взорванъ: я былъ въ поѣздѣ...

Приставъ окончательно сконфузился. Утромъ уже выяснилось, что это былъ подкопъ и проч.

На Курскомъ вокзалѣ все еще ждали свитскаго поѣзда. Товарная станція сообщила, что поѣздъ вышелъ; ходу пять минутъ. Ждутъ 10, 15 минутъ—нѣтъ поѣзда. Все начальство на лицо; они только-что получили благодарность за благополучное прослѣдованіе царскаго поѣзда по ихъ дорогѣ. Всѣ начинаютъ беспокоиться.

— Узнайте, не дано ли отправленіе *) раньше времени? говоритъ управляющій дорогою.

А. П. Орловъ бѣжитъ въ телеграфъ. — Спросите, не дала ли знать «товарная Москва», раньше прихода поѣзда? обращается онъ къ телеграфисткѣ. Та стучитъ.—Аппаратъ не дѣйствуетъ, говоритъ она.—Соедините съ другимъ аппаратомъ! Таже исторія: оказывается, ни одинъ изъ 10 не дѣйствуетъ.—Волненіе усиливается.—Подать па-

*) Техническое выраженіе. Передъ отправленіемъ каждаго поѣзда станція запрашиваетъ слѣдующую, свободенъ-ли путь и, получивъ отвѣтъ *да*, сообщаетъ, что номеръ такой-то вышелъ въ путь; но иногда телеграфистъ, для быстроты дѣла, сообщаетъ о выходѣ поѣзда, тогда какъ онъ еще не тронулся.

ровозъ! требуетъ начальникъ дороги. — Прошло уже болѣе получаса; вдругъ видятъ, бѣжитъ дорожный мастеръ. Онъ бѣжалъ отъ мѣста катастрофы, запыхался и такъ взволновался, что не могъ слова вымолвить. Его теребятъ, спрашиваютъ, чтó случилось? Наконецъ, онъ съ трудомъ выговариваетъ: несчастіе — поѣздъ взлетѣлъ на воздухъ... Какъ!?. Весь, отвѣчаетъ онъ... Ему со страха Богъ вѣсть, чтó pokazалось.

Государю утромъ первый доложилъ о случившемся камердинеръ со словъ стремяннаго государева, который былъ на поѣздѣ. Черезъ нѣсколько времени явились генералъ-губернаторъ и оберъ-полицеймейстеръ; послѣдній съ отставкою, которая не была принята. Государь былъ очень покоенъ. Мы всѣ ждали въ залахъ дворца выхода Его Императорскаго Величества. Меня осаждали вопросами. Наконецъ, вышелъ Императоръ. Въ первой залѣ стояли дамы съ одной, мы придворные — съ другой стороны. Многіе были такъ взволнованы, что еле могли говорить. У меня тоже щемило въ горлѣ, когда я увидалъ Императора. Проходя мимо меня, Государь вдругъ обернулся.

— И ты тамъ былъ? спросилъ онъ.

— Точно такъ, Ваше Императорское Величество.

Я бросился къ Государю и не могъ удержаться, чтобы не поцѣловать протянутую руку, и взволнованно высказалъ, насколько мы счастливы, что Господь сохранилъ его Россіи. Я такъ былъ тогда взволнованъ, что едва разслышалъ, какъ Государь сказалъ: — Я благодарю Бога, что Онъ сохранилъ васъ для семьи. (Я понялъ такъ: т. е. всѣхъ бывшихъ на поѣздѣ). Очень обидно было бы, еслибы порядочные люди гибли отъ такихъ злодѣйствъ... Государь уже на ходу говорилъ, и далѣе я не разслышалъ.

Москва была поражена этимъ происшествіемъ: это было покушеніе въ стѣнахъ ея!.. Народъ собирался разметать въ Рогожской, домъ Сухорукова, т. е. Гартмана, который самъ успѣлъ скрыться.

*

Государь уѣхалъ въ Петербургъ. Все начало приходить въ свою колею. Тульская депутація собралась въ Петербургъ хлопотать объ исправленіи 232-й статьи. Мы втроемъ въ Москвѣ явились къ князю В. А. Долгорукову, такъ какъ онъ расширилъ въ то время свои права по политическимъ дѣламъ и на Тульскую губернію. Князь принялъ насъ любезно; но, когда мы объяснили ему причину нашего визита, онъ поморщился и весьма вѣрно замѣтилъ, что въ Петербургѣ не особенно будутъ довольны нашему пріѣзду.

— Подумають, что вы пользуетесь настоящими затрудненіями, чтобы выхлопотать себѣ разныя права.

— Но вѣдь это не такъ: постановленіе депутатскаго собранія состоялось раньше 14 Ноября?

— Такъ-то такъ, сказалъ князь; а, право, вы лучше пошлите одного князя Оболенскаго съ бумагою въ Петербургъ. Онъ такъ часто ѣздитъ, что его пріѣздъ никакого впечатлѣнія не произведетъ; а для депутаціи неудобное время.

Мы согласились съ мнѣніемъ князя, и я поѣхалъ одинъ. Л. С. Макова я зналъ мало, но за то хорошо зналъ графа П. А. Валуева и поѣхалъ прямо къ нему за совѣтомъ. Я объяснилъ ему, въ чемъ дѣло. Графъ былъ того мнѣнія, что это просто редакціонная ошибка, благодаря которой двѣ статьи соединены въ одну и что дѣло разъяснится въ нашу пользу. Намъ, главнымъ образомъ, нежелательно было, чтобы дѣло было истолковано иначе, чѣмъ оно есть. Мы просили только отложить выборы на столько времени, сколько потребуется, чтобы исправить ошибку. Графъ Валуевъ обѣщалъ переговорить съ Маковымъ. На мое счастье, пока я сидѣлъ у графа, къ нему принесли приглашеніе во дворецъ обѣдать у Государыни.

— Прекрасный случай, сказалъ Валуевъ; я буду за обѣдомъ говорить о вашемъ дѣлѣ.

Поѣхалъ я къ Макову. День оказался непріемный. Швейцаръ и курьеры объявили, что не могутъ даже докладывать. Тогда я, дѣлать нечего, пустился на хитрость, на которую надоумѣлъ меня курьеръ.

— Они (т. е. Маковъ), говорилъ курьеръ, въ часъ идутъ завтракать къ супругѣ, такъ я васъ поставлю на площадкѣ, чтобы вы съ нимъ нечаянно сошлись: вы пойдете, какъ бы съ визитомъ къ ихъ супругѣ.

Такъ и сдѣлали. Л. С. Макову пришлось поневолѣ меня выслушать. Онъ назначилъ мнѣ свиданіе черезъ день, а депешо вызвалъ губернатора. Черезъ день я явился и выяснилъ съ своей стороны, въ чемъ дѣло, которое губернаторъ уже успѣлъ доложить до меня.

Л. С. Маковъ былъ недоволенъ и, конечно, сказалъ, что у правительства и такъ много затрудненій и хлопотъ. Я возражалъ, что мы ихъ и хотѣли избѣжать у себя; что хуже было бы, еслибы эту статью не исправили, а дворяне не выбрали бы ни одного предводителя, а это легко могло случиться; и что поэтому депутатское собраніе просить выборы отложить на три мѣсяца (выборы должны быть черезъ недѣлю).

— Все сдѣлалъ губернской предводитель Самаринъ, вставилъ свое слово губернаторъ: еслибы не онъ, ничего бы не было.

— Нисколько! вмѣшался тутъ я, вынимая изъ кармана постановленіе депутатскаго собранія: тутъ подписи всѣхъ предводителей. ко-

которые просят отложить выборы; съ ихъ почина возникло дѣло, и послана депутація, представитель которой въ эту минуту—я.

Маковъ быстро пробѣжалъ бумагу, которую я ему подаль.

— Это дѣло возникло по постановленію депутатскаго собранія, вы правы, сказалъ онъ. При такихъ условіяхъ я не рѣшусь открыть дворянскаго собранія. Ёду сейчасъ къ Государю съ докладомъ. Вѣроятно, Его Величество соизволитъ на отсрочку выборовъ.

Я остался очень доволенъ такимъ оборотомъ дѣла. Оказалось, что наканунѣ графъ Валуевъ долго бесѣдовалъ съ Маковымъ, да и при дворѣ подготовилъ почву. Наше ходатайство было принято благосклонно (конечно, относительно) и поступило во II-е Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи, которою управлялъ князь С. Н. Урусовъ. Я поѣхалъ къ нему. Я былъ сосѣдъ князю по его Тульскому имѣнію, Епифанскаго уѣзда. Князь былъ въ своемъ родѣ оригиналь. Онъ очень низко кланялся и до того былъ вѣжливъ, что можно было думать, что насмѣхается. Такъ и тутъ; князь меня принялъ съ низкими поклонами и, когда я просилъ у него позволенія выяснить дѣло, онъ сказалъ:

— Съ удовольствіемъ, но прошу и у васъ, у своего предводителя, одной милости: позвольте въ вашемъ присутствіи курить. (Я же не курю).

Мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, казалась такая утонченная вѣжливость какъ бы насмѣшкою отъ сановника; но оказалось, что это была привычка князя С. Н. Урусова. Князь выслушалъ меня и общалъ свое содѣйствіе.

Мнѣ вспомнился другой случай, когда я былъ у князя С. Н. Урусова. Это было по поводу того, что губернаторъ М. Р. Шидловскій хотѣлъ непремѣнно парализовать дѣятельность мировыхъ сѣздовъ и мировыхъ посредниковъ. По смыслу крестьянскаго положенія 19-го Февраля 1861 года, мировой сѣздъ былъ кассационною инстанціею для волостныхъ судовъ; поэтому рѣшенія сѣзда по этимъ дѣламъ были окончательными. Губернаторъ же началъ принимать жалобы на сѣзды, по рѣшенію волостныхъ судовъ и расплодилъ такую массу дѣлъ, что въ уѣздѣ нельзя было привести въ исполненіе ни одного рѣшенія волостнаго суда: всякое было обжаловано. Въ уѣздѣ пошла такая ерунда, что въ дѣлахъ крестьянскихъ выходилъ прямо застой: кто жаловался на мировой сѣздъ въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, кто губернатору, кто министру—словомъ, пошла невообразимая путаница. Благодаря князю С. Н. Урусову, моя докладная записка пошла въ Сенатъ, и Сенатъ, въ концѣ концовъ, согласился съ моимъ толкованіемъ положенія 19-го Февраля. Особымъ указомъ было объявлено, что рѣшенія мировыхъ сѣздовъ, по дѣламъ волостныхъ су-

довъ, суть окончательныя, что двухъ кассаций не можетъ быть. И на этотъ разъ ходатайство увѣнчалось успѣхомъ.

Всякій разъ, какъ являлся я по дѣлу къ князю С. Н. Урусову, онъ вспоминалъ, что зналъ всю мою родню въ Москвѣ, особенно бабушку, Софью Гавриловну Бибикову, и всякій разъ извинялся, что курить... Служилъ князь С. Н. Урусовъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Москвѣ, въ старомъ Сенатѣ, долго и попалъ туда не по своему желанію. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей у графа Блудова въ царствованіе Николая Павловича. Всѣ части Свода Законовъ, по мѣрѣ редакціи ихъ, предъ тѣмъ, какъ выйдти въ свѣтъ, представлялись на Высочайшее благоусмотрѣніе. Какъ-то была допущена слѣдующая ошибка, которую князь Урусовъ просмотрѣлъ; по смерти мужа вдова получаетъ четвертую часть изъ недвижимаго и седьмую изъ движимаго, т. е.—именно наоборотъ того, что слѣдовало. Государь замѣтилъ ошибку и вернулъ Блудову печатные листы съ запросомъ, кто такъ небрежно редактируетъ, и какъ смѣли въ такомъ видѣ представить ему. Графъ Блудовъ, испуганный, пріѣхалъ во дворецъ съ объясненіемъ, что это нечаянная ошибка князя С. Н. Урусова.

— Уволить въ отставку!

— Это мой лучший чиновникъ, заступился за князя графъ Блудовъ.

— Хороши остальные, если это лучший!

И графу Блудову съ большимъ трудомъ удалось отстоять князя С. Н. Урусову переводъ въ Москву, гдѣ князь многіе годы служилъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ.

Но я отклонился отъ разсказа о моей Петербургской поѣздкѣ. Черезъ день Л. С. Маковъ сообщаетъ мнѣ, что ходатайство Тульскихъ предводителей уважено: выборы отложены. Я, крайне довольный, собрался въ Тулу, поблагодаривъ графа Валуева за участіе. Положительно, его ловкое, дипломатическое вмѣшательство дало намъ ходатайству то направленіе, котораго мы желали.

Статья была измѣнена во II-мъ Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи, и мы ее получили уже въ исправленномъ видѣ, къ выборамъ, которые состоялись въ Февралѣ 1880 года. Правъ намъ возвращены, и губернаторъ по прежнему долженъ утверждать предводителей, если они по цензу соответствуютъ требованіямъ закона, не имѣя права разбирать ихъ благонадежность.

Я оставлялъ службу послѣ двѣнадцати лѣтъ, хотя мнѣ предлагали продолжать оную. Да и губернский предводитель, котораго мы очень уважали, тоже уходилъ. На сцену выступили новые люди. Передъ выходомъ мнѣ пришлось написать записку о дворянскихъ правахъ, которая возбудила интересъ въ другихъ губерніяхъ, но которую

новый губернский предводитель не нашелъ умѣстнымъ читать. Я послалъ ее многимъ губернскимъ предводителямъ и знаю, что во многихъ собраніяхъ, между прочимъ въ Нижнемъ Новгородѣ, ее читали въ залѣ собранія.

Наши выборы припѣлись ко времени празднованія двадцатипятилѣтія царствованія покойнаго Императора Александра II. Я былъ въ комиссіи, которая писала адресъ Государю и нахожу, что адресъ былъ очень удаченъ.

Когда прочли въ залѣ собранія объ исправленіи 232-й статьи, раздались громкія рукоплесканія. Также адресъ Императору заслужилъ шумное одобреніе *).

*) Вотъ этотъ адресъ:

Ваше Императорское Величество!

Тульское Дворянство, собравшись наканунѣ 25-лѣтней годовщины Вашего славнаго царствованія, считаетъ вѣрноподданническимъ долгомъ привѣтствовать Ваше Величество съ этимъ для Васъ и для Россіи достопамятнымъ днемъ. Съ отраднымъ чувствомъ дворянство вспоминаетъ, что, въ теченіе четверти вѣка, оно было взыскано Вами, Государь, дорогою для каждаго изъ дворянъ милостью быть призваннымъ къ содѣйствію въ великихъ предначертаніяхъ и дѣлахъ, ознаменовавшихъ царствованіе Ваше. И при освобожденіи двадцати миліоннаго населенія отъ крѣпостной зависимости, и при введеніи земскихъ учрежденій, положенныхъ Вами красугольнымъ камнемъ будущаго общественнаго развитія Россіи, и въ великомъ подвигѣ освобожденія единовѣрцевъ отъ вѣковаго ига нечуждыхъ, настоящему поколѣнію Русскаго дворянства выпало на долю быть посильнымъ участникомъ славныхъ дѣяній Вашего Величества. Мы спокойно празднуемъ эту дорогую для каждаго изъ насъ годовщину, не смотря на то, что на пути мирнаго развитія нашей родной страны, которому Ваше Величество положили начало, зависть вѣншихъ враговъ и козни внутренней измѣны чинить преграды и смуты, дошедшія до крайнихъ предѣловъ гнуснѣйшихъ покушеній. Вознося молитвы предъ алтаремъ Царя царствующихъ за Царя-Освободителя, мы съ твердой вѣрой уповаемъ на будущее, мы глубоко вѣруемъ, Государь, что Всевластный Промыселъ, столь чудно хранящій Васъ, укажетъ Вамъ и путь къ искорененію крамолы и измѣны и къ прочному установленію мира и благоденствія, какъ указалъ его родоначальнику Вашему, излюбленному избраннику земли Русской, который, говоря словами дорогой для насъ грамоты „промыслилъ общимъ совѣтомъ призванныхъ лучшихъ людей великаго Россійскаго царства, какъ государству стоять крѣпко и непоколебимо.“ Твердо памятуя прошлое нашего отечества, мы знаемъ, что въ самыя тяжкія времена, какъ внутреннихъ смутъ, такъ и вражескихъ погромовъ, только въ тѣсномъ единеніи Самодержца съ народомъ обрѣталось спасеніе и отъ врага, и отъ крамолы. Вотъ почему въ этотъ знаменательный день мы считаемъ долгомъ

На этихъ выборахъ значительно перемѣнился составъ предводителей Тульской губерніи. Умѣнье председательствовать въ Земскомъ и Дворянскомъ Собраніи было причиною, что П. Θ. Самарина выбирали и въ Петербургѣ въ председатели Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита, послѣ знаменитаго Юхновскаго краха.

Послѣ двѣнадцатилѣтней службы отказался и я отъ предводительства. Я подалъ на губернской столъ свою записку. Но, какъ никто не пророкъ въ отечествѣ своемъ, то въ Тулѣ мою записку положили подъ сукно. Да и реакція была полная...

Тотъ же П. Θ. Самаринъ, которому Тульское дворянское собраніе рукоплескало такъ недавно, какъ представителю лучшаго направленія, какъ дѣятелю по освобожденію крестьянъ, какъ живому земскому дѣятелю и судебной реформы, черезъ 5—6 лѣтъ оказался въ меньшинствѣ при выборѣ въ должность губернскаго предводителя, такъ блестяще исполняемую имъ въ теченіи шести лѣтъ, въ трудное для дворянства время. Невольно приходитъ на умъ, какъ дешево стоить людскія оваціи и какъ мало цѣненъ временный успѣхъ!

—

Мнѣ оставалось дослуживать уже недолго въ должности предводителя. Я сдавалъ квартиру и дѣлалъ распоряженія, необходимыя при оставленіи обязанности, которую выполнялъ 12-й годъ. Какъ-то еще лѣтомъ 1879 года, когда я былъ на мировомъ сѣздѣ въ городѣ, пріѣхалъ непремѣнный членъ сѣзда Е. В. Марковъ и сообщилъ, что въ Люторцахъ, имѣніи графа Бобринскаго, разыгралась непріятная исторія, что тамошніе крестьяне воспротивились описи, такъ что судебный приставъ Тульского Окружнаго Суда, начавшій было эту опись, не кончилъ ее и долженъ былъ уѣхать изъ селенія. Какъ председатель сѣзда, по должности предводителя, я подробно спросилъ непремѣннаго члена Маркова объ этой непріятной исторіи. Для меня не было сомнѣнія, что на сценѣ тотъ же аграрный вопросъ бывшихъ казенныхъ крестьянъ.

Въ данномъ случаѣ дѣло представлялось въ такомъ видѣ. За крестьянами села Люторицъ накопилось много недоимокъ. Такъ какъ взысканіе этихъ недоимокъ административнымъ путемъ сопряжено съ большими оговорками и затрудненіями, то управляющій графа Бобрин-

своимъ заявить Вамъ, Государь, что и мы, какъ предки наши, сумѣемъ достойно отозваться на призывъ Вашъ и какъ они въ ту тяжелую годину испытаній, въ любви, въ совѣтѣ и въ единеніи съ Самодержцемъ своимъ, потрудиться на благо отечества и на упроченіе его развитія на тѣхъ началахъ, которыхъ основу Вы заложили въ первое двадцатипятилѣтіе Вашего славнаго царствованія.

скаго, А. К. Фишеръ, взялъ съ крестьянъ вексель на всю сумму и, вѣроятно, на свое имя, дабы не примѣшивать къ дѣлу, если таковое возникнетъ, имени графа. Крестьяне заартачились платить по этому векселю, увѣряя, что эти 5,000 рублей они уже отработали; между тѣмъ доказательствъ на это у нихъ никакихъ не было.

Я вызвалъ на сѣздъ главныхъ зачинщиковъ этого дѣла, указанныхъ мнѣ непремѣннымъ членомъ и исправникомъ, чтобы объяснить имъ всю незаконность ихъ поступка и то, что они обязаны подчиниться указу Тульского Окружнаго Суда, по исполнительному листу коего у нихъ описывалось имущество. Но въ день, въ который я назначилъ явиться только восьми человѣкамъ, предъ окнами моей квартиры въ Епифани появилась толпа въ нѣсколько сотъ мужиковъ и бабъ изъ Люторицъ, находящихся отъ города въ 10 верстахъ. Я вышелъ къ стоявшей предъ окнами толпѣ и удивленно спросилъ: зачѣмъ пришло все село, когда я требовалъ только восемь человѣкъ; въ особенности—зачѣмъ пришли бабы?

— Да мы всѣ желаемъ знать, что будетъ, сказала ближе другихъ стоявшая баба; а если только восемь человѣкъ придутъ, ихъ въ острогъ засадятъ.

— Очень глупо сдѣлали, сказалъ я толпѣ, что пришли всѣ. Я не могу говорить со всѣми, и вы только хуже дѣлаете, что затѣваете такой вздоръ. Если начальство потребуетъ, то вѣдь и ваша вся толпа не помѣшаетъ хотя бы въ острогъ взять тѣхъ, кого прикажутъ. Ну, да въ чемъ дѣло?

— Такъ-то такъ, отвѣчалъ мнѣ коноводъ, сейчасъ же объявившійся: мы супротивъ графа ничего не имѣемъ, а Фишеру (т. е. управляющему) денегъ не дадимъ.

— Да васъ объ этомъ никто не спрашиваетъ. А разъ выданъ исполнительный листъ, вы должны подчиниться требованіямъ пристава; иначе вѣдь силою заставятъ.

— Такъ-то такъ, а мы не согласны Фишеру платить, что хошь дѣлай!

Тутъ, конечно, опять начался цѣлый разговоръ о томъ, что земли мало, что когда-то она была вся ихъ, что они отъ этого пропадаютъ. Всѣ мои указанія на законность исполнительнаго листа мало, повидимому, дѣйствовали на возбужденную толпу, съ которою я отказался говорить, а вызвалъ въ залу сѣзда лишь нѣсколькихъ. Вся громадная толпа продолжала стоять на улицѣ, и тогда я окончательно заявилъ, что не буду говорить съ толпою.

Между тѣмъ Тульская администрація, извѣщенная юстиціею, что судебного пристава Прусакова выгнали изъ Люторицъ, поспѣшила принять мѣры. Рѣшено было послать батальонъ пѣхоты въ Люторицы,

чтобы заставить крестьянъ исполнить предписаніе суда. Самъ исправлявшій должность губернатора *** съ прокуроромъ Н. В. Давыдовымъ и жандармскимъ полковникомъ собрались выѣхать на мѣсто, чтобы еще попробовать образумить крестьянъ. Я въ этотъ день былъ вызванъ въ Тулу на совѣщаніе, которое должно было рѣшить, какъ поступить. *** былъ очень милый и хорошій человѣкъ, но никогда почти не жившій въ Россіи, не знавшій ни быта нашего, ни крестьянъ, тѣмъ паче еще настроенія крестьянъ графа Бобринскаго.

Все губернское начальство собралось изъ Тулы выѣхать на утро, по Ряжско-Вяземской желѣзной дорогѣ, на станцію Узловую, къ которой ближе всего село Люторицы. Исправляющій должность губернатора послалъ телеграмму Епифанскому исправнику, чтобы приготовить экипажи для слѣдованія въ Люторцы. Зная по опыту, до какой степени желѣзнодорожный телеграфъ неисправенъ и что въ городѣ Епифани нѣтъ никакого телеграфа, я послалъ отъ себя, въ свое имѣніе (отстоящее отъ Узловой въ 7 верстахъ) приказъ, чтобы выставить мои экипажи подъ губернское начальство.

Утромъ тронулись мы изъ Тулы: вице-губернаторъ, прокуроръ, жандармскій полковникъ и еще два чиновника. Пріѣхавъ въ Узловую, *** сейчасъ же потребовалъ, чтобы были поданы экипажи, о коихъ онъ телеграфировалъ. Оказалось, что были присланы экипажи отъ управляющаго графа Бобринскаго, А. К. Фишера. *** уже собирался ѣздить, но я его остановилъ.

— Не думаю, чтобы удобно было пріѣхать вамъ въ Люторцы въ экипажѣ г. Фишера, противъ котораго, главнымъ образомъ, возмущены крестьяне: экипажи Фишера всякій знаетъ въ селѣ Люторцахъ

— Ахъ, какъ благодаренъ я вамъ за совѣтъ, воскликнулъ ***; но какъ же быть? Исправникъ, въ самомъ дѣлѣ, ничего не сдѣлалъ и, вообразите, не дожидается меня!

— Да онъ ничего и не могъ сдѣлать: онъ врядъ ли и депешу вашу получилъ, такъ какъ телеграфъ отъ города въ 16 верстахъ, и дожидаться васъ онъ не можетъ, ибо Узловая Богородицкаго, а не Епифанскаго уѣзда; въ данномъ случаѣ я беру на себя защиту исправника. А экипажи мои къ вашимъ услугамъ.

*** остался очень доволенъ, и мы разсѣлись въ двухъ моихъ большихъ коляскахъ. Тронулись; я ѣхалъ съ *** и прокуроромъ въ одной, жандармскій офицеръ въ другой. *** до смѣшнаго не зналъ деревни. Когда мы подъѣхали къ первому селенію, по дорогѣ въ Люторцы, именно къ селу Каменкѣ, то онъ обратилъ вниманіе

на множество вѣтряныхъ мельницъ на выгонѣ. Онъ слышалъ, что у меня, близъ Узловой, были каменно-угольные шахты.

— Это, должно быть, ваши шахты, спросилъ онъ, указывая на мельницы, которыя, дѣйствительно, мало походили на тѣ, кои нашъ новый администраторъ видалъ за границей.

— Нѣтъ, это мельницы вѣтряныя, отвѣчалъ я.

*** удивился. Проѣхавъ верстъ 10, мы встрѣтили помощника исправника; депеша губернатора была получена имъ въ городѣ Епифани лишь утромъ и, не зная, какъ и откуда взять экипажей, онъ выѣхалъ къ намъ на встрѣчу самъ. Проѣхали еще верстъ 5 и встрѣтили исправника съ приставомъ, ѣхавшихъ изъ Люторицъ. *** очень строго спросилъ, почему не исполнено приказаніе. На это исправникъ спѣшилъ донести, что онъ съ судебнымъ приставомъ еще разъ были въ Люторцахъ, но что тамъ формальный бунтъ. Они пытались было произвести опись, но ихъ всѣхъ и урядниковъ выгнали изъ села. Ъхать въ Люторцы опасно: народъ разбилъ кабакъ, массы пьяныхъ; надо ѣхать въ объѣздъ въ городъ, гдѣ и ждать прибытія войскъ. *** многозначительно взглянулъ на меня и на прокурора, не зная что предпринять. Меня, знавшаго близко всѣ эти селенія, гдѣ я чуть не еженедѣльно бывалъ и ѣдучи на сѣзды, и на охотѣ, гдѣ я зналъ лично многихъ крестьянъ, болтовня исправника, ничего не знавшаго, сердила.

— Позвольте мнѣ, ***, сдѣлать нѣсколько вопросовъ г. исправнику.

— Сдѣлайте одолженіе.

— Вы говорите, что народъ разбилъ кабакъ? спросилъ я.

— Да-съ.

— Какъ же могли разбить кабакъ, когда его въ Люторцахъ уже болѣе года нѣтъ?

Исправникъ не зналъ, что отвѣчать, но потомъ оправившись сказалъ:

— Не кабакъ, а бочку, которую везъ въ Бобрики кабатчикъ.

— Такъ это разница, и то мало вѣроятно; а есть мастера чрезъ соломинку тянуть изъ бочки вино—это скорѣе. Я не вѣрю, чтобы днемъ разграбили бочку даже.

Исправникъ сконфузился.

— Да и ѣхать въ объѣздъ—что за вздоръ! Если я, предсѣдатель сѣзда, знающій чуть ли не всѣхъ этихъ Люторскихъ мужиковъ, поѣду въ объѣздъ, то послѣ этого мнѣ и служить нельзя. Я не поѣду въ объѣздъ: это можетъ совѣтывать только совсѣмъ не знающій человѣкъ.

Мы тронулись далѣе и доѣхали до Смородинки (7 верстъ отъ Люторицы). Въ Смородинкѣ—большое село—уже знали о нашемъ приѣздѣ, и весь сходъ вышелъ къ намъ съ хлѣбомъ-солью на встрѣчу. *** былъ очень удивленъ и доволенъ.

— Il faut que je leur dise quelque chose? *) спросилъ онъ меня. Какъ вы думаете. Что нибудь въ родѣ, что вы вотъ бабы и мужики...

— Ради Бога, ничего не говорите, ничего не нужно.

— Ну, такъ дайте мнѣ руку, и мы пройдемся по толпѣ, чтобы народъ видѣлъ, въ какихъ отличныхъ отношеніяхъ администрація съ вами, предсѣдателемъ сѣзда и предводителемъ, и вообще съ выборными лицами уѣзда.

— Ничего этого они не поймутъ, сказалъ я.

Но *** желалъ поставить на своемъ и, я полагаю, онъ возбуждалъ немалое любопытство въ мужикахъ, такъ какъ былъ въ Парижскомъ, высокомъ цилиндрѣ, въ форменномъ съ золотыми пуговицами фракѣ и съ пледомъ черезъ плечо. Такъ обошли мы сходъ, приняли хлѣбъ-соль и вернулись къ экипажамъ.

— Ну, какъ же быть? продолжалъ ***. Надо ѣхать? Исправникъ настаивалъ—въ объѣздъ.

— Вы довольны приѣмомъ здѣсь? сказалъ я.

— Очень! отвѣчалъ князь.

— Ну, такъ приѣзжайте черезъ полчаса послѣ меня въ Люторцы, и васъ также встрѣтятъ.

— Не можетъ быть! воскликнулъ ***.

Исправникъ только пожалъ плечами, грустно глядя на меня.

— Ничуть не бывало: я вамъ отвѣчаю, что будетъ также мирно, какъ и здѣсь.

*** согласился. Я сѣлъ въ одну изъ своихъ колясокъ. Со мною непременно хотѣлъ ѣхать прокуроръ.

*** долженъ былъ со свитой приѣхать черезъ полчаса послѣ меня въ Люторцы.

Моя разгонная, сѣрая, неизмѣнная четверка быстро пробѣжала семь верстъ, и мы съ Н. В. Давыдовымъ подкатили къ Люторскому волостному правленію. Видно было, что село неспокойно, ибо около волостнаго правленія торчало нѣсколько зѣвакъ, а на большомъ выгонѣ кой-гдѣ стояли кучки крестьянъ. Обладая громкимъ голосомъ, я моментально собралъ своимъ зовомъ всѣ разсыяныя кучки, и около коляски въ нѣсколько минутъ собрался цѣлый сходъ. Пришлось говорить круто и не безъ крѣпкихъ словъ. Мужики слушали безъ шапокъ. Я имъ

*) Надо, чтобы я имъ сказалъ что нибудь.

объяснилъ опять-таки всю глупость ихъ поведенія. Они, отрицая всякую свою виновность, увѣряли, что вчера было недоразумѣніе между урядниками и *бабьемъ*, а что мужики были у графа Бобринскаго, въ Бобрикахъ, и что оттуда, дѣйствительно, вернулись выпимши, такъ какъ у графа выпросили *на водку*. Такимъ образомъ, споръ былъ между судебнымъ приставомъ, исправникомъ и бабами!.. Видя, что они начинаютъ молоть вздоръ, я имъ объяснилъ, что сейчасъ будетъ начальникъ губерніи, что своимъ поведеніемъ они и его вызвали и т. д. Моментально явился столъ, хлѣбъ-соль—все, какъ слѣдуетъ для встрѣчи начальства. Пока все это готовили, около коляски болѣе всѣхъ юлилъ и болталъ рыжій мужикъ. Я его шутя взялъ за бороду и сказалъ, обращаясь къ прокурору:

— Вотъ я попрошу губернатора позволить мнѣ его высѣчь, и сейчасъ все успокоится.

Мой рыжій мужикъ засмѣялся.

— За что же это одного? Сѣчь—такъ ужъ всѣхъ.

— Да потому, что ты одинъ все село смутилъ; ты вотъ не работаешь, да по адвокатамъ, по судамъ бѣгаешь, и всю смуту завелъ...

Показался экипажъ *** и его свиты. Народъ вышелъ къ нему навстрѣчу вмѣстѣ со мною и, къ удивленію его, а еще болѣе исправника, просилъ принять хлѣбъ-соль и не считать ихъ бунтовщиками: ибо они, крестьяне, только Фишеру не хотятъ дать денегъ. Къ сожалѣнію, *** не сумѣлъ воспользоваться минутой; что онъ говорилъ крестьянамъ, они положительно не поняли, да и было неудобопонятно. Они же твердили свое: Фишеру денегъ не дадимъ.

На другой день пришелъ батальонъ. Я былъ въ Люторцахъ ранѣе другихъ и обратился къ солдатамъ съ нѣсколькими словами, напоминая, что они не бунтовщиковъ, а дураковъ идутъ усмирять.

Въ присутствіи солдатъ была произведена опись имущества. Народъ (т. е. больше бабѣ) ударилъ въ набатъ и кричалъ, что зажжётъ село съ четырехъ концовъ. Но толпу бабъ разогнали, не сдѣлавъ никому вреда.

— Что же дѣлать? спросилъ меня ***, расхаживая между взводами солдатъ въ своемъ высокомъ цилиндрѣ и мундирномъ фракѣ. Что вы сдѣлали бы?

— Да я бы уѣхалъ на вашемъ мѣстѣ, отвѣчалъ я, и предписать бы волостному суду разобрать дѣло, то есть—наказать виновныхъ за шумъ, ими произведенный.

— Ну, и-что же?

— Ну, и накажутъ пять, много десять человѣкъ розгами, и всему дѣлу конецъ.

Comment? Vous voulez les faire frapper avec des verges? Que diront les journaux? *) Это ужасно!

— Въ наказаніи волостнымъ судомъ розгами ничего нѣтъ ужаснаго отвѣчалъ я. Это не тяжкое наказаніе; а изгнаніе судебного пристава и проч. нельзя оставлять безъ наказанія.

Правитель канцеляріи губернатора такъ же очень боялся, что скажутъ Петербургскія газеты. Это болѣе всего его беспокоило.

— Мнѣ рѣшительно все равно, что они скажутъ, повторилъ я, а по моему гораздо лучше волостнымъ судомъ—наказать 10 человѣкъ 20-ю ударами розогъ; потому что вы гораздо ужаснѣе сдѣлаете.

— Какъ такъ?

— Да непременно. Вы человѣкъ 80 или 100 посадите въ острогъ, который построенъ на 16 человѣкъ. Теперь рабочая пора, крестьяне должны работать въ полѣ. Вы разорите множество народа, а на повѣрку выйдетъ результатъ, что, когда предъ сословнымъ судомъ предстанутъ 70 или 80 человѣкъ, то, несомнѣнно, ни у кого изъ судей не хватитъ духу наказать огуломъ такую громаду. Ихъ всѣхъ оправдають; да иначе и нельзя, ибо они дураки, а не бунтовщики, а вась, господъ Тульскихъ администраторовъ, съ грязью смѣшиваютъ и графа Бобринскаго на судѣ адвокаты такъ отдѣлають, что будете довольны... Крестьянъ же вы разорите въ пухъ и прахъ...

Увы! Мои слова, какъ нельзя хуже, оправдались. Я уѣхалъ изъ Люторицъ. Администрація сдѣлала по своему. Черезъ три дня мнѣ, какъ предсѣдателю мѣстнаго тюремнаго отдѣленія, стало извѣстно, что острогъ переполненъ арестованными за сопротивленіе властямъ крестьянами села Люторицъ. Сажать было некуда. Я поѣхалъ немедленно въ острогъ. Все было полно... Возможно ли, при такихъ условіяхъ, содержать арестованныхъ по категоріямъ? Пришлось переводить часть въ Тулу... Въ числѣ арестованныхъ былъ мой рыжій... Онъ не преминулъ выпросить у меня по знакомству денегъ на чай.

Прошло два года. Въ Московской Судебной Палатѣ слушалось громкое Люторское дѣло. Крестьяне, за исключеніемъ немногихъ, были оправданы. Я уже не служилъ, а жилъ въ Москвѣ. Крестьяне, въ томъ числѣ и рыжій, пришли попросить у меня денегъ на дорогу—изъ Москвы обратно въ Епифань, т. е. въ Люторцы. Я напомнилъ рыжему нашъ разговоръ въ Люторцахъ. Онъ почесалъ себѣ затылокъ.

— А взаправду, лучше было бы, если бы по твоему тогда сдѣлали; а то промаяли въ острогъ, сколько убытку надѣлали... Бѣда! Когда теперь поправишься?

*) Какъ вы хотите, чтобъ ихъ высекли розгами? Что скажутъ газеты?

— Да, за 5000 рублей, которые я бы у графа для васъ выпросилъ, теперь еще дугъ у васъ отняли.

— Такъ оно и есть: графъ бы, конечно, простилъ, если бы мы послушались тогда.

— Я тогда же напечаталъ обстоятельную статью, въ которой выяснилъ дѣйствительныя причины Люторскихъ безпорядковъ. Одинъ вопросъ аграрный, и другаго нѣтъ. Исторіи, подобныя Люторскимъ безпорядкамъ, возникаютъ и теперь, и не скоро имъ предвидится конецъ.

— Курьезнѣ всего къ этому отнеслась уѣздная администрація: она не вникла въ суть дѣла, а свела все на личные счеты и неудовольствія, чего, по моему, въ дѣлѣ не было.

— Прошло еще 12 лѣтъ, и вотъ, годъ тому назадъ, повторилась приблизительно таже исторія въ другомъ имѣніи графа Бобринскаго. И теперь, я готовъ подтвердить тоже, что только аграрныя отношенія тому причиною, а не намѣренное дѣйствіе управляющаго еще доселѣ имѣніями графовъ Бобринскихъ А. К. Фишера, съ коимъ крестьяне, въ сущности, въ ладу: они не могутъ забыть своего прежняго благополучія, о коемъ теперь большинство знаетъ только по преданію.

Князь Д. Д. Оболенскій.

НАБРОСКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ КНЯЗЯ Д. Д. ОБОЛЕНСКАГО.

III *).

Я кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, въ 1865 году, по юридическому факультету, 20 лѣтъ отъ роду, и намѣтилъ себѣ поне-многу свое будущее, насколько человѣкъ это можетъ сдѣлать. Еще студентомъ я былъ женихомъ Елисаветы Петровны Вырубовой, чрезъ нѣсколько дней по окончаніи выпускныхъ экзаменовъ женился, затѣмъ уѣхалъ въ деревню заниматься дѣлами своихъ и жениныхъ имѣній. Состояніе у насъ было большое: было къ чему приложить руки.

Для полученія чина, безъ котораго и ученая степень не даетъ права участія въ дворянскихъ собраніяхъ, я записался служить въ канцелярію Звенигородскаго уѣзднаго предводителя дворянства Дмитрія Дмитріевича Голохвастова. Это былъ второй сынъ когда-то знаменитаго попечителя Московскаго Университета Дмитрія Павловича Голохвастова. Въ концѣ 1865 года я впервые участвовалъ въ собраніи Московскаго дворянства, гдѣ Д. Д. Голохвастовъ отказался отъ должности предводителя, которую исполнялъ въ теченіе 9 лѣтъ блестяще. Дворяне пожелали поднести ему на память какую нибудь вещь. Случайно мы узнали, что у А. И. Хлудова есть икона, до-Никоновскаго письма, бывшая нѣсколько сотъ лѣтъ въ роду Голохвастовыхъ и какъ-то случайно попавшая къ Хлудову. Послѣ продолжительныхъ просьбъ Хлудовъ уступилъ этотъ образъ за 800 рублей дворянству, которое и поднесло его разстроганному Д. Д. Голохвастову.

По моему мнѣнію дворянство многимъ обязано Д. Д. Голохвастову. Онъ въ сущности первый, послѣ 1861 года, *открыто и громко* заговорилъ въ общественныхъ засѣданіяхъ и собраніяхъ о правахъ дворянства и о значеніи его въ землевладѣніи. До этого дворяне, выбитые изъ колеи Положеніемъ 19 Февраля 1861 года, какъ-то смутно, въ отдѣльных личностяхъ, быть можетъ и кружкахъ, понимали, что, утративъ права свои на крестьянъ, они не потеряли своихъ полити-

*) См. „Русскій Архивъ“ 1894 года, выпускъ X-й, стр. 251—286.

ческихъ правъ и преимуществъ въ Имперіи, и что въ экономическомъ отношеніи дворянское сословіе, какъ передовое въ то время и какъ самое образованное, не должно терять значенія своего и обязано удерживать подобающее ему положеніе для поддержанія какъ порядка, такъ и развитія страны. Блестящія рѣчи Голохвастова въ Московскомъ дворянскомъ собраніи сразу подняли его на степень первокласнаго и даровитаго оратора, и это въ то время когда вообще на Руси публичныя рѣчи были въ диковинку. Д. Д. Голохвастовъ въ своихъ рѣчахъ ярко обрисовалъ значеніе дворянства, какъ начала живого и въ земствѣ, которое признало первенство дворянства всюду *по праву выбора*. Не менѣе талантливо обрисовалъ онъ и мертвящее значеніе чиновничества, назвавъ его современною опричиною, которая не допускаетъ до царя живаго слова правды; между тѣмъ на обязанности дворянства, передоваго сословія, сдѣлать такъ, чтобы слово правды до царя всегда доходило. Сословіе дворянское одно облечено правомъ обращаться съ своими заявленіями на Высочайшее имя, и это разъ въ три года, и право это должно быть расширено... Вотъ смыслъ рѣчей Голохвастова. Дворянство, по его почину, сразу и дружно заговорило о представительствѣ, что конечно не понравилось въ высшихъ сферахъ, и Московское Дворянское Собраніе 1864—1865 года было закрыто по приказанію министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуева.

Генераль-губернаторъ Михаилъ Александровичъ Офросимовъ медлилъ закрытіемъ собранія, будучи дворяниномъ въ душѣ и сочувствуя вполне идеямъ высказаннымъ въ собраніи. Възбѣшенный сравненіемъ чиновничества съ опричиною, Петербургъ, напротивъ, страшно негодовалъ на Московское дворянство и особенно на Д. Д. Голохвастова. Министръ внутреннихъ дѣлъ требовалъ даже смѣны генераль-губернатора за неисполненіе его приказаній. М. А. Офросимовъ, послѣ чуть ли не третьяго подтвержденія, наконецъ, закрылъ собраніе, и самъ былъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ замѣненъ княземъ Владимиромъ Андреевичемъ Долгорукимъ, какъ говорили, именно за послабленіе дворянству.

Какъ я уже сказалъ, черезъ годъ, въ концѣ 1865 года, при состоявшихся выборахъ, Д. Д. Голохвастовъ вышелъ изъ предводителей и никакой службы болѣе не несъ. Правительство ни при какихъ условіяхъ не хотѣло ему ввѣрять какое-либо служебное мѣсто. Это выраженіе «опричина» ему никогда не было прощено. Его выставляли всегда за революціонера: онъ говорилъ публично за представительство! Весною 1865 г., т. е. уже послѣ выборовъ, былъ приглашенъ Д. Д. Голохвастовъ въ Ильинское. Государь Александръ Николаевичъ принялъ

его весьма милостиво и, представляя его Императрицѣ Маріи Александровнѣ, сказалъ: «представляю *нашего* предводителя дворянства».

Село Ильинское, передъ тѣмъ приобрѣтенное у князей Голицыныхъ *) находится въ Звенигородскомъ уѣздѣ, коего Голохвасовъ былъ предводителемъ. Голохвасовъ обѣдалъ въ Ильинскомъ и долго бесѣдовалъ съ Государемъ, который ему между прочимъ сказалъ, что не слѣдуетъ въ рѣчахъ бить на популярность. На это Дмитрій Дмитриевичъ отвѣчалъ: «Если бы дѣло шло о популярности, то мнѣ довольно было бы въ своихъ рѣчахъ упомянуть имя Александра II-го никого нѣтъ въ Россіи». Говорять, этотъ отвѣтъ не понравился, и Голохвасовъ былъ вычеркнутъ изъ кандидатовъ на какую либо служебную должность. Онъ продолжалъ посѣщать дворянскія и земскія собранія и также Общество Сельскаго Хозяйства, слушавшее много разъ его блестящія рѣчи и покрывавшее ихъ громомъ рукоплесканій. Но все же Голохвасовъ оставался безъ дѣятельности.

Бѣдный Д. Д. Голохвасовъ заплатилъ за свое горячее заступничество правъ дворянства. Не имѣя службы, онъ еще нестарымъ человекомъ зажилъ въ своемъ селѣ Покровскомъ, гдѣ и кончилъ жизнь, разбитый параличомъ.

*

Въ томъ же Московскомъ собраніи мнѣ удалось слышать другаго оратора, извѣстнаго не только Россіи, но и Европѣ, автора Окраинъ, Ю. О. Самарина. Насколько Д. Д. Голохвасовъ говорилъ горячо и увлекательно, на столько Ю. О. Самаринъ холодно, убѣдительно и неумолимо-логично. Самая наружность его, громкій голосъ, заставляли какъ-то невольно подчиняться его могучему слову. При мнѣ онъ говорилъ въ 1866 году о необходимости просить правительство, чтобы ни одинъ дворянинъ не могъ быть взятъ подъ стражу административнымъ порядкомъ и сосланъ безъ суда по политическимъ преступленіямъ. Рѣчь эта была, по моему, намѣренно раздута и объяснена реакціонной печатью, какъ будто Ю. О. Самаринъ говорилъ въ пользу нигилизма и т. д. Нѣтъ, это было совершенно не такъ. Ю. О. Самаринъ негодовалъ только на тотъ произволъ, съ какимъ обращались съ якобы «политическими преступниками», чѣмъ страшно возбуждали молодежь, иной разъ даже неповинную. Вскорѣ послѣ описаннаго произошелъ еще случай въ Московскомъ земскомъ собраніи. Калужскій губернаторъ Николай

*) Въ Ильинскомъ когда-то князь Леонидъ Михайловичъ Голицынъ давалъ праздникъ, удостоенный Высочайшаго присутствія; на этомъ праздникѣ нѣсколько десятковъ паръ мальчиковъ и крестьянскихъ дѣвочекъ танцевали польку, обученные танцмейстеромъ!

Михайловичъ Смирновъ, какъ гласный, возбудилъ вопросъ о пьянствѣ и безпутствѣ крестьянъ послѣ 1861 года. Записка его и рѣчь были чисто-обвинительнымъ актомъ, и онъ требовалъ рѣшительныхъ мѣръ. Тогда Ю. О. Самаринъ отвѣчалъ Смирнову, указывая, что это не дѣло всесословнаго земства. Если требовать опеки и строгости для крестьянъ, то онъ, Самаринъ, предложить для дворянъ тоже самое, такъ какъ въ дворянскомъ сословіи есть отдѣльные случаи, гдѣ, быть можетъ, опека была бы полезна и вмѣшательство предводителя въ семейныя дѣла, какъ это было раньше, болѣе нужно, чѣмъ нѣчто подобное у крестьянъ. Онъ же Самаринъ, однако, этого не желаетъ, какъ не желаетъ и не считаетъ нужнымъ позорить цѣлое крестьянское сословіе изъ-за отдѣльныхъ случаевъ. Рѣчи Смирнова и Самарина вызвали бурю. Губернскій предводитель дворянства, князь Левъ Николаевичъ Гагаринъ, громко зазвонилъ въ тяжелый колоколъ, поднесенный ему за безпристрастное предсѣдательствованіе въ собраніяхъ. Всегда спокойный, невозмутимый князь на этотъ разъ гнѣвно и громко, ударяя кулакомъ по столу, не проговорилъ, а скорѣе прокричалъ: «Я разъ на всегда прошу не возбуждать здѣсь въ земскомъ собраніи сословныхъ вопросовъ и не допускаю дальнѣйшаго обсужденія возбужденнаго вопроса»... Первые встали губернскіе гласные крестьяне и зааплодировали, что высказало большой тактъ съ ихъ стороны. Къ нимъ присоединилось почти все собраніе, и возбужденный Смирновымъ вопросъ самъ собою палъ.

Вечеромъ того же дня въ Московскомъ Англійскомъ клубѣ я былъ свидѣтелемъ, какъ маститый, нынѣ почти столѣтній, Геннадій Владимировичъ Грудевъ, въ комнатѣ клуба, называемой чернокнижной, нападалъ на Н. М. Смирнова за его выходку, называя ее въ высшей степени безтактною. Смирновъ оправдывался, какъ могъ, указывая на то, что народъ, т. е. крестьяне, брошены на произволъ судьбы и что пьянство развелось невообразимое. Противоположность двухъ произнесенныхъ въ собраніи рѣчей Самарина и Смирнова взволновала Московское Общество надолго.

Въ Москвѣ, въ Обществѣ Сельскаго Хозяйства, которое я тогда посѣщалъ, Голохвастовъ часто говорилъ по экономическимъ вопросамъ. Особенно интересенъ былъ диспутъ по вопросу общиннаго владѣнія въ Россіи. Спорили Д. О. Самаринъ и И. С. Аксаковъ съ одной стороны *за* и Д. Д. Голохвастовъ (какъ западникъ, сторонникъ парламентаризма)—*противъ*. Голохвастовъ ссылался на Псковскую судную грамоту и утверждалъ, что общинное владѣніе не есть вѣковое явленіе на Руси, а результатъ уродливаго крѣпостнаго права, какъ способъ легчайшаго сношенія помѣщика-боярина съ общиною, которая

существовала, какъ и городская община, помимо всякаго земельного устройства. Онъ доказывалъ, что общинное владѣніе мѣшаетъ развитію сельскаго хозяйства, такъ какъ прогрессъ зарождается въ отдѣльныхъ личностяхъ, а не въ массахъ и не сразу, что починъ немислимъ въ цѣлой общинѣ, а всегда является въ отдѣльныхъ личностяхъ. «Попробуй крестьянинъ посѣять что либо въ пару для себя, хотя бы кормовую траву», говорилъ онъ: «общественный скотъ немедленно все вытравитъ». Примѣръ былъ остроуменъ. Сочувствіе и рукоплесканія были на сторонѣ Д. Д. Голохвастова, не смотря на талантливую защиту общиннаго владѣнія его противниками.

*

Въ 1867 году съ женою мы уѣхали за границу. Жена была больна. Увѣряли, что ей необходимо лѣченіе минеральными водами, и вотъ впервые пришлось мнѣ ознакомиться съ медицинскими знаменитостями Запада. Время было не особенно покойное: еще не прошло и года послѣ Пруско-Австрійской войны, и нѣкоторыя провинціи, присоединенныя къ Пруссіи, были прямо возбуждены и недовольны. Этому я былъ невольнымъ свидѣтелемъ, живя въ Нассаускомъ герцогствѣ, въ Висбаденѣ, и въ этомъ убѣдился, путешествуя по Германіи. Весьма интересны были рассказы народа про ихъ владѣтельныхъ князей, чистыхъ феодаловъ, съ дикими инстинктами, не далеко ушедшихъ отъ нашихъ крѣпостниковъ. Рассказы про ихъ продѣлки просто изумительны. Особенно интересенъ былъ рассказъ про послѣдняго Нассаусскаго герцога. Народъ былъ въ сущности радъ отдѣлаться отъ нихъ; но высшіе классы ненавидѣли новые порядки (особенно въ Ганноверѣ) и въ частности графа Бисмарка и Пруссію. По рукамъ ходило много каррикатуръ на короля и на Бисмарка. Такъ изображенъ былъ напавшій на Бисмарка убійца (фамилію не помню) въ Лейпцигѣ, промахнувшійся изъ револьвера въ графа. Занесенную руку останавливаетъ Мефистофель, говоря: «Стой, онъ мой (Halt, der ist mein)». Я самъ слышалъ въ вагонахъ разговоръ Ганноверцевъ, что благословенна будетъ пуля, которая поразитъ короля и Бисмарка. Славное время было, говорили крестьяне, въ окрестностяхъ Висбадена, про недавнюю войну.—А что?—Мы охотились повсюду и даже въ герцогскомъ паркѣ, близъ Висбадена, били козъ... А когда дождешься такого времени?

Мы жили въ Швальбахѣ. Жена пила воды, но послѣ шести недѣль воды оказались для нея вредными, какъ заявилъ мнѣ въ Швальбахѣ врачъ, къ которому насъ изъ Берлина послалъ знаменитый Фрѣрихъ. А прислалъ онъ насъ потому, что въ другія мѣста, Эмсъ и пр., онъ уже распредѣлилъ Русскихъ въ достаточномъ количествѣ, тогда

какъ въ Швальбахѣ одинъ другъ его, докторъ, остался безъ кліентовъ въ 1867 году; вотъ Фрѣрихъ, не долго думая, и послалъ насъ къ нему, мало заботясь о томъ, полезны или нѣтъ Швальбахскія воды. Добрыхъ Нѣмцевъ это мало тревожить. Такъ какъ въ то время господствовала идея, что Русскіе вообще малокровны, и желѣзо имъ полезно, то насъ, а за нами еще нѣсколько Русскихъ семействъ, послали въ Швальбахъ,—и это знаменитый врачъ Фрѣрихъ! Съ теткой моей Бибиковой онъ сдѣлалъ еще хуже; онъ далъ письмо къ своему тоже пріятелю-доктору, въ которомъ писалъ: «Посылаю вамъ старую Русскую дуру; дѣлайте съ ней чтó хотите». Письмо нечаянно распечаталось, и тетюшка прочла это милое посланіе. Мы сами, да уже поздно, догадались обо всемъ этомъ, просидѣвъ болѣе мѣсяца и проскучавъ въ такой ямѣ, какъ Швальбахъ. Одно утѣшеніе было: близость Висбадена и Франкфурта.

Испытавъ вредъ отъ Швальбахскихъ водъ, мы поѣхали въ Швейцарію; но и тамъ оказалось мало пользы.

Въ Швейцаріи, живя въ Интерлакенѣ, я попалъ въ очень интересное общество Нѣмцевъ—кружокъ туристовъ. Во главѣ его стоялъ Гласбреннеръ, редакторъ Берлинской газеты «Montags Zeitung». Это были все люди 1848-го года, которые вслѣдствіе революціи должны были оставить Пруссію. Они составляли тогда, въ 1867 г., полнѣйшую оппозицію Бисмарку и были очень раздражены противъ его системы и войны 1866 года, называя ее братоубійственнойю. Я тогда же удивлялся, какъ они, т. е. Нѣмцы слѣдятъ за всѣмъ, чтó дѣлается у насъ, въ Россіи. Однажды утромъ прибѣгаетъ ко мнѣ Глазбреннеръ съ своею же газетою въ рукахъ, и уже издали кричитъ: Читали вы про великій подвигъ вашего Царя?—Нѣтъ, а чтó?—Да помилуйте, съ Лютера такого удара не насено папѣ и Католицизму, какой нанесъ имъ вашъ императоръ Александръ II-й! Онъ разорвалъ конкордаты съ папою; конецъ католическимъ попамъ у васъ и ксензамъ въ Польшѣ! Гласбреннеръ, какъ свободомыслящій протестантъ ненавидѣлъ католиковъ, и весь день только и былъ въ кружкѣ разговоръ про этотъ великій шагъ. А въ Россіи, думаемъ мы, врядъ ли кто и прочелъ объ уничтоженіи конкордата; во всякомъ случаѣ большинство отнеслось индифферентно къ акту, который между Нѣмцами вызвалъ оживленныя пренія, разговоры и множество статей въ печати. Культурный народъ, отзывчивый!

Изъ Швейцаріи мы поѣхали въ Парижъ, гдѣ въ томъ 1867 году была всемірная выставка.

Я пріѣхалъ въ Парижъ на всемірную выставку, когда все еще было свѣжо и подъ впечатлѣніемъ посѣщенія выставки нашимъ государемъ Александромъ II, королемъ Прусскимъ и другими коронованными

особами. Наполеонъ былъ на высотѣ своей славы. Парижъ блисталъ изяществомъ и роскошью. Ко всякому слову Наполеона прислушивались, и ждали его рѣчей, какъ въ послѣдствіи Бисмарковскихъ. Въ Парижѣ, наполненномъ нашими соотечественниками, только и было разговору, что о бывшемъ посягательствѣ на жизнь Александра Второго, но настроеніе Французовъ было тогда далеко не въ нашу пользу. Императрица Евгенія, послѣ Австро-Прусской войны опасавшаяся за короля Прусскаго, какъ бы его не оскорбила Французская толпа, ошиблась: король, всюду гулявшій одинъ, своей благодушной наружностью завоевалъ симпатіи Французовъ и сдѣлался популяренъ, тогда какъ нашъ Александръ II-й напротивъ. Оваціи ему начались лишь послѣ выстрѣла Бржезовскаго. Не шло нашему Государю и штатское платье, какъ-то нескладно сидѣвшее на немъ, сшитое партикулярнымъ портнымъ въ Петербургѣ. Для бала въ Тюльери, согласно Французскому этикету, пришлось Государю надѣвать фракъ, чулки и башмаки. Все это сердило Александра II. Въ Тюльери пріѣхалъ онъ не въ духѣ, былъ сдержанъ и необходимъ. Одѣяніе это, неловко пригнанное, при военной осанкѣ Императора, прямо таки стѣсняло его и вовсе не шло къ нему. И случилось, что именно на Парижанъ, которые такъ цѣнятъ обходительность и ласку, онъ не производилъ своего, всѣми признаннаго, чарующаго впечатлѣнія. На этомъ балу въ Тюльери, Государь, вслѣдствіе своей военной привычки и выправки, въ отвѣтъ на оказываемые ему знаки уваженія и поклоны кивалъ лишь головой и то очень незамѣтно, такъ какъ накрахмаленный воротничекъ мѣшалъ ему. Французамъ это не понравилось. Всѣ обратили вниманіе на то, что Наполеонъ, напротивъ, никогда такъ низко всѣмъ не кланялся, особенно дамамъ, какъ въ этотъ разъ, точно нарочно. Оба Императора сходили съ большой лѣстницы Тюльери въ садъ вмѣстѣ съ супругой Голландскаго посланника, и Наполеонъ передъ нею шелъ à reculons, т. е. обращаясь назадъ, чтобы не говорить съ дамой даже въ полоборота. Обхожденіе и манеры Наполеона на балу еще усилили нехорошее расположеніе духа Государя, и онъ скоро уѣхалъ. За то императрица Евгенія особенно была любезна и слѣдила за каждымъ шагомъ нашего Государя. Много было толковъ о томъ, что она тотчасъ послѣ выстрѣла Бржезовскаго въ извожничьей каретѣ поспѣшила къ императору Александру въ Елисейскій дворецъ и въ избытокъ чувствъ при всѣхъ бросилась ему на шею, поздравляя съ избавленіемъ отъ опасности. Наслѣдникъ Цесаревичъ, Александръ Александровичъ и Августѣйшій братъ его послѣ выстрѣла были обрызганы кровью; думали, что они ранены, но то была кровь изъ прострѣленныхъ ноздрей лошади шталмейстера Шамбо, который движе-

ніемъ впередъ заслонилъ императоровъ и ослабилъ тѣмъ пулю Бржезовскаго.

Изъ Петербурга были приведены и верховыя лошади для прогулокъ нашему Государю, и онъ на нихъ катался по окрестностямъ Парижа. Какъ-то онъ вышелъ никѣмъ не замѣченный изъ Елисейскаго дворца и въ извозничьей каретѣ поѣхалъ въ Булонскій лѣсъ, гдѣ ожидала его верховая лошадь и его рейтъ-кнехтъ. Вышелъ цѣлый переполохъ, такъ какъ не знали, куда Императоръ изволилъ поѣхать. Императрица Евгенія послала за знаменитымъ тогда Пьетри, чтобы немедленно узнать, гдѣ Государь, но и Пьетри этого не зналъ; только черезъ полтора часа Пьетри донесъ, что Государь Александръ Николаевичъ преспокойно прогуливался верхомъ въ аллеяхъ Булонскаго лѣса.

Еще болѣе остались недовольны члены жокей-клуба, устроившіе овацію Александру II, когда онъ мимо ихъ ѣхалъ изъ Елисейскаго дворца въ Грандъ-отель къ великой княгинѣ Марѣ Николаевнѣ: на ихъ привѣтствіе Государь кивнулъ головой, тогда какъ Наполеонъ всегда приподнималъ шляпу.

Тогдашняя нелюбезность Французовъ и ихъ Императора къ нашему Государю въ Парижѣ имѣла значительныя послѣдствія; черезъ три года, во время Франко-Прусскаго столкновенія Александръ II-й ничего не пожелалъ сдѣлать для Наполеонидовъ, хотя симпатіи его къ Франціи были весьма сильны: такъ въ 1874 году, когда Пруссія хотѣла вторично броситься на Францію, озабоченная ея быстрымъ возрожденіемъ и удивленная досрочною уплатою пяти милліардовъ контрибуціи, одного слова Александра II-го было достаточно, чтобы остановить и обуздать Пруссію, уже готовую къ походу. Про это очень подробно говорилъ князю В. А. Черкасскому самъ Тьеръ, который называлъ Александра II-го спасителемъ Франціи отъ второго разгрома. Я слышалъ этотъ рассказъ отъ самаго князя В. А. Черкасскаго.

Я оставался въ Парижѣ недолго; но, какъ на всякаго, впервые посѣщающаго этотъ современный Вавилонъ, онъ не могъ не произвести на меня сильнаго впечатлѣнія. Я старался увидать, что могъ. Посѣщалъ я и выставку, и Русскій отдѣлъ, который, кромѣ развѣ конскаго, былъ довольно плохъ. Еще неудачнѣе былъ Русскій ресторанъ съ его прославленной якобы Русской красавицей. Я какъ-то зашелъ въ него и удивился безвкусію: за чайнымъ буфетомъ сидѣла толстая, деревенская и къ тому же еще неуклюжая баба. Оказалась она Тульской губерніи, Веневскаго уѣзда, стало-быть мнѣ землячка. Я пожалѣлъ, что не нашли болѣе опрятной и красивой, такъ какъ эту выставленную Французы награждали весьма недестными эпитетами.

За то, какъ охотнику и коннозаводчику, мнѣ крайне любопытно было увидѣть нашихъ Русскихъ лошадей въ Парижѣ, и Русское са-молюбіе мое было вполне удовлетворено. Лошади находились тамъ подѣ главнымъ надзоромъ генерала Петра Карловича Мердера. Помѣщеніе ихъ было лучшее на выставкѣ, можно сказать, самое модное мѣсто. Французы, Англичане, Американцы вѣчно толкались въ Русской конюшнѣ и по долгу любовались нашими чудными лошадьми. Рысаки Боткина, Энгельгардта и др. производили фуроръ.

Много, впрочемъ, я наслышался курьезовъ во время выставки. Въ Русскомъ конскомъ отдѣлѣ завѣдывали рысистыми лошадьми два, довольно извѣстныхъ въ Россіи охотника: писатель В. И. Коптевъ и конный заводчикъ Левъ Ивановичъ Сенявинъ. Отличался въ особен-ности послѣдній. Онъ вымѣрилъ кругъ трехверстный для рысистаго гипподрома, и самъ перекладывалъ аршины на метры. Ухитрились такъ устроить, что наши рысаки приходили, въ самомъ дѣлѣ, съ немовѣр-ною быстротою. Былъ ли уменьшенъ кругъ, преданіе молчить; но злые языки говорили, что да. «Бедуинъ» Д. П. Боткина, одинъ изъ самыхъ лучшихъ рысаковъ на выставкѣ, государственнаго Хрѣновскаго за-вода, проходившій въ Россіи не рѣзвѣе 5 м. 10 с. три версты, въ Па-рижѣ проходилъ ихъ въ 4 минуты 48 секундъ?! Наѣздникъ мой, Ефимъ Ивановъ, впоследствии говорилъ, что кругъ былъ сдѣланъ великолѣпно, выстланъ макадамомъ, отчего и «Бедуинъ» шелъ быстрее, чѣмъ въ Россіи; кромѣ того сбой какъ-то не считались, и отъ этого можно было проѣхать какъ угодно. Будемъ вѣрить, что это такъ. Тогда не было еще Франко-русской дружбы, напротивъ; но все же должны были дать первую золотую медаль за выставленныхъ лошадей *Rossin*, а не *Anglii*. Великолѣпная медаль была вручена Русскому представи-телю для доставленія Государю Императору Александру Второму.

Бисмаркъ, тогда еще графъ, посѣтивъ выставку и оставшись до-воленъ, прислалъ на другой день свою фотографическую карточку тому, кто показывалъ ему Русскій отдѣлъ. В. И. Коптевъ взялъ было эту карточку, но Французскій комисаръ оттягалъ ее у него, и Ва-силью Ивановичу пришлось удовольствоваться меньшимъ: онъ поло-жилъ подѣ стеклянный колпакъ въ своемъ кабинетѣ (въ Тульской гу-бернии, селѣ Острогахъ) свою собственную перчатку, въ которой графъ Бисмаркъ пожалъ ему руку, съ надписью о томъ, что въ сей пер-чаткѣ владѣлецъ ея имѣлъ счастье жать руку графу Бисмарку. Вооб-ще про Коптева много ходило разсказовъ за то время, когда онъ служилъ въ коннозаводскомъ вѣдомствѣ.

НАБРОСКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ КНЯЗЯ Д. Д. ОБОЛЕНСКАГО.

IV *).

Пріемъ дѣлъ Ефремовскаго уѣзднаго предводителя дворянства не обошелся безъ курьеза. Въ опеку оказалось, что одно имѣніе, малолѣтнихъ Горяиновыхъ, было продано съ публичныхъ торговъ въ промежутокъ времени между уходомъ со службы стараго предводителя дворянства Бахтеярова и моимъ прибытіемъ въ Ефремовъ. И это за долгъ блаженной памяти Опекунскому Совѣту въ двѣсти тридцать восемь рублей! Малолѣтніе остались безъ всякихъ средствъ. Между тѣмъ имѣніе было въ четыреста десятинъ чернозема, да еще крестьяне были не на выкупѣ, такъ что выкупъ свободно покрылъ бы долгъ Опекунскому Совѣту, и получился бы крупный остатокъ кромѣ четырехъ сотъ десятинъ, свободныхъ уже отъ всякаго залога. Бездѣйствіе опекуновъ было очевидно, и я даже пригрозилъ имъ судомъ, въ случаѣ если не удастся вернуть имѣніе малолѣтнимъ, а самъ поѣхалъ хлопотать въ Петербургъ. Имѣніе было куплено старикомъ академикомъ Чебышовымъ, котораго я отыскалъ и которому поставилъ на видъ положеніе малолѣтнихъ и грозящую опекунамъ непріятность. Пафнуцій Львовичъ Чебышовъ, узнавъ въ чемъ дѣло, не задумался возвратить имѣніе малолѣтнимъ Горяиновымъ. Но еще курьезнѣе въ этомъ дѣлѣ то, что Чебышовъ, хотя и не вступался во владѣніе имѣніемъ, но по закону долгое время не могъ возвратить его: на немъ оказалось старое запрещеніе, которое нельзя было снять въ теченіи трехъ лѣтъ. Такимъ образомъ купчую невозможно было совершить, а между тѣмъ опека управляла имѣніемъ, какъ въ дѣйствительности принадлежащимъ Горяиновымъ. Какъ бы съ такимъ дѣломъ справились формалисты?... На дѣлѣ такъ, а на бумагахъ иначе.

Въ канцеляріи нашелъ я около 118 рублей денегъ, собранныхъ крестьянами въ пользу О. И. Комисарова-Костромскаго, который спасъ жизнь Государю Александру II-му, на покупку ему имѣнія. Такъ какъ комитетъ, который долженъ былъ ему купить имѣніе, былъ закрытъ, то я написалъ самому Комисарову, который былъ юнкеромъ въ какомъ-то полку. Въ юнкера онъ попалъ по ошибкѣ; онъ хотѣлъ про-

*) См. „Русскій Архивъ“ 1894 года.

сигься въ камеръ-юнкеры, а сказать Государю: «прошу меня пожаловать юнкеромъ». Его и зачислили юнкеромъ въ полкъ, чему онъ въовсе не былъ радъ. Я въ письмѣ своемъ указать Комисарову, что тѣ же крестьяне по случаю голода крайне нуждаются, и потому не оставятъ ли онъ эти 118 рублей въ пользу голодающихъ? Прошло нѣсколько времени, я и забылъ про Комисарова, какъ получаю съ почты письмо, напоминающее своей наружностью тѣ, какія полуграмотные пишутъ крестьяне или лавочники: криво-косо, съ трудомъ прилѣпляя разнохарактерныя буквы одну къ другой. Это письмо писалъ мнѣ юнкеръ О. И. Комисаровъ - Костромской, прося поскорѣ выслать ему собранныя деньги въ Спасскую-Полѣсть, мѣстопребываніе его полка. Я велѣлъ секретарю отослать ему эти плакучіе 118 рублей, а самое письмо Комисарова препроводилъ къ графу А. С. Уварову, прося принять оное въ его коллекцію рукописей, какъ автографъ лица, долженствующаго со временемъ играть отчасти роль Ивана Сусанина въ Русской Исторіи. При этомъ я написалъ графу Уварову, при какихъ условіяхъ я получилъ письмо Комисарова. Но послѣдствія не оправдали моихъ предположеній. Иванъ Сусанинъ дѣйствительно спасъ отъ Поляковъ Михаила Ѳеодоровича Романова; относительно же Комисарова весьма сомнительно, онъ ли спасъ дѣйствительно жизнь Государя. Бывшій вблизи во время катастрофы Э. И. Тотлебенъ выставилъ Комисарова таковымъ, т. е. спасителемъ Государя; но самъ Комисаровъ, при бывшей суматохѣ, въ которой было трудно разобраться, себя не выставялъ имъ, а первый сказалъ ему это Тотлебенъ, и тогда не было причинъ Комисарову отказываться отъ счастья. Тотлебенъ же выставялъ это такъ красиво: «вотъ крестьянинъ, спасъ Царя; само Провидѣніе дало возможность отблагодарить крестьянину за освобожденіе всего крестьянства отъ крѣпостной зависимости». Тогда же нѣкоторыми было заявлено сомнѣніе, которое такъ и потонуло въ бурномъ потокѣ всеобщаго неописуемаго энтузіазма. Въ числѣ сомнѣвающихъ между прочими былъ и Сергій Александровичъ Соболевскій, съ которымъ я лично объ этомъ говорилъ и который былъ противъ чрезмѣрныхъ овацій Комисарову. «Если онъ это и сдѣлалъ», говорилъ Соболевскій, «то самъ опасности не подвергался, а, толкнувъ руку убійцы неловко, могъ еще болѣе бѣды надѣлать»...

Первый же годъ моей службы оказался нелегкимъ. Въ Ефремовскомъ уѣздѣ былъ въ 1868 г. *голодъ*, послѣ неурожаа 1867 г. Въ нашъ уѣздъ присланъ былъ для оказанія немедленной помощи отъ Государыни Маріи Александровны генералъ Сипельниковъ (бывшій потомъ генерал-губернаторомъ Восточной Сибири). Совмѣстно съ городскимъ обществомъ мы устроили на присланныя деньги въ гор. Ефремовѣ столо-

вую, откуда ближайшія къ городу деревни могли получать горячую пищу. Въ 1868 году средства крестьянъ были гораздо значительнѣе, чѣмъ теперь, такъ что и малая помощь была болѣе дѣйствительна теперь, чѣмъ въ 1890—91 гг. Устроенная нами столовая существовала много лѣтъ и послужила образцомъ подобныхъ же, когда нужда сдѣлалась уже не мѣстной: въ нее отсылались всѣ нищіе города. Тогда не было общаго голода, такъ что въ Ефремовѣ нищіе на улицѣ не приставали: ихъ прямо отсылали въ столовую, гдѣ ежедневно готовилась пища на нѣсколько десятковъ человѣкъ, а глядя по надобности и на сотни.

Засталъ я въ Ефремовскомъ уѣздѣ двѣ партіи. Одну, во главѣ которой стоялъ прежній предводитель Бахтеяровъ, и другую, собственно говоря, не имѣвшую представителя. Состояла она изъ нѣсколькихъ лицъ оппозиціи бывшему предводителю; она-то меня и избрала. Преинтересны были первыя земскія собранія; при началѣ своего существованія, они обнимали, въ самомъ дѣлѣ, весьма широко земскія дѣла. Вездѣ почти земства, понимая необходимость улучшенія своихъ путей сообщенія, ходатайствовали о проведеніи желѣзныхъ дорогъ. Такъ и Ефремовское земство черезъ Бахтеярова, до меня еще, хлопотало о томъ, чтобы Грязе-Орловская желѣзная дорога захватила если не самый городъ Ефремовъ, то хотя бы часть уѣзда. Но въ то время нашли болѣе удобнымъ вести дорогу прямо съ Ельца на Орель, вслѣдствіе чего Ефремовъ остался далеко въ сторонѣ, и желѣзная дорога захватила лишь небольшую часть уѣзда близъ станціи Разсошное и Залегощъ. Хлопоты Бахтеярова о концессіи на ту дорогу не были уважены; а строителю, тогда всесильному С. С. Полякову, было предложено уплатить Ефремовскому земству за изысканія, планы, чертежи и проч. сумму, въ размѣрѣ 135 тысячъ рублей. Такъ какъ Бахтеяровъ несъ, собственно говоря, всѣ эти убытки, то деньги слѣдовали ему. Но оппозиція, выставивъ предлогомъ, что земство Ефремовское, принявъ деньги 135 тысячъ для передачи Бахтеярову, можетъ быть введено въ убытки, такъ какъ не знаетъ, въ какихъ отношеніяхъ стоитъ Бахтеяровъ къ разнымъ инженерамъ, подрядчикамъ и проч., производившимъ изысканія, сказала, что не земству входить въ подобные расчеты. Однимъ словомъ, выходило: «какъ хочешь, такъ и получай, а наше дѣло сторона»; отвѣтили уклончиво и отклонили полученіе 135 тысячъ. Всѣ мои усилія примирить партію Бахтеярова съ оппозиціей не привели ни къ чему. Споры были такъ шумны и велись такъ горячо, что я вынужденъ былъ пригласить стенографа записывать рѣчи (секретарь собранія не успѣвалъ). Не смотря на отказъ Ефремовскаго земскаго собранія Бахтеярову въ деньгахъ, назначенныхъ ему Министерствомъ

Путей Сообщенія, земская управа за обѣщанныя Бахтеяровымъ на прогимназію 15 тысячъ рублей выдала ему бумагу, по которой онъ могъ получить тѣ 135 тысячъ рублей; но немедленно было потребовано экстренное земское собраніе, и вновь выражено желаніе не получать этихъ 135.000 рублей. Много было хлопотъ бѣдному Я. П. Бахтеярову уже судомъ получить свои деньги. И все это были вопросы личные, кои въ провинціи такъ въ ходу!

Городу Ефремову грозила прямо гибель. Вся мучная торговля, вся даровая сила воды, коей двигались мельницы и масса крупчатокъ, все это пропадало, еслибъ у насъ не возникъ новый проектъ соединенія Воронежа съ Тулою черезъ Задонскъ, Елецъ, Ефремовъ, т. е. восстановление стараго Кавказскаго тракта. Отъ четырехъ земствъ были поданы прошенія, и я былъ избранъ депутатомъ для ходатайства объ этой дорогѣ. Это было время самой сильной желѣзнодорожной горячки. Съ депутатами мы отправились въ 1869 году въ Петербургъ хлопотать о проведеніи Воронежской дороги и цѣлую зиму хлопотали о внесеніи нашего проекта въ число линій, подлежащихъ постройкѣ въ ближайшемъ будущемъ, т. е. чтобы дорога попала въ первую очередь.

Но въ Петербургъ передѣляли нашъ проектъ. Въмѣсто линіи Воронежъ-Тула, которая должна быть признана выгодной, намъ предложили черезъ три года Ряжско-Вяземскую дорогу съ вѣтвью на городъ Елецъ черезъ Ефремовъ. При этомъ забыли самое главное т. е. довести ее до Воронежа. Кратчайшій путь изъ Москвы на Кавказъ — черезъ Елецъ на Задонскъ, эту вторую Россійскую лавру послѣ Троице-Сергіевской.

Курьезное время было тогда въ Петербургъ по съѣзду всякихъ желѣзно-дорожныхъ предпринимателей. Но нельзя не сказать: не будь этой горячки, приманки денегъ, большихъ барышей, Россія не покрывалась бы такъ скоро сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Великій двигатель деньги, и какъ ни безумна казалась тогда эта горячка, безъ нея тоже было бы плохо: не досчитались бы многихъ дорогъ.

Конечно передъ всѣми предпринимателями Евреи имѣли преимущество и, какъ Русскіе ни хлопотали, всѣ главныя линіи остались въ рукахъ у Евреевъ. Они первые положили начало реализаціи желѣзно-дорожныхъ акцій и облигацій за границей и въ Россіи, за сравнительно-дорогую цѣну. Въ то время, надо вспомнить, концессія на линію Москва, Курскъ, Θεодосія, какъ она была проектирована сперва, была дана нѣсколькимъ высокопоставленнымъ лицамъ въ Петербургъ по 100 тысячъ рублей металлическихъ за версту съ 5%-й гарантіей правительства, и то лица эти не могли реализовать капитала

при такихъ крайне-выгодныхъ условіяхъ; дорога осталась непостроенною и уже въ послѣдствіи построилась участками, концессионнымъ способомъ, отчасти же казною (Москва-Курскъ). Понятно, что послѣ этого первыя дороги, какъ Рязань, Козловъ и Козловъ-Воронежъ, Воронежъ-Ростовъ, акціи и облигаціи коихъ были реализованы за границей, считались успѣхомъ, хотя стоили отъ 75—80 тысячъ верста. Остальныя желѣзныя дороги уже строились по 50.000 р. съ версты. Концессионеры строили быстро, тогда какъ казна мѣшкотна; поэтому предпочитали частную предпримчивость, которой дана была широкая дѣятельность, да она и на дѣлѣ оправдалась: ибо частныя постройки все-таки обходились дешевле и возводились главнымъ образомъ быстрее казенныхъ.

Хлопоты мои по проведенію желѣзной дороги Тула - Воронежъ, оказавшейся, какъ я выше сказалъ, въ послѣдствіи Ряжско-Вяземской желѣзной дорогою, ввели меня скоро въ кругъ дѣятелей желѣзнодорожныхъ и финансовыхъ въ Петербургѣ. Познакомился я также съ высшими административными сферами. Первый, къ кому пришлось мнѣ обратиться, былъ графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ, предсѣдатель желѣзнодорожнаго комитета, который рѣшалъ надобность или ненадобность той или другой дороги. На обязанности комитета было, признавъ пользу дороги, указать очередь, въ какую она должна была попасть въ проектируемую желѣзнодорожную сѣть. Принятый графомъ Строгановымъ, я увидалъ передъ собою еще бодрого старца, когда-то знаменитаго попечителя Московскаго Университета, слышавшаго за либерала въ тотъ жестокий, но въ тоже время чудный періодъ сороковыхъ годовъ, выдвинувшій Грановскаго, Кудрявцева и tutti quanti способныхъ профессоровъ, которыми мы до сихъ поръ гордимся. Графъ принялъ меня весьма любезно, какъ предводителя и бывшаго студента Московскаго Университета, хотя не безъ нѣкотораго ехидства спросилъ: «лежать ли мои имѣнія на проектированномъ пути?» На это я очень откровенно отвѣчалъ, что конечно лежать, и потому я вопросъ этотъ весьма близко знаю, а главное ожидаю значительныхъ выгодъ отъ разработки каменнаго угля, который имѣется въ нашихъ земляхъ и который въ слѣдствіе близости къ Москвѣ найдетъ себѣ дешевый и огромный сбытъ. Въ каменноугольномъ дѣлѣ мой личный интересъ отходитъ на задній планъ, а выступаетъ общественный — дешеваго топлива и сбереженія лѣсовъ, уже довольно топчихъ въ шестидесятыхъ годахъ въ Средней Россіи и т. д... Графъ слушалъ меня внимательно, и я имѣлъ возможность близко рассмотреть его строгое и стройное лицо. Онъ очень лестно для меня отозвался о проектѣ, прибавивъ шутя: «Да вы изъ молодыхъ, а ранній! Дороги своей желѣзной вы добь-

тесъ, но все-таки ранѣе пяти лѣтъ мы вамъ ее строить не дадимъ». Эти пять лѣтъ для меня, воображавшаго добиться ее въ нѣсколько мѣсяцевъ, показались вѣчностью. Но графъ Строгановъ былъ опытный государственный дѣятель, и слова его оправдались на дѣлѣ: линія наша была внесена въ сѣтъ тогда же, но постройка началась (благодаря войнѣ 1870 года) въ 1872 году и окончилась въ 1874 г., т. е. ровно черезъ пять лѣтъ.

Другой вліятельный членъ коммисіи, бывшій министръ путей сообщенія, К. В. Чевкинъ принялъ меня иначе. Маленькій, уродливаго сложенія, онъ стоя прислонился къ столу и, закрывъ рукою часть лица и глаза, проговорилъ довольно инскливно: «говорите» и молча выслушалъ мой довольно длинный-таки докладъ о пользѣ нашей дороги. Когда я кончилъ, Чевкинъ ex abrupto спросилъ: «Почему вы съ вопросомъ этой желѣзной дороги не обратитесь къ теперешнему товарищу министра графу В. А. Бобринскому? Онъ долженъ хорошо знать условія этой дороги. Это сахарная желѣзная дорога». Такъ называлъ нашу дорогу Чевкинъ, явно намекая на сахарные заводы графовъ Бобринскихъ, которые неминуемо очутились бы близъ проектированнаго пути. Вся наша бѣда была именно въ томъ, что дорога проектирована была близъ имѣнія графа Владимира Алексѣевича Бобринскаго, ожидавшаго со дня на день министерскаго портфеля, а потому не хотѣвшаго пальцемъ пошевелинуть въ пользу ся. Когда же графъ былъ уже министромъ путей сообщенія, и я съ депутатами четырехъ уѣздовъ пріѣхалъ ходатайствовать о дорогѣ, онъ положительно просилъ меня не говорить ему о ней до того времени, пока она дѣйствительно не попадетъ въ очередь, указанную комитетомъ. «Я слишкомъ заинтересованъ вашимъ проектомъ», говаривалъ не разъ мнѣ графъ, «и поэтому прошу васъ ко мнѣ не обращаться по этому дѣлу, пока я во главѣ министерства». Когда онъ по болѣзни вышелъ, его замѣнилъ двоюродный братъ его графъ Алексѣй Павловичъ Бобринскій, который, хотя и не помогалъ намъ въ нашихъ усиленныхъ хлопотахъ по проведеніи пути, но и не тормозилъ дѣла, такъ какъ уже наступалъ срокъ, указанный желѣзно-дорожнымъ комитетомъ.

Два года усиленныхъ хлопотъ въ Петербургѣ познакомили меня со всѣмъ кругомъ тогдашнихъ дѣльцовъ, а также и государственныхъ людей. На нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ самомъ дѣлѣ, стоитъ остановиться. Между ними были умы недюженныя. Но въ эти же два года, какъ молодъ я ни былъ, могъ я убѣдиться, и не одинъ разъ, что въ дѣлахъ общественныхъ личное я имѣеть по большей части гораздо болѣе значеніе, чѣмъ выгоды общественныя и государственныя. Въ томъ же Юремовѣ свѣжа на памяти у всѣхъ была личность С. С. Полякова,

строившаго не особенно давно шоссе отъ Воронежа къ Ефремову. Незначительный подрядчикъ, познакомился онъ съ Иваномъ Матвѣевичемъ Толстымъ, тогда еще не графомъ, арендовалъ у него винокуренный заводъ, втерся къ нему въ довѣріе и черезъ его посредство въ послѣдствіи получилъ концессию на постройку желѣзной дороги отъ Козлова на Воронежъ и далѣе. Никому другому, какъ И. М. Толстому, Поляковъ былъ обязанъ своей изумительной карьерой; но говорятъ, что послѣ этого случая Государемъ запрещено было высокопоставленнымъ лицамъ брать концессіи тому или другому лицу. Выгоды были слишкомъ велики, чтобы ими не соблазниться. Какъ въ былые годы откупщики лопатами гребли деньги, такъ въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ концессионеры загребали барыши милліонами. Желѣзнодорожная горячка охватила не только дѣльцовъ и людей, близко стоящихъ къ источнику всѣхъ благъ—Петербургу; она коснулась и земства, и земскихъ людей, которые являлись на перерывъ со всевозможными проектами. Земствамъ уже скучно было заниматься починкою мостовъ и рубкою Екатерининскихъ аллей вдоль большихъ дорогъ: ихъ манило болѣе широкое поприще. Особенную дѣятельность проявила въ концѣ 60 годовъ наша сосѣдняя Орловская губернія, Елецкій и Ливенскій уѣзды которой граничатъ съ Ефремовскимъ уѣздомъ, а потому мнѣ была близко извѣстна дѣятельность сосѣдки.

Во главѣ не только дворянства, но именно Орловскаго земства стоялъ человекъ ума обширнаго, рѣдкой энергіи предприимчивый Орловскій губернский предводитель дворянства Александръ Васильевичъ Шереметевъ (сынъ бывшаго министра государственныхъ имуществъ). Замѣчательный председатель губернскаго земскаго собранія, имѣвшій въ немъ большое вліяніе, А. В. Шереметевъ первый выступилъ съ желѣзно-дорожнымъ проектомъ *земской* Орловско-Витебской желѣзной дороги, который онъ провелъ блестяще въ Петербургѣ и самый проектъ исполнилъ по тому времени чрезвычайно быстро, въ 2½ года, въ чемъ всѣ, даже правительственныя сферы, отдали ему полную справедливость. При правительственной 5% гарантіи, на акціи и облигаціи земство ничѣмъ не рисковало: каждый уѣздъ Орловской губерніи участвовалъ въ барышахъ отъ постройки и получилъ по 100 тысячъ рублей на уѣздъ, тогда какъ другія земства, принявъ гарантію части доходности акцій на себя, въ послѣдствіи несли страшные убытки, какъ напр. Тамбовское, Козловское и др., жестоко поплатившіяся за своихъ представителей.

Я былъ на открытіи Орловско-Витебской желѣзной дороги. Въ то время это дѣлалось съ большою помпою. Приглашенныхъ везли въ особыхъ поѣздахъ въ Орель, какъ въ начальный пунктъ новооткрывающагося

пути. Въ Орлѣ на вокзалѣ Москов.-Курской дороги прибывшихъ гостей ожидали экипажи; каждому приготовленъ былъ номеръ въ гостиницѣ, гдѣ можно было спрашивать, что угодно даромъ; затѣмъ выдавали билетъ въ дворянское собраніе на торжественный обѣдъ; вечеромъ даровой спектакль въ театрѣ, а ночью на экстренномъ поѣздѣ обратно. Какъ предводитель сосѣдняго уѣзда и какъ лицо имѣвшее дѣло со строителями Губонинымъ и генераломъ Казаковымъ, я также былъ въ числѣ приглашенныхъ. Мы днемъ осмотрѣли искусственныя сооруженія на Окѣ и близъ Орла, а затѣмъ поѣхали обѣдать въ собраніе. Принимали всѣхъ А. В. Шереметевъ и супруга его Софья Григорьевна (рожденная Петрово-Соловая). На шеѣ у нея между другими драгоценностями блисталъ осыпанный брилліантами почетный жетонъ Орловско-Витебской желѣзной дороги (право дароваго проѣзда). За роскошнымъ обѣдомъ со всевозможными винами было сказано много рѣчей, произнесено много тостовъ. Тогдашній товарищъ министра путей сообщенія баронъ Андрей Ивановичъ Дельвицъ произнесъ блестящую рѣчь, въ которой, охарактеризовавъ дѣятельность Орловскаго земства, отдалъ ему честь и славу за то, что оно впервые выступило на путь новой дѣятельности и прогресса и оправдало возложенныя на него надежды, не смотря на значительныя препятствія, построивъ первую земскую въ Россіи желѣзную дорогу въ короткій срокъ двухъ съ половиною лѣтъ. Это было въ самомъ дѣлѣ страшно быстро въ сравненіи съ казенными постройками.

Пиръ, подобный тому, на какомъ я участвовалъ въ Орлѣ, стоившій добраго десятка тысячъ рублей, повторился и въ Смоленскѣ, и въ Витебскѣ, и на другихъ пунктахъ дороги. Но въ Смоленскѣ не обошлось безъ приключенія. Между представителями печати былъ и знаменитый редакторъ «Вѣсти», Скарятинъ, направленіе котораго далеко не вѣзмъ нравилось. За обѣдомъ въ Смоленскѣ, когда онъ заговорилъ, одинъ мой однофамилецъ, ярый Славянофилъ, случайно сидѣвшій противъ Скарятинѣ, сказалъ довольно громко, перерывая его рѣчь: «довольно, молчите!». Слова эти были подхвачены другими, и дѣло кончилось крупнымъ для Скарятинѣ скандаломъ.

Я выше сказалъ, что А. В. Шереметевъ, которому главнѣйше были обязаны успѣхомъ новой дороги, выговорилъ для 12 уѣздовъ милліонъ двѣсти тысячъ рублей при реализаціи строительнаго капитала. Реализаторомъ былъ баронъ Френкель. Шереметевъ самъ принялъ участіе въ постройкѣ дороги, давшей и ему лично значительный барышъ. Последнее обстоятельство было причиной того, что на Шереметева посыпались нареканія, такъ какъ находили, что онъ не имѣлъ права на личное участіе въ этомъ дѣлѣ, имъ же созданномъ. Но я думаю, что

зависть къ его успѣху несомнѣнно играла большую роль въ тѣхъ нареканіяхъ, благодаря которымъ его оклеветали и при Дворѣ, такъ что одно время онъ Высочайшею властью былъ замѣненъ, какъ председатель земскаго собранія, другимъ лицомъ, а именно В. В. Апраксинымъ. Дворянство же воздавало ему должное и не сомнѣвалось въ его честности. Оно доказало Шереметеву вскорѣ послѣ постройки Орловско-Витебской ж. дороги свое довѣріе, избравъ его блистательно вновь своимъ губернскимъ предводителемъ. Но въ Петербургѣ имъ были недовольны: не нравились его рѣзкія, умныя рѣчи и то вліяніе, которымъ онъ пользовался въ губерніи. Неуспѣхъ земскихъ собраній подъ председательствомъ В. В. Апраксина приписывали ему. Тогдашній министръ Внутр. Дѣлъ, Тимашевъ, придрался къ тому, что одинъ изъ дворянъ Н. на бывшемъ собраніи участвовалъ, какъ кандидатъ правъ Московскаго университета, но не былъ утвержденъ въ чинѣ, и въ силу этого, какъ поводъ къ кассациі, предложилъ не утверждать Шереметева губернскимъ предводителемъ. Выборы дѣйствительно были касированы, но при вновь состоявшихся Шереметевъ не только былъ избранъ, но дворянство на рукахъ вынесло его изъ залы собранія: триумфъ полный.

Оригинальна была встрѣча Шереметева съ министромъ Тимашевымъ. Шереметевъ поѣхалъ къ министру и въ общей приемной, гдѣ много было посѣтителей, велѣлъ курьеру о себѣ доложить. Обыкновенно предводителей дворянства министры принимали отдѣльно у себя въ кабинетѣ. На этотъ разъ, вѣроятно, чтобы выказать свое неудовольствіе новому выбору, Тимашевъ черезъ курьера выслалъ сказать, что проситъ подождать. Черезъ нѣсколько минутъ отворилась дверь въ общую приемную, вышелъ самъ министръ прямо къ Шереметеву и спросилъ холодно: «что вамъ угодно?» Шереметевъ, имѣвшій очень твердый и сильный голосъ, пофранцузски сказалъ: «прошу васъ, генералъ, когда вы кончите приемъ всѣхъ просителей, дайте мнѣ аудіенцію на пять минутъ наединѣ (*entre quatre murs*)». Тимашевъ, пожавъ плечами, отвѣчалъ: «Вы знаете, пять минутъ одному, пять минутъ другому составятъ часы, а у меня нѣтъ свободныхъ.» — «Это такъ вѣрно, генералъ», громко возразилъ Шереметевъ, «что я удаляюсь» и круто повернулся къ нему спиной. — «Да вы хотѣли мнѣ что-то сказать», торопливо сказалъ министръ. «*J'avais, je n'ai plus*», уже на ходу бросилъ ему Шереметевъ, оставя сконфуженнаго министра среди его просителей, и болѣе никогда къ нему во все время службы не возвращался, а лишь встрѣчался вѣжливо въ свѣтѣ и въ яхтъ-клубѣ.

Когда Шереметевъ вышелъ въ отставку, онъ исключительно занялся своими частными дѣлами, и весьма крупными, но къ сожалѣнію несчастливо, и въ 1879 году потерялъ свое состояніе при крушеніи

одного банка и при неудачной операціи поставки сухарей на армію вслѣдствіе несвоевременной уплаты казною денегъ ему, какъ и многимъ другимъ. Крайне жаль его было. Онъ уѣхалъ изъ Россіи, не желая въ ней жить иначе, какъ жилъ доселѣ, т. е. широко, не отказывая себѣ въ томъ комфортѣ, къ которому привыкъ, будучи человѣкомъ крайне независимымъ и гордымъ въ смыслѣ свободы, какъ онъ ее понималъ. Удивительно, что никто не съумѣлъ или скорѣе не захотѣлъ воспользоваться услугами такого умнаго человѣка, какъ Шереметевъ? Ни правительство, ни частныя компаніи, ни учрежденія не пригласили его на службу, и кончилъ онъ свою жизнь въ бѣдности, въ Парижѣ, проработавъ тамъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ разныхъ журналахъ, добывая личнымъ трудомъ пропитаніе. Невольно обидно за него, за непризнанныя за нимъ въ Россіи способности, тогда какъ во Франціи и скромная дѣятельность его нашла себѣ примѣненіе. *Sic transit...*

И послѣдній разъ встрѣтился съ Шереметевымъ въ Парижѣ, гдѣ хотя ему и плохо жилось, за то свободно дышалось. Ему несомнѣнно тяжело было на сердцѣ, потому что даже родная семья, для которой онъ работалъ и жилъ, можно сказать, забыла его или не хотѣла знать въ несчастіи. Тѣмъ не менѣе юморъ и остроуміе его были неизсякаемы, и бодрый духъ, который онъ въ себѣ поддерживалъ, не выдавалъ наружу его тяжелаго душевнаго настроенія. Мнѣ часто приходилось съ нимъ встрѣчаться, я относился съ сочувствіемъ къ этой сильной Русской натурѣ, и мнѣ невольно, глядя на него, припоминалась другая, но блестящая обстановка, тотъ же Шереметевъ въ Орловскомъ собраніи рядомъ съ красавицей-женой за роскошнымъ обѣдомъ, держащій рѣчь нѣсколькимъ сотнямъ людей, которые жадно ловили каждое его слово, чтобы затѣмъ покрыть его громомъ рукоплесканій... А тутъ бѣдная обстановка, за нѣсколько тысячъ верстъ отъ родины, вдали отъ любимой семьи, и жизнь личнымъ тяжелымъ трудомъ, лишь изрѣдка небольшая поддержка отъ немногихъ оставшихся друзей, присылавшихъ пособія въ анонимныхъ конвертахъ..... Да, многіе Русскіе дѣятели кончаютъ на чужой сторонѣ жизнь, не находя дѣятельности дома и предпочитая чужестранное, хотя и скудное, гостепріимство Русскому, иногда черезъ-чуръ широкому, а иногда наоборотъ голодному въ отношеніи къ тому, кого судьба или обстоятельства свели съ пьедестала, на который таже толпа поставила въ минуты увлеченія успѣхомъ своего идола. Люди изъ вѣка въ вѣкъ все тѣже. Кто не помнитъ историческихъ словъ Кромвеля? Когда онъ вѣзжалъ въ Лондонъ, и на крышахъ не было даже мѣста несмѣтной толпѣ его привѣтствовать, возлѣ него сидѣвшій обратилъ его вниманіе на небывалый энтузіазмъ толпы. «Еслибъ меня везли на эшафотъ, было бы еще больше», отвѣчалъ хо-

лодно Кромвель. Умеръ А. В. Шереметевъ въ Парижѣ въ большой бѣдности, отъ разрыва сердца.

Постройка Орловско-Витебской дороги вывела на свѣтъ и другихъ замѣчательныхъ людей. Въ числѣ ихъ на первомъ планѣ стоитъ вышедшій изъ крѣпостныхъ людей моего дяди, Д. Г. Бибикова, недавно умершій въ чинѣ тайнаго совѣтника Петръ Ивановичъ Губонинъ, дѣятельность котораго идетъ какъ бы параллельно съ упомянутымъ уже мною тоже тайнымъ совѣтникомъ, Поляковымъ. Ихъ обоихъ несомнѣнно выдвинулъ впередъ случай, при крупныхъ природныхъ способностяхъ ихъ; ибо, не попади они на людей вліятельныхъ, свѣтъ вѣроятно не узналъ бы о нихъ. До постройки Орловско-Витебской дороги Губонинъ былъ мелкій подрядчикъ; а тутъ, благодаря сперва инженеру Садовскому, а затѣмъ и Шереметеву, на голову Губонина свалилось болѣе четырехъ милліоновъ рублей изъ барышей отъ постройки Орловско-Витебской дороги на его пай. Условія концессій того времени были таковы, что только бы получить концессию, а милліоны будутъ. Такъ говаривали и откупщики, бывало: лишь бы взять на откупъ такой-то край, а барыши будутъ. Нельзя не приписать и слѣпому счастью успѣхъ людей, какъ Поляковъ, Губонинъ и др. Когда кончилась желѣзнодорожная манія, когда строительныя цѣны были сбиты до невозможности, что собственно изобразили эти люди? Поляковъ думалъ увѣковѣчить себя заказомъ своего бюста въ многочисленныхъ экземплярахъ знаменитому скульптору Антокольскому и свелъ свою желѣзнодорожную дѣятельность, кажется, на банковую, болѣе прибыльную. Губонинъ строилъ, обогащалъ храмы и разбросалъ свои труды во всѣ концы Россіи. Не было дѣла, за которое бы онъ не брался: и добыча каменнаго угля и нефти, и желѣзодѣлательные заводы, и лѣса, и камень, мраморъ, жернова, все онъ разрабатывалъ; но уже того успѣха не было: бѣшенныя деньги не валились ему, и послѣдніе годы своей жизни тайный совѣтникъ Губонинъ, съ виду обставленный почетомъ и роскошью, былъ мученикомъ своей дѣятельности. Я близко зналъ его, хотя рѣдко навѣщалъ; но, вслѣдствіе того, что когда-то имѣлъ я съ нимъ дѣла во время работъ на Орловско-Витебской дорогѣ (доброе время, когда я еще могъ давать ему залоги!), Губонинъ со мной былъ откровененъ и жаловался на невыносимость положенія. Душою онъ былъ человѣкъ предобрый, помнилъ добро и особенно сохранилъ хорошее отношеніе къ людямъ, которые или служили когда-нибудь у него, или помогали ему. Такъ одного приказчика, растратившаго чуть ли не десять тысячъ его денегъ, онъ велѣлъ оставить безъ преслѣдованія, говоря: «Богъ съ нимъ, я ему обязанъ; когда я женился, онъ мнѣ жилетку займа далъ; нечего было надѣтъ къ свадьбѣ».

Кромѣ Садовскаго, умершаго до окончанія Орловско-Витебской дороги, у Губонина по постройкѣ оной былъ еще серьезный компаньонъ, когда-то весьма извѣстный Москвѣ богатъ генералъ Александръ Борисовичъ Казаковъ. Онъ оказалъ большую помощь по постройкѣ Орлов. Витеб. ж. д. своими капиталами, особенно, когда она уже началась и когда иностранная компанія вдругъ замялась при реализаціи капитала, такъ что дѣло чуть не остановилось совсѣмъ: до того мало было тогда довѣрія иностранцевъ къ Русскому дѣлу, не смотря на правительственную гарантію и явные, крупные барыши. Владѣлецъ громаднхъ имѣній, домовъ и капиталовъ, А. Б. Казаковъ получилъ все это также *случаемъ* отъ графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской, дочери Чесменскаго героя и создателя Орловскаго рысака, графа Алексѣя Григорьевича Орлова. И это состояніе, ему доставшееся, онъ зѣло приумножалъ. Невольно является вопросъ, какъ и за что отдала графиня А. А. Орлова значительную часть своего громаднаго состоянія челоѣку чужому и неродовитому? Про этотъ случай я много слышалъ разсказовъ, такъ какъ онъ въ свое время надѣлалъ много шума и коментировался на всѣ лады; но я нечаянно слышалъ версію, которую считаю самою вѣрною. Ко мнѣ, въ семидесятыхъ годахъ, какъ къ Ефремовскому предводителю, въ мое село Шаховское, изъ Тулы, проѣздомъ въ Богородицкъ, заѣхалъ однажды объѣзжая Тульскую спархію, преосвященный Никандръ, епископъ Тульскій и Бѣлевскій. Осмотрѣвъ церковь, владыко зашелъ ко мнѣ отобѣдать, и послѣ обѣда я собрался его проводить до Богородицка, куда мнѣ тоже было нужно. Мы вмѣстѣ поѣхали въ дормезъ преосвященнаго Никандра и всю дорогу вели оживленную бесѣду. Оказалось, что преосв. Никандръ, во времена знаменитаго Фотія (духовнаго отца гр. Орловой), былъ монахомъ въ одномъ Новгородскомъ монастырѣ и хорошо зналъ какъ Фотія, такъ и духовную дщерь его. Все, чтѣ онъ про нихъ разсказывалъ, было крайне интересно и устраняло многіе слухи и разсказы, бросавшіе тѣнь на графиню А. А. Орлову. Все, чтѣ Никандръ говорилъ про Фотія, болѣе или менѣе извѣстно въ печати. Въ отношеніи къ графини Орловой вліяніе Фотія было изумительно, и всѣ его велѣнія она исполняла безпрекословно. А. Б. Казаковъ, въ то время молодымъ офицеромъ, квартировалъ съ своимъ полкомъ въ Новгородѣ. Какъ челоѣкъ крайне набожный, онъ постоянно являлся на молитву въ церковь, гдѣ служилъ Фотій и былъ имъ замѣченъ. Фотій полюбилъ его и, приблизивъ къ себѣ, познакомилъ съ графиней Орловой, которой въ одно прекрасное утро сказалъ: «се братъ тебѣ духовный, дщерь моя;» и этого было достаточно, чтобы графиня Анна Алексѣевна отвалила Казакову двадцать тысячъ десятинъ чернозему изъ своей знаменитой графской степи въ

Воронежской губерніи, много драгоценностей и денегъ и лучшихъ лошадей своего Хрѣновскаго завода. Доселѣ еще во всякомъ хорошемъ атестатѣ рысистой лошади Орловской породы въ Россіи, если только она высокихъ кровей, непременно значится, что прапрадѣдъ или прабабка отъ знаменитой такой-то лошади А. Б. Казакова.

Но не всегда благодѣянія, расточаемыя въ Новгородѣ графиней Орловой по совѣту Фотія, попадали на благодарную почву. Такъ однажды къ графинѣ явилась съ виду бѣдная старушка съ дочерью и, упавъ къ ногамъ ея, со слезами молила помочь ей несчастной въ бѣдѣ, такъ какъ обременена она большою семьею. Она просила на приданое дочери, которую безъ этого никто не бралъ замужъ. Графиня сжалилась и подарила чуть ли не пять тысячъ ассигнаціями старухѣ на приданое дочери. Но вотъ вскорѣ въ одномъ изъ вертеповъ Новгорода пошло необыкновенное пьянство и безобразіе, обратившія на себя вниманіе полиціи, которая пошла на розыски. На дознаніи оказалось, что пьянство и дебошъ идутъ на деньги графини Орловой! Полиція не повѣрила, а графиню спросить боялась и уже черезъ Фотія, знавшаго о пятидесяти тысячномъ дарѣ, узнала, какъ деньги туда попали. Старуха оказалась содержательницей этого вертепа; никакой дочери у ней не было, а взяла она какую-то подставную дѣвчонку и всю исторію эту выдумала, чтобы выманить деньги у графини. И много подобныхъ случаевъ бывало у графини Орловой.

Время моей поѣздки съ Никандромъ прошло въ оживленномъ разговорѣ, такъ что я не замѣтилъ, какъ промелькнули тридцать верстъ до Богородицка, гдѣ мы разстались съ преосвященнымъ, который остался ночевать въ городѣ, а я поѣхалъ въ усадьбу къ графу А. П. Бобринскому, лежащую въ верстѣ отъ города. Это было время, когда графъ А. П. Бобринскій болѣе всего увлекался ученіемъ лорда Редстока, который неоднократно и посѣщалъ графа въ Богородицкѣ. На другой день преосвященный Никандръ посѣтилъ графа А. П. Бобринскаго, котораго во время спора о таинствахъ и другихъ вопросахъ владыка спросилъ: «въ чемъ же ваша новая вѣра?» На это графъ прочелъ ему наизусть, не пропуская ни единого слова, нашъ православный символъ вѣры, что, конечно, удивило Никандра.

Графы Бобринскіе, оба двоюродные брата, будучи министрами, сильно подѣйствовали на пониженіе цѣнъ при постройкѣ новыхъ желѣзныхъ дорогъ. Они видѣли, какіе огромные барыши наживали концессионеры и видѣли также, какъ безумно и непроизводительно эти деньги тратились. До нихъ были случаи, что дороги строились на одинъ об-

лигаціонный капиталъ, акціонерный же оставался весь въ барышахъ. Барышъ въ 20—30 тысячъ съ версты былъ не въ диковину. Первый графъ Владимиръ Алексѣевичъ Бобринскій сказалъ свое вѣское veto. У него еще на памяти было, что отцу его, знаменитому Кіевскому сахаровару и экономисту графу Алексѣю Алексѣвичу была поручена постройка первой въ Россіи желѣзной дороги, какъ пробной — Царскосельской, и это доселѣ еще самая дешевая поверстная постройка. При графѣ Владимирѣ Алексѣевичѣ была сдѣлана попытка сдавать постройки желѣзныхъ дорогъ съ торговъ. Первая такимъ способомъ была сдана Кіево-Брестская А. А. Рябипину (бывшему Московскому губернскому предводителю дворянства) при поверстной цѣнѣ ниже сорока тысячъ; эта цѣна казалось неслыханной, такъ какъ обыкновенная была свыше семидесяти тысячъ. Но графъ В. А. Бобринскій не долго пробылъ министромъ: интриги, которыя велись въ высшихъ сферахъ для полученія той или другой концессіи, до того его измучили, до того раздражили его нервы, что онъ занемогъ и вскорѣ вышелъ въ отставку. Замѣнилъ его двоюродный братъ графъ Алексѣй Павловичъ Бобринскій, котораго я зналъ съ дѣтства, какъ мѣстнаго дѣятеля, такъ какъ графъ былъ въ теченіи шести лѣтъ нашимъ предводителемъ дворянства по Богородицкому уѣзду. Я зналъ его близко, потому что во время моего малолѣтства имѣнія мои были въ опеку, и графъ, какъ предводитель, вѣдалъ ими и даже дѣлилъ меня съ моей матерью, которой выдѣлялась седьмая часть изъ моего состоянія. Личность графа А. П. была весьма интересна. Сынъ графа Павла Алексѣевича Бобринскаго и графини Юліи Станиславовны, рожденной Бѣлинской, внукъ перваго Бобринскаго, графа Алексѣя Григорьевича, Алексѣй Павловичъ остался малолѣтнимъ послѣ отца. Отданный въ Царскосельскій Лицей четырнадцати лѣтъ (ему скрыли два года), онъ кончилъ очень рано ученіе въ Лицеѣ и очутился во главѣ большого, но весьма разстроеннаго состоянія, которое онека передала ему въ очень плачевномъ видѣ. И вотъ молодой человѣкъ, избалованный Петербургскимъ свѣтомъ, но могучаго тѣлосложенія и здоровья, задался мыслью трудомъ и работою поправить свое состояніе и энергично взялся за дѣло. Про него точно было сказано: *in corpore sano mens sana*. Весьма начитанный и образованный, графъ Алексѣй Павловичъ быстро пошелъ къ намѣченной цѣли, которой и достигалъ, какъ нельзя лучше. Онъ принялся строить въ Богородицкѣ свеклосахарный заводъ, что въ концѣ сороковыхъ годовъ еще было рѣдкостью. Чтобы изучить дѣло, онъ отправился учиться на сахарный заводъ своего дяди Алексѣя Алексѣевича Бобринскаго, у котораго было нѣсколько заводовъ въ Кіевской губерніи, но одинъ образцовый и первый паровой въ Россіи,

въ селѣ Михайловскомъ, Богородицкаго уѣзда. Тамъ управлялъ знаменитый Ханрисъ, Бельгіецъ, у котораго и учился Алексѣй Павловичъ саховаренію. Онъ, какъ простой рабочій, стоялъ всѣ смѣны и такимъ образомъ прошелъ лично всѣ стадіи производства и узналъ его не только по теоріи, но и на практикѣ. Жизнь въ деревнѣ и предводительская служба остались не безъ слѣда. Графъ быстро поправилъ дѣла свои, а въ 1853 году, когда началась война, поступилъ въ стрѣлковый полкъ Императорской фамиліи и роту, которою командовалъ, вооружилъ всю Бельгійскими штуцерами. Назначенный флигель-адъютантомъ, онъ послѣ кампаніи остался при Дворѣ.

Это было въ концѣ пятидесятихъ годовъ въ то время, когда вся Россія только и думала о рѣшеніи крестьянскаго вопроса, объ уничтоженіи крѣпостнаго права, и всѣ мыслящіе люди наперерывъ писали проекты по сему поводу. Одинъ изъ видныхъ проектовъ составленъ былъ графомъ А. П. Бобринскимъ. Онъ проводилъ ту мысль, чтобы правительство изъ земель государственныхъ имуществъ вознаградило помѣщиковъ за освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и за надѣленіе ихъ землею. Для крестьянъ онъ требовалъ свободы безъ прикрѣпленія къ землѣ и безъ крестьянскаго самоуправленія. Но противъ этого проекта сильно возсталъ тогдашній министръ государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьевъ, который своими нападками вообще сильно повредилъ графу Бобринскому. Онъ усматривалъ въ этомъ проектѣ лишь одну личную выгоду графа и даже однажды при встрѣчѣ съ нимъ сказалъ: «Бросьте вы эти проекты, а если вамъ самимъ нуженъ милліонъ, мы вамъ дадимъ». Между тѣмъ графъ Бобринскій въ вопросахъ общественныхъ и государственныхъ могъ вполне отрѣшиться отъ своего личнаго я, имѣя въ виду только общую пользу. Онъ и доказалъ это впоследствии, трудясь и работая неустанно, годами, надъ учрежденіемъ перваго поземельнаго банка въ Россіи, тогда какъ лично не нуждался въ кредитѣ. Когда назначены были выборы во всѣхъ губерніяхъ въ депутаты губернскихъ комитетовъ, долженствующихъ выработать положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, графъ пріѣхалъ изъ Петербурга въ Тулу, чтобы быть избраннымъ въ депутаты по Тульской губернии. Его однако не выбрали, не смотря на его очевидное направленіе къ выгодѣ и пользѣ дворянства. Дворянству уѣзда, которому онъ служилъ предводителемъ и которое его несомнѣнно любило и уважало, вдругъ не понравилось условіе, которое графъ ставилъ при своемъ выборѣ. Такъ какъ выбирались два депутата и кандидатъ къ нимъ, то графъ потребовалъ, чтобы были избраны его единомышленники: этого-то дворяне и не сдѣлали, отчего графъ и отказался отъ баллотировки и уѣхалъ

обратно въ Петербургъ, гдѣ уже успѣлъ и Государю сказать, что онъ вернется депутатомъ. Вообще ему не везло въ крестьянскомъ вопросѣ. Государь его назначилъ въ члены Редакціонной Коммисіи вмѣстѣ съ графомъ А. П. Шуваловымъ и княземъ Паскевичемъ; но предсѣдатель коммисіи, Я. И. Ростовцовъ воспротивился этому. Кромѣ того, во время подготовительныхъ работъ, у графа Бобринскаго вышло столкновеніе съ Н. А. Милютинымъ и Я. А. Соловьевымъ въ виду ихъ политическаго разномыслія по рѣшенію крестьянскаго вопроса. Соловьевъ и Милютинъ главнымъ образомъ возстановили Ростовцова противъ графа Алексѣя Павловича. Ростовцовъ тогда былъ всемогущъ: такъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, Алексѣй Ираклевичъ Левшинъ за неосторожный разговоръ о Ростовцовѣ поплатился временно карьерой, тогда какъ ждалъ уже министерскаго портфеля.

Говорили, что во время подготовительныхъ работъ у графа Бобринскаго вышелъ очень крупный споръ съ Соловьевымъ, который доказывалъ необходимость *оставить крестьянъ* на барщинѣ. Гр. Бобринскій горячо спорилъ, доказывая необходимость немедленной отмѣны ея. На вопросы графа, зачѣмъ, Соловьевъ сгоряча сказалъ: «да они такъ скверно будутъ работать, что помѣщики сами отъ этой работы откажутся». Бобринскій потребовалъ внесенія этихъ словъ въ протоколъ. Тогда Н. А. Милютинъ, разсердясь, обратился къ Соловьеву: «вѣчно вы все портите своею горячностью». Миѣ графъ Бобринскій рассказывалъ, что онъ потребовалъ внести и эти слова въ протоколъ.

Послѣ этого, по требованію Ростовцова, графу Бобринскому пришлось удалиться на время въ его чудесное имѣніе Богородицкое, и во вновь отдѣланномъ дворцѣ (временъ Екатерины Великой) онъ зажилъ съ молодою супругою своею, рожденной Писаревой (Александрой Алексѣевною). Дворецъ былъ отдѣланъ на славу; въ большемъ вестибюлѣ вдоль лѣстницы, идущей въ парадныя комнаты, по стѣнамъ изъ чернаго дуба красовались штуцера, какіе пожертвованы имъ когда-то стрѣлкамъ своей роты. Въ прекрасной залѣ происходили засѣданія мирового съѣзда, котораго графъ, какъ мировой посредникъ перваго призыва, былъ предсѣдательствующимъ. Въ это пребываніе въ деревнѣ графъ особенно занялся устройствомъ своихъ хуторовъ, гдѣ сѣвооборотъ и обработка полей въ самомъ дѣлѣ была образцовые. Проѣзжая по его полямъ, можно было себя вообразить въ Бельгіи или Германіи, но никакъ не въ Россіи и въ странѣ, обрабатываемой сохой. Но дѣятельность мирового посредника и сельскаго хозяина не была достаточно обширна для графа. Его тянуло выше. Видя вокругъ себя, въ какомъ несчастномъ положеніи

находятся помѣщики, очутившіеся безъ капитала, лицомъ къ лицу съ вольнымъ трудомъ и безъ кредита, такъ какъ Опекунскій Совѣтъ, блаженной памяти, былъ закрытъ именно тогда, когда сталъ всего нужнѣе, графъ задумалъ устроить поземельный банкъ для всей Россіи. Это была первая попытка, и графъ выступилъ съ проектомъ Взаимнаго Поземельнаго Кредита. Теперь, послѣ многихъ лѣтъ, его бранятъ и упрекаютъ въ осуществленіи этого проекта, т. е. *Золотого Банка*; но не надо забывать, что, во время учрежденія его, *золото* въ Россіи стояло немного выше *pari*, т. е. золотой въ пять рублей пятнадцать копѣекъ стоилъ около 5 р. 40 к., такъ что заемщики платили немного болѣе 5% годовыхъ, и никому въ голову не приходило, что наступитъ время, когда за государственный кредитный рубль будутъ давать полтину! Вѣдь были и тогда попытки устройства земельныхъ банковъ съ закладными листами на кредитную валюту; но они не могли осуществиться, хотя тоже люди капитальные стояли во главѣ ихъ (такъ напр. за проектъ Тарасенко-Отрѣшкова былъ князь В. А. Долгорукій), ибо въ Россіи закладнымъ листамъ не вѣрили, а за границей не брали другихъ кромѣ металлическихъ. Вотъ почему графъ Бобринскій и былъ вынужденъ согласиться на выпускъ металлическихъ закладныхъ листовъ; другого исхода не было. Пока графъ стоялъ во главѣ банка, дѣла шли блестяще; барыши взаимнаго кредита дѣлились между залогодержателями и заемщиками, почему послѣдніе и не платили много болѣе 5% сверхъ погашенія занятаго капитала. Впослѣдствіи положеніе измѣнилось къ худшему: курсъ упалъ, и заемщикамъ грозила большая опасность. Къ тому же и графъ Бобринскій оставилъ банкъ и перенесъ дѣятельность свою въ Министерство Путей Сообщенія. Затѣмъ, впослѣдствіи уже, Юханцовское хищеніе окончательно подорвало дѣла Взаимнаго Поземельнаго Кредита. Но будь гр. Алексѣй Павловичъ въ банкѣ, никогда ничего подобнаго не случилось бы. Онъ хорошо зналъ людей и самъ былъ отличный бухгалтеръ и образцовый директоръ банка, до педантичности акуратный. Я помню однажды въ Богородицкѣ цѣлую бурю, поднятую имъ по поводу того, что при мѣсячной отчетности въ нѣсколько десятковъ тысячъ р. оказалась разница въ 1 руб. 43 коп., въ отчетѣ управляющаго одного изъ имѣній. У графа была введена двойная бухгалтерія. Три дня бились и, наконецъ, провѣрили всѣ книги. Оказалось, что забылъ управляющій вписать расходъ 1 р. 43 к. почтовыхъ издержекъ по отправкѣ какихъ-то денегъ. Никогда при графѣ не удалось бы Юханцеву его хищеніе; да онъ и боялся слишкомъ графа, чтобы при немъ посмѣть это сдѣлать. вмѣстѣ съ желѣзною волею графъ унаслѣдовалъ отъ Орловыхъ и страшную вспыльчивость, надѣлавшую ему въ жизни немало бѣдъ. Но послѣд-

ніе годы своей жизни онъ значительно смирилъ себя, особенно когда взялся за чтеніе Евангелія и проповѣди религіозныя. Графъ А. П. привыкъ къ усиленной работѣ дома, разъ уже взявшись за дѣло. Такъ и въ Министерствѣ Путей Сообщеній неустанно работалъ онъ, и можно сказать, что министерство за нимъ не поспѣвало.

Несмотря на его требовательность и строгость, чиновники его любили, ибо никто изъ министровъ не держалъ такъ высоко знамя министерства какъ онъ. Онъ берегъ министерство отъ всякаго посторонняго вліянія и устранялъ всякое вмѣшательство въ дѣла выдачи концессій. Особенно боролся онъ противъ придворнаго вліянія. Узнавъ какъ-то, что въ одной изъ компаній на концессію участвуетъ принцъ Гессенскій, онъ прямо объ этомъ доложилъ Государю Александру II, и компанія была устранена, такъ какъ участіе высокопоставленныхъ лицъ считалось вреднымъ. На искорененіе злоупотребленій было обращено особенное вниманіе. Все это дѣлаетъ честь графу; но чрезъ это же и нажилъ онъ себѣ враговъ, которые и добились его смѣны, въ то время когда онъ менѣе всего это ожидалъ.

Удалившись въ деревню, онъ съ 1875 года исключительно занимался воспитаніемъ дѣтей, и какъ онъ, такъ и Пашковъ, заботились о распространеніи Евангелія въ народѣ. Имъ было запрещено проповѣдывать и читать Евангеліе народу, вслѣдствіе чего Пашковъ совершенно удалился за границу, а графъ тоже много времени въ году проводилъ въ чужихъ краяхъ, лишь изрѣдка посѣщая свое Богородицкое.

Когда Левъ Николаевичъ Толстой писалъ «Анну Каренину», я часто посѣщалъ его, и какъ-то онъ мнѣ высказалъ желаніе увидѣть Редстокиста, который ему необходимъ для его романа. Я уговорилъ графа Бобринскаго, котораго встрѣтилъ въ Тулѣ, поѣхать въ Ясную Поляну къ Толстому. Графъ согласился и, признаюсь, споръ ихъ, длившійся всю ночь, былъ крайне интересенъ, и я жалѣю, что я его тогда не записалъ дословно. Графъ Бобринскій очень краснорѣчиво и убѣжденно разсказалъ, какъ онъ изъ невѣрующаго сдѣлался вѣрующимъ и какъ онъ убѣдился, что вѣра въ то, что Спаситель принялъ на себя грѣхъ человечества, спасла его и т. д. Толстой возражалъ, и до утра не изсякала ихъ бесѣда. Но мнѣ думается, что графу Бобринскому не удалось убѣдить графа Толстого; а результатъ былъ тотъ, что въ слѣдующей главѣ «Анны Карениной» появилось нѣсколько словъ о лицѣ, которое, потерявъ мѣсто директора, сдѣлалось Редстокистомъ. Я встрѣтилъ и знакомыя мѣста изъ ихъ спора.

Скончался графъ Алексѣй Павловичъ 8-го Октября 1894 г. въ Каннѣ, на Югѣ Франціи, гдѣ его и похоронили, согласно его желанію.

V.

Во время моего трехлѣтняго служенія по Ефремовскому уѣзду предводителемъ, я проводилъ лѣто въ имѣнїяхъ, а зиму въ Москвѣ, откуда постоянно ѣздилъ на сѣзды и на рекрутскій наборъ въ Ефремовъ. Затѣмъ часто приходилось по желѣзнодорожному дѣлу бывать въ Петербургѣ, такъ что масса времени уходила на разъѣзды; особенно трудно было ѣздить зимой въ Ефремовъ, такъ какъ отъ Тулы приходилось ѣхать на лошадахъ по страшно ухабистой дорогѣ 130 верстъ. Рекрутскій наборъ, особенно тогда, вынуждалъ къ дѣятельности и заботливости; въ то время порядокъ былъ еще очередной, и конскрипція существовала лишь для казенныхъ крестьянъ. Самый наборъ представлялъ изъ себя нѣчто ужасное. Всякій очередной крестьянинъ считалъ себя неправильно поставленнымъ и указывалъ непремѣнно на семью сосѣда съ большимъ якобы числомъ работниковъ, вслѣдствіе чего прїемъ всякаго рекрута или его подставы сопровождался минимумъ четырьмя-пятью прошеніями и, чтобы принять триста человекъ, надо было при этомъ разобрать болѣе тысячи прошеній, такъ что мировые сѣзды просиживали ночи насквозь. Самый наборъ, въ силу этого столь тягостный для населенія, изъ котораго часто брали 30—35 лѣтнихъ отцовъ семействъ, сопровождался воплями и слезами толпы, окружавшей присутствіе въ теченіе мѣсяца, пока происходилъ наборъ. Пьянство шло въ городѣ необыкновенное. Поэтому я поставилъ задачею рекрутскаго присутствія какъ можно быстрѣ производить наборъ, и это мнѣ удавалось; такъ что, назначивъ впередъ очередь прибытія волостей въ городъ, я рѣдко задерживалъ волость до другого дня. Тогда впрочемъ и права предсѣдателя были огромны, и я ими, признаюсь, пользовался довольно широко. Часто бралъ я на свою отвѣтственность рекрутовъ, которыхъ браковали доктора, и всегда весьма удачно. Теперешніе рекрутскіе наборы не представляютъ собою ничего похожаго на то, что было прежде, т. е. я разумѣю даже наборы съ 1861 года и нынѣшніе, по введеніи всесословной воинской повинности. Что же сказать про наборы дореформеннаго времени, когда крестьянина брали на 25 лѣтнюю службу, и когда, провожая отдаваемого, деревня плакала по немъ, какъ по покойникѣ. Какъ ни плохо жилось крѣпостному у барина, однако 25-лѣтняя солдатская служба съ ея ужасами была еще тяжелѣе. Я еще хорошо помню время крѣпостного права, какъ оберегали людей, назначенныхъ въ рекруты, чтобы они чего-нибудь надъ собой не сдѣлали. Мнѣ живо вспоминаются наборы временъ Крымской кампаніи со всѣмъ ихъ трагизмомъ въ нашихъ деревняхъ..... Я помню одного парня нашей конюшни, обрубившаго себѣ пальцы, чтобы только

не идти на службу. Помѣщики старались сдавать въ рекруты все, что только было негоднаго, безнравственнаго, преступнаго; сами крестьяне, гдѣ рекрутская очередь назначалась ими самими, держались того же взгляда и сдавали въ рекруты людей порочныхъ. Мнѣ пришлось при моей двѣнадцатилѣтней предводительской службѣ участвовать въ 14 наборахъ, изъ коихъ пять по старому порядку, и потому могу смѣло сказать, что наравнѣ съ другими великими реформами Александра II-го на видномъ мѣстѣ стоитъ реформа военная. Она была *освобожденіемъ* арміи отъ того отброса и подонковъ людскихъ, которые ей сдавались на службу обществомъ. Живо перемѣнилась картина: около того же рекрутскаго присутствія, гдѣ стояли рыдающія жены и матери, показались веселыя лица, слышалась веселая пѣсня. Въмѣсто тысячъ жалобъ во время набора, подаваемыхъ мнѣ всюду и вездѣ (и черезъ кухню, и конюшню, и на паперти церкви, и на улицѣ, и съ подкупомъ, и безъ подкупа), однимъ словомъ цѣлый рядъ ежедневныхъ безобразій замѣнился строгимъ порядкомъ; лишь изрѣдка появлялось тамъ и сямъ прошеніе о примѣненіи льготы 2-го или 3-го разряда. Если въ Россіи былъ когда-либо министръ народнаго просвѣщенія, то имъ былъ несомнѣнно Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ. Имъ проведенной реформой былъ данъ небывалый толчокъ народу къ обученію грамотѣ. Возможность служить годомъ меньше подвинула многихъ, чтобы взяться за самое этообученіе. Я съ убѣжденіемъ высказывалъ казавшееся шуткой, что Д. А. Милютинъ дѣйствительно министръ народнаго просвѣщенія, а поставленные *на стражу народнаго образованія* предводители дворянства суть агенты Милютина.

Особенно тяжелы бывали въ старыхъ рекрутскихъ присутствіяхъ безпрестанно разыгрывавшіяся семейныя драмы. Такъ отецъ имѣлъ право назначать, кому изъ сыновей идти, когда ихъ было нѣсколько; или когда приходилось идти брату за брата, происходили сцены раздирающія. Такъ однажды отецъ-крестьянинъ указалъ мнѣ на младшаго сына, желая, чтобы женатый съ дѣтьми остался дома; но послѣдній бросился на колѣни въ присутствіи, умоляя его взять: «лучше каторга, чѣмъ домой; отъ отца и жены нѣтъ мнѣ житья!» Его и приняли. Однажды, только что былъ принятъ казенный крестьянинъ изъ Стрѣльчевязовской волости, какъ вбѣжалъ его 18-лѣтній братъ и просилъ его принять. Я рѣдко видалъ такого красавца; рослый, съ черными кудрями, съ чрезвычайно благородными чертами лица, съ большими, задумчивыми и умными глазами, онъ совсѣмъ не былъ похожъ на крестьянина. Я невольно его спросилъ: «Кто ты?».—«Моя фамилія—Шейнъ, изъ одноворцевъ». Фамилія эта изъ старинныхъ боярскихъ, и вообще Стрѣльчевязовская волость состоитъ изъ одноворцевъ, т. е.

объднявшихъ дворянъ, и населеніе ея отличается своей облагоустроенной наружностью. Принявъ Шеина, я хлопоталъ о зачисленіи его въ гвардію.

При старыхъ порядкахъ была масса ухищреній притворяться больнымъ, чтобы избѣгнуть службы. Прибѣгали также ко всякому способу подкупа. У одного рекрута докторъ никакъ не могъ открыть ротъ, чтобы посмотрѣть зубы, а когда это удалось, то вывалился золотой. «Это что?» спросилъ я—«Да доктору приготовилъ», отвѣчалъ рекрутъ. Много насмотрѣлся я курьезовъ за время старыхъ учреждений. И только люди, не знавшіе ихъ или намѣренно забывающіе могутъ утверждать, что дореформенное время было золотымъ вѣкомъ Россіи.

*

Я принялъ предложенную мнѣ предводительскую службу, когда только что вышелъ въ отставку добродушный губернаторъ П. М. Дараганъ и былъ замѣненъ энергичнымъ генераломъ Михайломъ Романовичемъ Шидловскимъ, который желалъ прекратить всякія злоупотребленія, но развелъ страшно бумажное производство и переписку до безконечности.

М. Р. Шидловскій повидимому задался мыслью непремѣнно поднять губернаторскую власть въ губерніи, которая, по его мнѣнію, недостаточно была поддержана бывшимъ губернаторомъ Дараганомъ. Послѣдній былъ уволенъ вслѣдствіе того, что сообщилъ всѣмъ мировымъ съѣздамъ полученную имъ секретную бумагу. Въ ней предлагалось по возможности тормозить выкупныя сдѣлки, дабы не сразу быть вынужденнымъ выпустить слишкомъ большое количество 5%-ныхъ банковыхъ билетовъ, и безъ того уже обезцѣненныхъ. Министерство, крайне недовольное разоблаченіемъ этой секретной бумаги, выместило свое неудовольствіе на губернаторѣ Дараганѣ. М. Р. Шидловскому всякое проявленіе независимости въ губерніи было невыносимо, а потому мировые посредники болѣе другихъ, какъ пользовавшіеся правами одинаково съ предводителями. Шидловскій при всякомъ удобномъ случаѣ заявлялъ, что власть ихъ, не зависящая отъ губернатора, прямо вредна. Я полагаю, Шидловскій, какъ лицо вліятельное въ Петербургѣ, много способствовалъ сперва умаленію ихъ власти, а затѣмъ и уничтоженію самаго института, который былъ замѣненъ въ концѣ концовъ непремѣннымъ членомъ при административномъ мировомъ съѣздѣ, уже лишенномъ всякой власти. Губернаторъ Шидловскій былъ первый, который сталъ принимать жалобы на рѣшенія мировыхъ съѣздовъ по рѣшенію волостныхъ судовъ, что было прямо вопреки положенію 19 Февраля 1861 года, и черезъ это развелъ безконечную волокиту по уѣздамъ. Жалобы переходили изъ уѣзда въ губернскія учрежденія и въ Сенатъ, откуда возвращались черезъ два, иной разъ

три года. Иногда, отмѣненное Сенатомъ, наше рѣшеніе производило въ уѣздѣ цѣлую пертурбацию и являлось неисполнимымъ. Сенатъ находилъ напр., что слѣдовало взять не Ивана, а подставнаго Петра. Приходилось возвращать Ивана, уже три года служившаго, коему эти три года не шли въ зачетъ, а между тѣмъ Петръ въ слѣдующій наборъ тоже уже ушелъ; замѣна становилась фактически невозможная, а въ деревнѣ изъ-за этого неудовольствія, опять жалобы и т. д. Однажды въ Орлѣ тогдашній губернаторъ М. Н. Лонгиновъ, особенно какъ-то заваленный отмѣненными рѣшеніями Сената, на мой вопросъ, какъ идутъ дѣла, шутя отвѣчалъ: «Да кромѣ Сената, вѣдь никто не бунтуетъ», понимая ту путаницу, которая происходитъ въ уѣздахъ вслѣдствіе позднихъ отмѣнъ рѣшеній состоявшихся на съѣздахъ.

Я выше разсказалъ, какихъ трудовъ стоила намъ отмѣна этихъ дѣйствій губернатора. Генер. Шидловскій, какъ служившій только въ военной службѣ, имѣлъ привычку говорить чрезвычайно громко въ простомъ разговорѣ. Когда же онъ говорилъ съ подчиненными, то разговоръ переходилъ въ крикъ, что было крайне непріятно слушать. Особенно со старшинами и старостами, кои являлись къ нему во время его ревизіи уѣздовъ, онъ не церемонился, и крикъ его былъ слышенъ издалека, хотя разговоръ происходилъ въ присутственныхъ мѣстахъ. Однажды, когда Шидловскій ужъ черезчуръ расшумѣлся на мировомъ съѣздѣ, одинъ изъ старыхъ мировыхъ посредниковъ, проходя мимо той комнаты, гдѣ кричалъ Шидловскій, нарочно сказалъ громко своему товарищу по службѣ: «а я вѣдь думалъ, что Шидловскій умный человекъ; слушая его крикъ, я разубѣдился». Слова эти сказаны были съ цѣлью, конечно, чтобы Шидловскій ихъ слышалъ, и это еще болѣе предубѣдило его противъ мировыхъ посредниковъ. Въ одномъ надо было отдать справедливость М. Р. Шидловскому: онъ былъ человекъ безукоризненной честности и безпощадности. Служащіе впрочемъ сохранили о немъ хорошую память; онъ былъ вѣренъ на слово въ томъ отношеніи, что и за всякое словесное распоряженіе, имъ сдѣланное, онъ принималъ отвѣтственность и послѣдствія на себя, не подводя подчиненныхъ, которые это и цѣнили. Особенно преслѣдовалъ онъ пьянство и распоряжался закрытіемъ кабаковъ, если являлась къ тому возможность. И когда, вслѣдствіе подобныхъ распоряженій, возникали процессы и иски къ полиціи, онъ признавалъ себя въ отвѣтѣ. Но за то при малѣйшемъ упущеніи полиціи онъ являлся грозою для нея. Какъ-то проѣзжая по Дворянской улицѣ въ Тулѣ, ген. Шидловскій замѣтилъ, и не въ первый разъ, что улица противъ дома купца Расторгуева грязна. Онъ тутъ же напустился на пристава. Тотъ возразилъ, что купецъ Расторгуевъ, не смотря на его требованія, оныхъ

не исполняетъ и улицу не чистить. Възбѣшенный Шидловскій продолжалъ кричать на пристава и, въ концѣ концовъ, въ потокѣ брани, добавилъ: Забросать ему домъ грязью! Полиція взяла да исполнила буквально эти слова. Собрала грязь и навозъ съ самой улицы и закидала домъ Расторгуева, такъ, что нельзя было разобрать, какой краски домъ: такъ какая-то сдѣлалась навозная куча. Полетѣла жалоба къ министру. Велѣно было смѣнить частнаго пристава, но Шидловскій далъ ему лучшее мѣсто. Служившій тогда въ Тулѣ Салтыковъ (Щедринъ) немало позаимствовалъ въ Тулѣ для своихъ Помпадуровъ, а Шидловскаго онъ просто не переносилъ и, гдѣ только могъ, поднималъ на смѣхъ. «Я все жду, что ихъ превосходительство влетятъ въ алтарь», говорилъ онъ въ соборѣ во время молебна, указывая, какъ губернаторъ и губернский предводитель шагъ за шагомъ старались выдвинуться передъ прочими мундирами. А между тѣмъ странно было, что тотъ же Салтыковъ, высмѣявшій своихъ Помпадуровъ всячески, самъ не чуждъ былъ оборвать и обругать несчастнаго чиновника за всякое, даже малое, упущеніе. Мнѣ рассказывали, что разъ, пріѣхавъ въ Богородицкъ (Салтыковъ былъ предсѣдателемъ Тульской казенной палаты и замѣнялъ временно губернатора), онъ страшнымъ образомъ обрушился на станціоннаго смотрителя, какъ тотъ смѣлъ явиться не въ мундирѣ. Во время разноса смотрителя къ станціи подошелъ поджидавшій Салтыкова къ себѣ въ усадьбу его товарищъ по Лицею графъ А. П. Бобринскій и, ударивъ по плечу Салтыкова, сказалъ: «молодецъ, Помпадуръ!» чѣмъ, конечно, весьма смутилъ автора Помпадуровъ. Въ Твери, говорятъ, эпизодъ былъ еще хуже: тамъ Салтыковъ, будучи, кажется, вице-губернаторомъ, тоже правилъ должность губернатора, когда къ нему явился совершенно растерянный помѣщикъ жаловаться, что его побили крестьяне. Дѣло было въ самый разгаръ освобожденія, и въ Тверской губерніи помѣщикамъ приходилось плохо отъ крестьянъ. «Кончайте миромъ», сказалъ ему Салтыковъ. На всѣ возраженія помѣщика Салтыковъ твердилъ одно: «помиритесь» и, говорятъ, что възбѣшенный помѣщикъ нанесъ Салтыкову оскорбленіе дѣйствиємъ, сказавъ: «Не угодно ли вамъ теперь кончить со мною миромъ?» Я слышалъ этотъ рассказъ тогда же, но за достовѣрность, конечно, ручаться не могу, хотя прибавляли, что, ради этого эпизода, Салтыковъ не получилъ губернаторскаго мѣста. Шидловскій не боялся пера Щедрина и не скрывалъ своихъ глубоко-консервативныхъ взглядовъ, которые онъ высказалъ между прочимъ на прощальномъ обѣдѣ, ему данномъ въ Тулѣ, при отъѣздѣ въ Петербургъ, когда онъ оставлялъ губернію. Проѣздомъ черезъ Москву М. Р. Шидловскій обѣдалъ у меня случайно со знаменитымъ С. А. Соболевскимъ. Оказалось, что они

давнишніе знакомые, и бесѣда была преинтересная. «А знаете ли», сказалъ мнѣ Соболевскій по отъѣздѣ Шидловскаго: «подъ этой черствою наружностью, я имѣлъ случай убѣдиться, кроется доступное любви сердце, и Шидловскій можетъ быть нѣжнымъ, любящимъ человѣкомъ. Я изъ немногихъ, кто видѣлъ его страстно влюбленнымъ; я видѣлъ его даже плачущимъ». Изъ Тульскихъ губернаторовъ М. Р. Шидловскій былъ поставленъ во главу цензуры, а затѣмъ и товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Но, страшно впечатлительный и нервный, онъ недолго проработалъ на новомъ мѣстѣ и заболѣлъ нервною болѣзнію, лѣчить которую поѣхалъ въ Парижъ. Тамъ онъ и скончался и похороненъ на кладбищѣ Père-la-Chaise, увеличивъ собою число умершихъ за границей Русскихъ дѣятелей. И умеръ онъ далеко нестарымъ человѣкомъ, немного свыше пятидесяти лѣтъ: тоже особенность Русскихъ людей. Возрастъ, въ которомъ въ Англіи, напр., государственный дѣятель начинаетъ свою плодотворную дѣятельность, у насъ уже считается предѣльнымъ возрастомъ для окончанія служебнаго поприща. Когда за границей государственный дѣятель исключительно занятъ своимъ только дѣломъ, Русскому дѣятелю приходится мѣняться, если можно такъ выразиться, на мелкую монету. Онъ менѣе всего занятъ своимъ дѣломъ. Не говоря уже про формалистику, которая беретъ половину его времени, масса мелкихъ постороннихъ интересовъ и препятствій отвлекаютъ его, почему рѣдко-рѣдко способный и работающій министръ долго можетъ удержаться на своемъ посту. Какъ-то князь Черкасскій въ Варшавѣ проводилъ очень удачно эту параллель между Русскими и Англійскими государственными людьми и приводилъ въ примѣръ себя: сколько лишней работы онъ дѣлаетъ, чтобы достигать результатовъ, которые при другихъ условіяхъ достигались бы гораздо легче. Я самъ видѣлъ многихъ заработавшихся государственныхъ дѣятелей, для которыхъ борьба съ ежедневными противодѣйствіями, затрудненіями и людскою злобою становилась не подъ силу и надламывала ихъ силы, ихъ здоровье въ цвѣтѣ еще лѣтъ и умственнаго развитія. Къ такимъ отношу я Н. А. Милютину, преждевременно кончившаго и поприще, и жизнь. Послѣ горячаго одного спора противъ реакціонной партіи, на него нападавшей, Милютинъ, вернувшись домой, слегъ. Пріѣхавшій къ нему на другой день его навѣстить Императоръ Александръ II спросилъ его съ участіемъ: «Это вчерашнее засѣданіе тебя уходило?» — «Да, Государь, отвѣчалъ Милютинъ, вчерашнее и *многое* другое»...

Не одинъ Н. А. Милютинъ такъ кончилъ.

(Продолженіе будетъ).

НАБРОСКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ КНЯЗЯ Д. Д. ОБОЛЕНСКАГО.

VI *)

Мѣстная предводительская служба моя, какъ председателя земскаго собранія, была не безъ значенія въ виду вопросовъ, надвигавшихся вслѣдствіе реформъ, слѣдовавшихъ одна за другой. Еще не успокоилось мѣстное общество послѣ 19 Февраля 1861 года, какъ появился уставъ о земствѣ, создавшій крупныя мѣстные вопросы; затѣмъ освобожденіе крестьянъ въ Польшѣ, куда поѣхало много дѣятелей изъ Тульской губерніи за княземъ Черкасскимъ, а тутъ и судебная реформа съ широкою дѣятельностью мировыхъ судей.

Если мѣстная дѣятельность брала много времени, то еще болѣе у меня взяли его хлопоты въ Петербургѣ о нашей желѣзной дорогѣ. Являлось много споскателей и лицъ, желавшихъ взять концессию на эту дорогу. На деньги, собранныя земствами и городами (Ельцомъ, Воронежемъ, Задонскомъ) и добавивъ своихъ, я предпринялъ изысканія, которыя поручилъ одному изъ лучшихъ Русскихъ инженеровъ В. А. Титову. Не дождавшись министерскаго разрѣшенія, я началъ изысканія на свой страхъ и, слава Богу, окончилъ оныя безъ особыхъ столкновеній. Нигдѣ не мѣшали работамъ, такъ какъ всѣ радовались будущей желѣзной дорогѣ. Разъ только было замѣчено, что по пробиваемой нами линіи, впервые въ тѣхъ мѣстахъ, по нашимъ знакамъ идетъ партія неизвѣстныхъ намъ инженеровъ; ясно, что она желала воспользоваться нашими трудами. Къ тому же В. А. Титовъ уже тогда, т. е. въ концѣ 60-тыхъ годовъ, стяжалъ себѣ славу отличнаго инженера, опытнаго въ изысканіяхъ. Сейчас же наши инженеры на смѣхъ набили колья, наобумъ, къ огромному оврагу, и потомъ смѣялись надъ нашими конкурентами, которые дня три около этого оврага путались. Проектъ, сдѣланный Титовымъ, въ послѣдствіи легъ основаніемъ линіи и для правительственной повѣрки.

Жизнь въ Петербургѣ и постоянные разѣзды для осуществленія этого проекта были въ сущности и очень дороги, и утомительны. Со-

*) См. выше стр. 43.

искателей было много; но желательно было остановиться на компаніи солидной, и если возможно, Русской. Последнее было самое трудное, ибо Еврейскія компаніи были сильнѣе Русскихъ, и мои попытки составить солидную Русскую компанію не удавались. Зная, что у меня въ рукахъ лучшія изысканія этой линіи, и слышавъ вѣроятно о моихъ близкихъ отношеніяхъ съ графомъ Бобринскимъ, ко мнѣ являлись разные предприниматели, но неподходящіе; а главное, именно вслѣдствіе моихъ близкихъ отношеній къ Бобринскому, уже стоявшему во главѣ министерства, мнѣ неудобно было выступать концессіонеромъ; да, наконецъ, мнѣ было лишь около 25-ти лѣтъ,—возрастъ не довольно внушительный, чтобы выступать концессіонеромъ.

Необходимо было составлять компанію на постройку проектированной желѣзной дороги Русскую, которая бы позаботилась о мѣстныхъ выгодахъ и самую постройку исполнила бы на Русскіе средства и матеріалы. Какъ представитель подобной комбинаціи мнѣ казался самымъ подходящимъ человекомъ извѣстный въ Петербургѣ дѣятель конца 60-тыхъ годовъ Николай Ивановичъ Путиловъ, основатель Путиловскихъ заводовъ и піонеръ рельсопрокатнаго дѣла въ Россіи: его рельсы со стальными головками входили въ моду; самъ онъ, какъ бывшій морякъ и человекъ ума обширнаго, самородокъ чисто-Русскій, выбившійся самъ на дорогу, пользовался особымъ покровительствомъ Великаго Князя Константина Николаевича. Родомъ *Новгородецъ*, какъ онъ любилъ себя величать, Путиловъ былъ человекъ упрямый и настойчивый въ достиженіи намѣченной имъ цѣли. Человекъ очень предпріимчивый, съ широкими взглядами на коммерческія предпріятія, онъ, прежде чѣмъ о собственной выгодѣ, думалъ о пользѣ самаго предпріятія и главною цѣлью ставилъ поэтому отличное исполненіе самаго дѣла, не думая о себѣ, о личныхъ своихъ барышахъ. Поэтому большая часть прекрасно задуманныхъ имъ предпріятій исполнялась добросовѣстно и давала чудесные результаты, между тѣмъ какъ онъ самъ, выбиваясь изъ силъ, чтобы сдержать обѣщанное, несъ убытки и нуждался часто даже въ необходимомъ. Такъ было съ его Путиловскою ж. дорогою, съ блестящимъ проектомъ Петербургскаго порта, съ морскимъ каналомъ имъ задуманнымъ и проектированнымъ отъ Кронштадта въ Петербургъ, съ громадной поставкой ружей на Русскую армію въ то время, когда Военное Министерство не находило возможнымъ быстро перевооружить ее, т. е. армію, скорострѣльными ружьями. Мысли блестящія, полная готовность привести ихъ въ исполненіе, и вѣчный тормазь въ видѣ Нѣмецкой, а того чаще, чиновничьей прицѣпки. Чтò могло быть выгоднѣе постройки Петербургскаго порта при морскомъ каналѣ, для избѣжанія перегрузки въ Кронштадтѣ, такъ какъ морскія суда

не могли доходить до Петербурга? При осуществленіи Петербургскаго порта вагоны изнутри Россіи могли бы по Путиловской ж. д. подойти къ порту и грузиться прямо на океаническіе пароходы. «Какой нибудь кулъ изъ Саратова грузится прямо на океаническій пароходъ! Вотъ чего я добьюсь», любилъ говаривать Путиловъ. Хотя человѣкъ умный, однако онъ имѣлъ свои слабости: онъ мнилъ, что если Петръ Великій «прорубилъ окно въ Европу», то онъ портомъ своимъ прорубить дверь, давъ свободный доступъ иностраннымъ кораблямъ въ самый Петербургъ, и тѣмъ самымъ достигнетъ огромныхъ сбереженій Русскимъ отправителямъ, коихъ щиплетъ и Калашниковская пристань, и двойная перегрузка, пока хлѣбъ достигаетъ Кронштадта. Но именно Калашниковцы въ лицѣ архимилліонера Овсянникова, если не совсѣмъ, то на половину слопали Путилова и не дали его порту осуществиться. А пылкое воображеніе Путилова видѣло, какъ на-яву, уже застроившуюся пустынную мѣстность около предполагаемаго порта, домъ, пакгаузы, амбары, доки, цѣлыя улицы и площадь, на которой долженъ былъ красоваться со временемъ памятникъ или статуя Н. И. Путилова, основателя этого новаго пригорода. Все это возникло, но можно сказать на костяхъ Н. И. Путилова, и въ искаженномъ видѣ, а плодами его блестящихъ мыслей и проектовъ воспользовались другіе. Путилова иногда забавляло, что въ числѣ его довѣренныхъ и служащихъ были камергеры и камеръ-юнкеры, которые въ мундирахъ иногда по праздникамъ ждали его выхода.... Кто безъ слабостей?.. А въ тоже время, какъ несомнѣнно-умный человѣкъ, Путиловъ самъ подтрунивалъ надъ этимъ, и общество его составляли люди исключительно умные и даровитые; особенно послѣднихъ онъ поощрялъ, и при этомъ нисколько не стѣснялся, когда эти люди бывали въ опалѣ. А въ Петербургѣ вѣдь и это рѣдкость!

Собой Путиловъ былъ незраченъ, но при этомъ лицо его было чрезвычайно-выразительно, такъ что, не зная его и не говоривъ даже съ нимъ, но встрѣтивъ гдѣ-либо, непременно скажешь про себя: «должно быть это очень умный человѣкъ». Роста средняго, хорошаго сложенія, Н. И. Путиловъ былъ человѣкъ очень живой. Глаза его, хотя и за очками, были весьма выразительными, и взглядъ ихъ глубокій, пронзительный. Лобъ высокій, выпуклый указывалъ на большой объемъ мозга и на хорошее развитіе большихъ полушарій. Рѣчь его, хотя и не быстрая, но была внушительная и убѣдительная.

У Путилова познакомился я съ молодымъ тогда еще морякомъ Н. М. Барановымъ, систему ружей котораго тогда Путиловъ предлагалъ выставить для арміи неимовѣрно быстро, въ случаѣ нужды (это было въ тревожное время Франко-Прусской войны), тогда какъ

казенные заводы крайне тихо работали ружья системы Крынка, впоследствии оказавшіяся ни къ чему негодными. Путиловъ предлагалъ тогда Наслѣднику Цесаревичу Александру Александровичу приспособить и передѣлать свои заводы для изготовленія ружей. У него же познакомился я съ адмираломъ А. А. Поповымъ, изобрѣтателемъ поповокъ, съ М. Г. Черняевымъ, съ бывшимъ морскимъ министромъ Метлинымъ и многими другими моряками. Бывать у Путилова было интересно, особенно на его еженедѣльныхъ обѣдахъ, гдѣ собиралось много умныхъ людей. Обѣдали въ столовой, стѣны которой покрыты были сплошь портретами Русскихъ людей и дѣятелей, чѣмъ либо себя проявившихъ или ознаменовавшихъ свою жизнь чѣмъ нибудь необыкновеннымъ. До такихъ портретовъ Путиловъ былъ страстный охотникъ и имѣлъ сотни ихъ, рисованныхъ начиная отъ великихъ художниковъ Лампи, Боровиковскаго, Тропинина и кончая неизвѣстными мазилками. Портретная галлерей эта по количеству и разнообразію была замѣчательная. Вы встрѣчали въ ней, и Богдана Хмѣльницкаго, и Стеньку Разина, и Пугачева, и всѣхъ бывшихъ и современныхъ министровъ, а также ученыхъ, литераторовъ, художниковъ и т. п. Куда все это дѣвалось, не знаю; но много было интереснаго. Послѣобѣденные споры бывали очень оживленны, и я съ большимъ любопытствомъ слушалъ рассказы Черняева и его критику военной системы Милютина. Старикъ Метлинъ иногда вспоминалъ бывшее и какъ-то разъ рассказалъ намъ бывший съ нимъ эпизодъ во дворцѣ въ царствованіе Николая I, когда онъ, Метлинъ, былъ еще молодымъ мичманомъ. Разговоръ шелъ о томъ, какъ легко пострадать невинно отъ самаго пустого случая. Вотъ что намъ рассказалъ старый адмиралъ. «Я былъ въ числѣ приглашенныхъ на большомъ балѣ во дворцѣ, какъ офицеръ гвардейскаго экипажа. Проходя изъ залы, гдѣ танцевали, въ сосѣдную, гдѣ былъ буфетъ, въ дверяхъ на меня наткнулся быстро шедшій камеръ-лакей съ серебрянымъ подносомъ, на которомъ стояли блюдечки мороженаго. Камеръ-лакей такъ толкнулъ меня подносомъ, что бывшія на немъ блюдечки съ ложками упали, и онъ мороженымъ запачкалъ мнѣ мундиръ. Оправившись и отершись платкомъ, я пошелъ дальше и, увидавъ вдали идущаго Императора, вытянулся и, согласно тогдашней формѣ, повернулъ свой киверъ. Каковъ былъ мой ужасъ, когда изъ него въ эту минуту выпали на полъ двѣ серебряныя ложки! Онѣ попали въ киверъ при столкновеніи моемъ съ камеръ-лакеемъ, упавъ съ блюдечекъ съ мороженымъ. Я до сихъ поръ холодѣю при мысли, что было бы со мною, если бы это случилось вблизи Государя. Вѣроятно все это объяснилось бы послѣ; но минута была ужасная, и я благодарилъ судьбу, что злополучныя ложки, попавшія нечаянно въ

живерь, выпали не будучи замѣчены никѣмъ, кромѣ близкихъ мнѣ моряковъ, подтрунившихъ надо мной»....

Н. И. Путиловъ казался мнѣ именно тѣмъ энергичнымъ дѣтелемъ, который могъ бы осуществить задуманное мною дѣло, и одно время казалось, что успѣхъ уже былъ на нашей сторонѣ. Баронъ Андрей Ивановичъ Дельвигъ тоже сочувствовалъ постройкѣ нашей линіи (Воронежъ—Тула) на Русскія средства. Путиловъ хотѣлъ и рельсы, и вагоны, и весь подвижной составъ изготовить въ Россіи; но не суждено было Русскимъ людямъ тогда работать и зарабатывать деньги. Безграмотному Англійскому рабочему Юзу поспѣшили, по его просьбѣ, дать на Югѣ цѣлую концессию на постройку желѣзной дороги съ полной гарантіей правительства, да еще огромную премію на рельсы, сталь и желѣзо, которые онъ обѣщалъ выдѣлывать въ основанной имъ на Русскія деньги Юзовкѣ (барыши съ нея ушли и уходятъ въ Англію). Бывшій министръ финансовъ М. Х. Рейтернъ не любилъ *этихъ Русскихъ*, и потому мы вскорѣ убѣдились, что съ Путиловымъ мы постройки нашей линіи не добьемся, да и Франко-Прусская война остановила временно всѣ финансовыя операціи въ Россіи.

Зимы эти, во время хлопотъ по ж.-дорожному дѣлу, мною проведенныя въ Петербургѣ, остались мнѣ весьма памяты. Я жилъ въ домѣ моего дяди Д. Г. Бибикова, когда-то Кіевскаго генералъ-губернатора, у моей двоюродной сестры, княгини Зои Дмитріевны Львовой, замужемъ за княземъ Евгеніемъ Львовымъ. Семью князей Львовыхъ я близко зналъ въ Москвѣ, гдѣ она пользовалась большимъ уваженіемъ. Не могу не сказать о ней нѣсколько словъ, такъ какъ стоялъ къ ней весьма близко. Старикъ, князь Александръ Дмитріевичъ былъ почтеннымъ старожиломъ Московскимъ, когда-то адъютантъ графа Закревскаго, женатый на княжнѣ Маріи Андреевнѣ Долгорукой, сестрѣ князей Николая, Ильи, Василя и Владимира Андреевичей Долгорукихъ, игравшихъ столь видную роль въ теченіе трехъ царствованій. Получивъ крупное наслѣдство отъ своей тетки Ярославовой, добрыйшій князь А. Д. Львовъ съ супругою Марією Андреевной имѣлъ открытый, гостепріимный домъ въ Москвѣ, въ который Москвичи считали особою честью быть принятыми; особенно поклонялись княгинѣ Маріи Андреевнѣ, которую отчасти и побаивались, такъ какъ она была представительницею высшей Московской аристократіи и не безъ причины пользовалась всеобщимъ уваженіемъ. Про нее перефразировали Фамусовское выраженіе и говорили вмѣсто Марія Алексѣевна «Ахъ, Боже мой, чтѣ будетъ говорить княгиня Марія Андревна!» Семейство князей Львовыхъ состояло изъ четырехъ сыновей: князей Евгенія, Дмитрія, Андрея, Василя и изъ семи красавицъ дочерей. Всѣ онѣ сдѣлали блестящія партіи. Съ

младшимъ, Василиемъ, я былъ товарищемъ по университету и потому часто посѣщалъ домъ кн. Львовыхъ. Княгиня Марія Андреевна строго держала въ рукахъ дѣтей, и другой воли, кромѣ ея, въ домѣ не было; за то дѣйствительно и воспитаніе получили они прекрасное. Но при своей строгости княгиня Марья Андреевна была очень доступна добру. Какъ-то, дорогою изъ Тулы въ Москву, я съѣхался съ Новосильскимъ мировымъ посредникомъ Иванъ Ивановичемъ Писаревымъ, отцемъ знаменитаго Дмитрія Ивановича. Отъ него я узналъ, что Дмитрій Ивановичъ Писаревъ арестованъ, и что отецъ не можетъ добиться свиданія съ сыномъ. Пріѣхавъ въ Москву, я немедленно отправился къ княгинѣ Маріи Андреевнѣ, рассказалъ, въ чемъ дѣло, и немедленно же получилъ отъ нея письмо къ брату ея князю Василию Андреевичу Долгорукому, шефу жандармовъ, съ самымъ теплымъ заступничествомъ за Дмитрія Ивановича. Письмо это передалъ я старику Писареву, которому, какъ я послѣ узналъ, и удалось облегчить участь сына. Сыновья Львовы были всѣ на хорошей служебной дорогѣ; старшіе два, Евгенийъ и Дмитрій, были еще молодыми полковниками и флигель-адъютантами императора Александра II. Третій, Андрей, лихой молодой офицеръ конногвардейскаго полка, а Василій 23-хъ лѣтъ камеръ-юнкеръ; но участь ихъ была печальна, и вся семья, переѣхавъ въ Петербургъ въ концѣ 60-тыхъ годовъ, какъ-то разстроилась. Всѣ четыре сына умерли молодыми. Младшій, князь Василій, ѣздилъ съ сенаторомъ Клушинымъ на знаменитую Пермскую его ревизію, простудилъ голову и также кончилъ рановременно, какъ братья его Евгенийъ и Дмитрій. Князь Андрей умеръ, могу сказать, у меня на рукахъ именно въ эту зиму, когда я жилъ у его брата Евгения въ Петербургѣ, въ Декабрѣ 1871 года, хлопоча о желѣзной нашей дорогѣ. Смерть князя Андрея Львова вызвала много комментаріевъ и пересудовъ. Въ это время въ конно-гвардейскомъ полку было страшное возбужденіе по поводу разныхъ неблагопріятныхъ слуховъ касательно полка, будто идетъ въ немъ сильная картежная игра, чего въ сущности не было. Зная почти всѣхъ офицеровъ полка, я постоянно бывалъ въ конно-гвардейскихъ казармахъ и чаще всего у князя Андрея Львова. Первымъ послѣдствіемъ возбужденія была дуэль конногвардейца Кобелева съ Преображенскимъ офицеромъ Булычевымъ, и молодой Кобелевъ былъ убитъ наповалъ. Предстояло еще нѣсколько дуэлей, такъ какъ офицеры коннаго полка, желая возстановить полковую честь, которую они считали затронутою, дѣлали одинъ вызовъ за другимъ, даже не военнымъ, коль скоро считали ихъ, хотя бы отчасти, виновниками распущенныхъ неблагопріятныхъ для полка слуховъ. Такъ одинъ молодой конногвардейскій офицеръ, родственникъ ми-

нистра народнаго просвѣщенія графа Толстого, вызвалъ его на дуэль, считая его разговоръ недовольно почтительнымъ въ отношеніи полка, и графу съ трудомъ удалось успокоить юношу и увѣрить его, что онъ гр. Толстой наилучшаго мнѣнія о конногвардейцахъ. Личное вмѣшательство императора Александра II положило конецъ всему этому дѣлу о дуэляхъ.

Въ самый разгаръ этихъ столкновеній князь Андрей Львовъ занемогъ тифомъ въ очень тяжелой формѣ его, заразившись въ избѣ лѣсника, у коего ночевалъ послѣ охоты близъ Петербурга (семья лѣсника была больна тифомъ). Болѣзнь быстро и страшно развилась, сдѣлался перитонитъ и сильное кровотеченіе. Братъ больного князя Евгеній Львовъ и я ходили за нимъ поочереды. Многіе посѣщали больного или пріѣзжали узнавать о его здоровьѣ и при видѣ окровавленныхъ бинтовъ, которые мы выносили и мѣняли, приходили къ заключенію, что и князь Андрей вѣроятно стрѣлялся и раненъ. Но мнѣ, ходившему за больнымъ въ теченіе недѣли, постоянно видѣвшему его раздѣтаго, вполне извѣстно, что онъ не былъ раненъ, а умиралъ отъ тифа, какъ опредѣлилъ тогда же лѣчившій его С. П. Боткинъ, съ которымъ я тамъ и познакомился. Умеръ князь Андрей молодцомъ, въ сознаніи, что умираетъ, и просилъ все перенести его въ эскадронъ, коимъ онъ командовалъ, желая умереть среди любимыхъ имъ людей. Сдѣлать этого нельзя было, и умеръ онъ съ молитвою «Отче нашъ» на устахъ, которую ему подсказывали стоявшіе тутъ друзья, такъ какъ онъ отъ слабости не могъ почти говорить. Полкъ, и друзья сердечно жалѣли 26 ти - лѣтняго браваго офицера, безвременно умершаго.

Князь Евгеній Львовъ, женатый на З. Д. Бибиковой, былъ весьма острый и отчасти безоглядный человѣкъ, но въ обществѣ крайне пріятный. Живя у него или вѣрнѣе у моей двоюродной сестры, я много слышалъ интереснаго отъ жившаго въ томъ же домѣ старика дяди Д. Г. Бибикова, о коемъ уже неразъ упоминалъ я въ моихъ Запискахъ. Князь же Евгеній много рассказывалъ про императора Александра II и князя Василя Андреевича Долгорукаго. Последняго я, какъ человѣкъ свободнаго направленія 60-тыхъ годовъ, признаюсь, не переваривалъ, какъ шефа жандармовъ; но изъ рассказовъ князя Львова и другихъ личность кн. В. А. Долгорукаго выяснилась иначе и скорѣе мягкой и гуманною. На императора Александра II князь Василій Андреевичъ имѣлъ хорошее вліяніе, такъ что, когда на Императора находило сильное раздраженіе и онъ бывалъ крѣпко не въ духѣ, императрица Марія Александровна посылала за кн. Василіемъ Андреевичемъ, который являлся, своей мягкой поступью входилъ прямо въ кабинетъ Государя

и своимъ мягкимъ же голосомъ, но твердою рѣчью старика успокоивалъ молодого сравнительно съ нимъ Императора. Князь былъ скорѣе добрымъ и снисходительнымъ человѣкомъ и потому подавалъ поводъ ко многимъ анекдотамъ *незлобнаго характера*. Назначенный шефомъ жандармовъ и желая поднять это званіе, кн. Василій Андреевичъ на первый докладъ явился къ Александру II въ синемъ мундирѣ. Императоръ крайне удивился и спросилъ, какъ у него хватило храбрости надѣть синій мундиръ, столь недолюбливаемый въ обществѣ. Князь объяснилъ желаніемъ своимъ поднять жандармское званіе. «Я очень благодаренъ, сказалъ Государь, но не могъ не удивиться вашей храбрости».

Когда А. М. Унковскій съ Тверскими дворянами привезъ въ Петербургъ адресъ съ требованіемъ освобожденія крестьянъ, суда присяжныхъ и пр., его позвали къ князю В. А. Долгорукому, который принялъ его съ виду очень грозно и, не давъ сказать слова, началъ разносить, говоря, что Унковскій затѣялъ революцію и пр... Унковскій долго слушалъ и сказалъ лишь: «пожалуйста, просмотрите, князь, проектъ освобожденія». Долгорукій взялъ бумагу и прямо наткнулся на повинности крестьянъ — оброкъ. «Какъ оброкъ?», спросилъ онъ удивленно Унковскаго. — «Да конечно, мы проектируемъ семирублевый оброкъ съ души». Князь сразу перемѣнился. «Прекрасный проектъ, поспѣшилъ онъ сказать, у меня мужики платятъ только пять съ души!» И съ этой минуты онъ сдѣлался крайне любезенъ и пріятеленъ съ А. М. Унковскимъ. Послѣ Каракозовскаго выстрѣла кн. Долгорукій немедленно подалъ въ отставку, написавъ Государю письмо, что выстрѣлъ Каракозова лучшее доказательство негодности III-го Отдѣленія. Говорятъ, что въ письмѣ своемъ князь В. А. употребилъ фразу: «не вливайте вина новаго въ мѣхи старые», и указалъ на то, что, начавъ реформы, слѣдуетъ ихъ продолжать. Рассказывали еще, что послѣ Крымской кампаніи, во время которой кн. В. А. Долгорукій былъ военнымъ министромъ, онъ встрѣтился съ Наполеономъ въ Біарицѣ. Наполеонъ часто бесѣдовалъ съ кн. В. А., который ему довольно наивно рассказывалъ про нашу военную организацію времени кампаніи 1854—1855 г. Послѣ одного разговора Наполеонъ вскочилъ и, не утерпѣвъ, воскликнулъ: знай я это, я бы Сентъ-Арно повѣсилъ!!!

Про свою службу флигель-адъютантъ кн. Евгений Львовъ рассказывалъ много интересныхъ эпизодовъ. Нѣкоторые изъ нихъ сохранились у меня въ памяти. Въ началѣ 60-тыхъ годовъ, когда императоръ Александръ II гостилъ въ Москвѣ часть лѣта, съ нимъ пріѣхали три флигель-адъютанта: кн. Е. А. Львовъ, М. П. Тучковъ (сынъ тогдашняго генерала-губернатора П. А. Тучкова) и кн. А. В. Долгорукій (сынъ

князя Василя Андреевича). Но Тучковъ заболѣлъ, а молодой князь Александръ Васильевичъ, страстный охотникъ до Цыганъ, попавъ въ излюбленные Московскіе таборы, застрѣлъ въ нихъ такъ, что князь Евгенийъ Львовъ очутился на безсмѣнномъ дежурствѣ въ Нескучномъ, гдѣ находился дворъ. Посланный имъ фельдъегерь, съ приказаніемъ во что ни стало разыскать двоюроднаго его брата, нашелъ послѣдняго посреди поющего хора въ самомъ веселомъ настроеніи духа. На приглашеніе прибыть на дежурство, чтобы смѣнить кн. Евгенія онъ написалъ на оторванномъ кускѣ синей толстой сахарной бумаги по-французски: «rien» а фельдъегерю сказалъ «скажи, не могу». Усталому отъ нѣсколькихъ дней дежурствъ князю Евгенію пришлось продолжать оное, и на его бѣду Государь пожелалъ передъ вечеромъ ѣхать въ Коломенское пить чай. Немедленно посланъ были фургонъ съ людьми для приготовленія, а вслѣдъ за ними выѣхали въ двухъ коляскахъ Государь, императрица Марія Александровна, великая княжна Марія Александровна съ фрейлиною княжною Долгорукою (впослѣдствіи замужемъ за генераломъ адъют. Альбединскимъ) и дежурный флигель-адъютанта князь Евг. Ал. Львовъ. Въ Коломенскомъ въ этотъ день былъ храмовой праздникъ и масса простанородья, при чемъ много подгулявшихъ. Такъ какъ тогда все было еще очень просто, охранъ не существовало, и никто изъ полиціи не былъ предупрежденъ, то на лицо оказался одинъ становой приставъ. Не успѣлъ Государь выйти изъ коляски, чтобы направиться къ церкви, какъ несмѣтная толпа народа бросилась къ нему; задніе ряды тѣснили переднихъ на столько, что они не могли остановиться, Государь съ семьею очутился въ сплошной толпѣ; а княжицъ Долгорукой и князю Львову даже отдавили ноги. Великая княжна Марія Александровна, еще маленькая, испугалась и заплакала. Съ большими усиліями удалось становому и князю Львову пробить дорогу къ церкви, ибо народу слишкомъ хотѣлось видѣть поближе своего Освободителя. Когда Государь дошелъ до церкви, становой успѣлъ собрать нѣсколько сотскихъ и десятскихъ, образовать изъ нихъ двѣ шеренги, дабы отъ паперти дойти до экипажей, такъ какъ Государь прогнѣвался, и о чаепитіи не было уже рѣчи. Но выходя изъ церкви, Государь ждалъ нѣкоторое время, чтобы подали экипажи, онъ замѣтилъ юнкера Александровскаго училища, который въ этой суматохѣ забылъ приложиться. Государь окончательно разсердился и приказалъ князю Львову взять у юнкера его билетъ и отправить въ училище подъ арестъ. Послѣ чего всѣ направились обратно въ Нескучное. Дорогою, князь Львовъ сидѣлъ противъ Императрицы въ коляскѣ. Ея Величество сказала ему: «смотрите, на что вы похожи»: и улыбнулась. Тутъ только онъ замѣ-

тилъ, что часть пуговицъ его мундира, и аксельбанты оторваны; все это случилось, когда онъ сдерживалъ натискъ толпы и расталкивалъ ее, чтобы дать дорогу Царской семьѣ. Приѣхавъ въ Нескучное, Государь, крайне недовольный, послалъ его въ Москву прямо въ Александровское военное училище сообщить о проступкѣ юнкера и съ приказаніемъ оставить его на годъ въ классѣ. Оказался ученикъ выпускного класса, который черезъ нѣсколько дней долженъ былъ выйти, и при этомъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ. Начальство переполошилось, но въ тоже время объясняло князю Львову, что несомнѣнно юнкеръ просто растерялся и сдѣлалъ это не вслѣдствіе отсутствія дисциплины. Князь вернулся поздно въ Нескучное и конечно усталый. Его докладъ какъ будто еще больше прогнѣвилъ Государя, который выслушавъ отпустилъ его отдохнуть. Не успѣлъ онъ заснуть, какъ его вновь будятъ: въ Москвѣ пожаръ! Дѣлать нечего; сѣлъ онъ на дежурную тройку и поѣхалъ. Но близъ Серпуховскихъ воротъ, увидавъ, что зарево значительно уменьшалось, онъ велѣлъ повернуть обратно, полагая, что все кончилось благополучно. На утреннемъ рапортѣ князь доложилъ Государю, что ночью былъ пожаръ, кончившійся безъ особыхъ приключеній. Государь велѣлъ подать коляску и поѣхалъ вмѣстѣ со своимъ дежурнымъ флигель-адъютантомъ, съ тѣмъ же княземъ Львовымъ, въ Москву. При въѣздѣ въ столицу на Калужской ихъ встрѣтилъ генераль-губернаторъ Тучковъ. Коляска остановилась и, подавая обыкновенный рапортъ, Тучковъ добавилъ, что ночью былъ пожаръ и, къ сожалѣнію, пять пожарныхъ убиты и ранены. Государь строго посмотрѣлъ на князя Львова. «Это служба на Кавказѣ, должно быть, приучила тебя считать ни во чтѣ жизнь человеческую», сказалъ ему онъ. Проѣзжая близъ Александровскаго училища, князь Львовъ позволилъ себѣ напомнить объ юношѣ, который сидитъ подъ арестомъ. Государь только еще больше нахмурился. Ъдутъ дальше. Москва была уже довольно пуста. Государь закрылъ глаза и тихо проговорилъ: «Мнѣ покойный отецъ говорилъ, что когда его сердили, и онъ бывалъ не въ духѣ, то закрывалъ глаза, приказавъ сидящему съ нимъ сказать ему, когда встрѣтится что нибудь красивое, и тогда онъ открывалъ глаза, останавливалъ взглядъ на изящномъ предметѣ, и веселое расположеніе возвращалось. Попробую и я такъ.» Какъ на бѣду никто не встрѣчался, пока, наконецъ, черезъ нѣсколько улицъ, князю Львову удалось обратить вниманіе Государя на кого-то. Государь улыбнулся. Вернувшись въ Нескучное, Государь сказалъ князю Василию Андреевичу, чтобы тотъ передалъ племяннику своему Львову, что онъ имъ недоволенъ, такъ какъ онъ къ нему приставалъ съ прощеніемъ юнкера. Князь Василій Андреевичъ распекъ князя Львова; но юнкеръ былъ прощенъ, такъ какъ Императоръ отмѣнилъ свой строгій приказъ.

Князь Евг. Ал. Львовъ одно время состоялъ при кн. А. И. Барятинскомъ на Кавказѣ и, привезя однажды извѣстіе о побѣдѣ, былъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ. На Кавказѣ онъ получилъ золотое оружіе. Возвращаясь къ его рассказамъ, я вспомнилъ довольно смѣшной.

Когда, покоривъ Кавказъ и плѣнивъ Шамиля, князь Барятинскій вернулся въ Петербургъ триумфаторомъ, между прочими чествованіями, Англійскій клубъ давалъ обѣдъ новому фельдмаршалу. На этомъ обѣдѣ присутствовали между прочими князь Иванъ Грузинскій, въ сущности царевичъ Грузинскій, потомокъ владѣтельныхъ князей Кавказа, извѣстный всему Петербургу бонъ-виванъ, веселый членъ Яхтъ-клуба, подъ именемъ *Царь-Иванъ*. Во время обѣда много было тостовъ и рѣчей, и вотъ сталъ говорить что-то въ родѣ похвального слова князю Барятинскому извѣстный Н. И. Гречъ: и скучно и длинно! Его вдругъ перебиваетъ Царь-Иванъ и начинаетъ очень горячо, обращаясь къ кн. Барятинскому, говорить, что послѣдній побѣдилъ ихъ не силою Русскаго оружія, а собственно обаяніемъ своей личности, умомъ, великодушіемъ и правдою, и что въ силу всего этого къ нему князья и народности Кавказскія привязались... Неожиданно устранившийся Гречъ, крайне недовольный, въ свою очередь перебиваетъ князя Грузинскаго: «да позвольте же мнѣ кончить»; но Царь-Иванъ его устраняетъ повелительнымъ жестомъ руки и на всю залу громко говоритъ: «тс...сь.., когда орлы говорятъ, чтобъ пчелы не жужжали!» При этомъ Царь-Иванъ выпрямился во весь ростъ и договорилъ свое привѣтствіе фельдмаршалу, окончательно сконфузивъ бѣднаго Греча. Сцена, говорятъ, была очень эффектна; особенно, если вспомнить оригинальную отчасти и театральную наружность князя Ивана Грузинскаго: его высокій лобъ, орлиный носъ и клинообразную бороду съ претензіей на испаньолку Наполеона III, и проч.

Князь Евгенийъ Львовъ держалъ открытый, блестящій домъ въ Петербургѣ, гдѣ гостепріимная хозяйка, жена его, княгиня Зоя Дмитриевна (нынѣ графиня Кассини), принимала весь Петербургскій beau-monde.

Мы иногда бывали съ княземъ Евгениемъ вмѣстѣ у Путилова, гдѣ князь вступалъ въ горячіе споры съ М. Г. Черняевымъ, нападавшимъ на военную систему Милютина, князь же Львовъ, напротивъ, защищалъ ее. Онъ находился подъ обаяніемъ Милютина, при которомъ служилъ еще на Кавказѣ, гдѣ Д. А. Милютинъ былъ начальникомъ штаба у князя Барятинскаго, а А. И. Львовъ адъютантомъ сего послѣдняго.

VII.

Чѣмъ долѣе длились хлопоты по проведенію нашей желѣзной дороги, тѣмъ болѣе выяснялось, что Русской партіи и Путилову не получить концессіи на постройку нашей линіи, которая, измѣненная, искорверканная, получила наконецъ санкцію Министрства Финансовъ подъ именемъ Ряжско-Вяземской съ вѣтвью на Елецъ. Теперь назрѣвалъ уже вопросъ, кому строить ее? Къ Путилову М. Х. Рейтеръ положительно не благоволилъ, такъ что ему пришлось самому отказаться отъ желанія быть концессіонеромъ нашей линіи, и надо было приступить къ составленію другой компаніи. Сильныхъ, кромѣ Евреевъ, не было въ виду; къ тому же министръ финансовъ особенно благоволилъ къ нимъ, такъ какъ реализацію капиталовъ Евреи дѣлали удачнѣе и умнѣ нашихъ Русскихъ предпринимателей: акціи и облигаціи, реализованныя Евреями, рѣдко являлись на рынкѣ, не бывали въ предложеніи, тогда какъ реализованныя слабыми компаніями то и дѣло наводняли биржу. Конечно Еврейскія компаніи имѣли за собою всемірныхъ банкировъ, какъ Ротшильдовъ, Зульцбаха, Блейхредера, т. е. такихъ людей, кои годами могли держать въ своихъ портфеляхъ ту или другую бумагу, выжидая ея повышенія. Акціи желѣзно-дорожныя считались на столько выгодными (какъ и самое дѣло концессіи жел. дорогъ), что Еврейскими компаніями заявлялась иногда цѣна до нельзя дешевая на постройку дороги. Такъ А. М. Варшавскій, чтобы заручиться во первыхъ постройкою въ будущемъ, и во вторыхъ получить концессію Ряжско-Скопинскую, заявилъ небывало-дешевую цѣну, а именно около 35.000 рублей верста, такъ что явился вопросъ, выдержитъ ли предприниматель столь дешевую цѣну. Но А. М. Варшавскій объяснилъ, что онъ могъ взять такую дешевую цѣну въ виду помѣщенія Ряжско-Скопинскихъ акцій по 135 рублей вмѣсто ста. И дѣйствительно, извѣстный банкирскій домъ Зульцбаха во Франкфуртѣ реализовалъ акціи Ряжско-Скопинской ж. д. въ цѣну 135 р. за сто. Но тѣмъ А. М. Варшавскій обезпечилъ себѣ концессію на продолженіе постройки той дороги до Вязмы съ вѣтвью на Елецъ, что было сдѣлано вскорѣ; то есть, когда онъ получилъ концессію на 40 верстъ, ему же дано было продолжать ее въ 600 верстъ. Но надо отдать ему справедливость рѣдко можно было встрѣтить людей болѣе деликатныхъ какъ А. М. Варшавскій и его компаніонъ А. І. Горвицъ. Зная, сколько я понесъ трудовъ, хлопотъ и расходовъ въ дѣлѣ проведенія проекта, они пригласили къ участію въ постройкѣ меня, (какъ представителя мѣстныхъ интересовъ, т. е. предложили взять на себя часть этой постройки не какъ мы просили ее, т. е. Воронежско-Тульской, а уже Ряжско-Вяземской съ вѣтвью на Елецъ).

Время быстро текло съ моими желѣзнодорожными хлопотами въ Пе-

тербургѣ. Мои отлучки изъ уѣзда становились все чаще и чаще. Надо было иногда, не кончивъ дѣла въ Петербургѣ, ѣхать на сѣздъ по какому-нибудь экстренному дѣлу, ѣхать съ лишнимъ сто верстъ по ухабистой дорогѣ и затѣмъ усталому председательствовать. А иногда, наоборотъ, не кончивъ дѣла въ Ефремовѣ, я спѣшилъ въ Петербургъ. Все это становилось тягостно и, не смотря на горячее сочувствіе, мнѣ высказанное, не только на словахъ, но и въ адресѣ Ефремовскихъ дворянъ, я рѣшился оставить Ефремовское предводительство. Въ это время въ сосѣднемъ Епифанскомъ уѣздѣ, гдѣ я провелъ большую часть моего дѣтства и молодости, двѣ партіи (а именно: одна консервативная, имѣвшая во главѣ графа В. А. Бобринскаго и М. А. Римско - Корсакова, другая либеральная, насчитывавшая всѣ молодыя силы уѣзда, П. Ѳ. Самарина, Раевскихъ, Сафонова, Ладыженскаго и др.) никакъ не могли прийти къ соглашенію на счетъ выборныхъ мѣстъ въ уѣздѣ, и всѣ лица свободомыслящія въ уѣздѣ были забалотированы не только въ мировые судьи, но и въ гласные. Такъ какъ я былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ обѣими партіями, то на мнѣ, можно сказать, онѣ помирились, и на Тульскихъ выборахъ въ Декабрѣ 1870 года меня выбрали въ Епифанскомъ уѣздѣ въ предводители всѣми бѣлыми шарами. Признаюсь, мнѣ было довольно тяжело разставаться съ Ефремовскимъ уѣздомъ, гдѣ у меня установились весьма добрыя и твердыя отношенія не только съ дворянствомъ, но и съ земствомъ, которое меня и послѣ ухода моего постоянно избирало своимъ гласнымъ; и хотя я послѣ этого еще три трехлѣтія, т. е. почти десять лѣтъ, служилъ предводителемъ въ Епифанскомъ уѣздѣ, но я не разъ жалѣлъ, что оставилъ Ефремовскій, гдѣ началъ службу и гдѣ могъ ее продолжать. Но, какъ я уже сказалъ, дальнія поѣздки меня затрудняли, а Епифанъ была подъ рукою, и въ уѣздѣ этомъ было много у меня родныхъ и пріятелей. Передъ самыми выборами я получилъ очень лестное и убѣдительное письмо отъ П. Ѳ. Самарина, положившее конецъ моимъ колебаніямъ, и я балотировался въ Епифанскіе предводители.

Выборы 1870 г. прошли быстро и весело. Мнѣ хотѣлось, уходя изъ Ефремова, что-нибудь сдѣлать еще для бѣдныхъ, и я упросилъ своего пріятеля Н. Г. Рубинштейна дать концертъ въ Тулѣ въ пользу ихъ. Онъ охотно согласился и пробылъ почти весь день въ Тулѣ. Къ тому же случайно съѣхался онъ въ Тулѣ со знаменитымъ скрипачемъ Лаубомъ, который въ свою очередь, уже изъ дружбы къ Рубинштейну, принявъ участіе въ концертѣ, мною задуманномъ. Концертъ вышелъ блестящій. Оба виртуоза были въ ударѣ; они какъ будто забыли о программѣ и играли подъ какимъ-то вдохновеніемъ, когда биткомъ набитая зала собранія (по случаю выборовъ) требовала повторенія какой либо

пъесы. Тульская зала дворянскаго собранія, вообще изящная, очень хороша въ акустическомъ отношеніи (по крайней мѣрѣ Рубинштейнъ это говорилъ), и концертъ этотъ произвелъ на всѣхъ слушателей чарующее впечатлѣніе. Слышавши на моемъ вѣку много разъ и братьевъ Рубинштейновъ, и другихъ первокласныхъ піанистовъ, смѣло могу сказать, что въ этотъ вечеръ игра Н. Г. Рубинштейна была выдающаяся, а старикъ Лаубъ своимъ сильнымъ смычкомъ очаровалъ многихъ стариковъ нашихъ, любителей скрипки. Рубинштейнъ игралъ съ рѣдкимъ увлеченіемъ; онъ придавалъ такую пѣвучесть своему инструменту, что невольно слушавшіе спрашивали: «неужели это фортепіано?» А слушала его не одна Тульская губернія, такъ какъ съѣхалось много лицъ и постороннихъ. Вечеромъ того дня у меня, вновь избраннаго предводителя, ужинали Епифанскіе дворяне вмѣстѣ съ Рубинштейномъ, который былъ какъ-то особенно хорошо настроенъ. Пока Рубинштейнъ у меня былъ въ домѣ, пришелъ почтовый чиновникъ, который привелъ дочь свою и просилъ Рубинштейна послушать игру ея и рѣшить, общается ли она *что* въ будущемъ? Рубинштейнъ сейчасъ же согласился и посадилъ дрожавшую, сконфуженную дѣвочку за мое фортепіано. Испуганная дѣвочка вѣроятно очень плохо себя чувствовала въ присутствіи великаго маэстро, ибо ея пальцы путались и не извлекали никакихъ особенно пріятныхъ звуковъ изъ инструмента. Но Рубинштейнъ конечно принялъ это во вниманіе, ободрилъ отца и дочь, а послѣднюю, по соглашенію со мною, принялъ въ Московскую Консерваторію, и изъ нея вышла прекрасная піанистка. Года три тому назадъ я какъ-то получилъ билетъ на концертъ піанистки мнѣ совершенно неизвѣстной. Я поморщился, но поѣхалъ и къ удивленію своему узналъ, что это та самая, когда-то робкая дѣвочка, которую у меня въ домѣ Рубинштейнъ опредѣлилъ въ Консерваторію, которая теперь уже замужемъ и носить другую фамилію, вслѣдствіе чего я и не узналъ ея. Не узналъ я и игры ея: я слышалъ прекрасную піанистку, достойную вполне своего славнаго учителя. Прошло много лѣтъ. Я какъ-то на станціи Московско-Курской желѣзной дороги въ Москвѣ встрѣтилъ Н. Г. Рубинштейна (онъ ѣхалъ въ Тулу, давать концертъ съ благотворительною для Туляковъ опять-таки цѣлію). Мы вмѣстѣ сѣли въ купе вагона и пріятельски бесѣдовали. Рубинштейнъ всю дорогу до Тулы лежалъ и жаловался на боль въ ногѣ; вообще ему не здоровилось. Съ поѣзда, приходившаго въ Тулу около 6 часовъ, онъ поѣхалъ въ Собраніе. Концертъ конечно былъ хорошъ; но Николай Григорьевичъ что-то хмурился, на немъ былъ отпечатокъ грусти. Онъ вспоминалъ прошлое и говорилъ: «А помнишь ли, какъ мы погуливали, ночи темныя просиживали?» Вернувшись въ

Москву, онъ почувствовалъ себя еще хуже, занемогъ, его увезли изъ Москвы, и больше мы его не слышали. Вскорѣ привезли въ Москву останки его въ гробу... Если не ошибаюсь, послѣдній концертъ, послѣдняя игра его въ Россіи была въ Тулѣ. У него по возвращенію въ Москву еще хуже разболѣлась нога, и онъ боялся подойти къ фортепіано.

Я встрѣченъ былъ въ Епифанскомъ уѣздѣ, какъ Французы говорятъ, à bras ouverts. Городъ избралъ меня въ почетные граждане. Казалось, что тамъ и служба, и отношенія должны были быть легче и пріятнѣе, чѣмъ гдѣ либо.. Я по крайней мѣрѣ въ этомъ былъ убѣжденъ, и сперва въ самомъ дѣлѣ было похоже на то, что миръ и согласіе водворились въ нашемъ уѣздѣ. Не надо забывать, что послѣ сильно-либеральнаго теченія всегда бываетъ реакція. Это стало замѣтно и въ Тульской губерніи, на что обратилъ вниманіе и князь В. А. Черкасскій, такъ какъ всѣ дѣятели по крестьянскому вопросу были устранены на землевладѣльческихъ выборахъ отъ участія въ земствѣ. Въ одномъ письмѣ своемъ къ *** князь Черкасскій, описывая неудачу свою и своихъ единомышленниковъ въ Веневѣ въ 1871 году, говоритъ, что во всѣхъ уѣздахъ, за исключеніемъ *Епифанскаго*, это явленіе повторялось, т. е. прогрессивнаго направленія людей устраняли на землевладѣльческихъ выборахъ. Князь Черкасскій попалъ въ гласные уже при перебалотировкѣ у крестьянъ. Мнѣ же удалось въ Епифанскомъ уѣздѣ провести *многихъ* прогрессистовъ именно благодаря тому, что на мнѣ сошлись обѣ крайнія партіи. Да, я впоследствии очень и очень жалѣлъ, что промѣнялъ службу одного уѣзда на службу другому. Прошли года, измѣнились отношенія, измѣнило и счастье. Все что помогаетъ, способствуетъ удачѣ—это счастье. Нѣтъ его, такъ будь хоть семи пядей во лбу—ничего не добьешься. Въ общественномъ дѣлѣ не важенъ личный успѣхъ, а важенъ общественный, чтобы дѣло задуманное спорилось. Выдающееся положеніе въ уѣздѣ занималъ крупный землевладѣлецъ, помѣщикъ П. Θ. Самаринъ, братъ извѣстнаго Ю. Θ. Самарина, не уступавшій ему въ умѣ и способностяхъ. Вокругъ него въ то время группировались лучшіе люди губерніи, и какъ князю В. А. Черкасскому, такъ и намъ, молодымъ людямъ хотѣлось видѣть его Тульскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Но В. П. Мининъ и его партія были еще очень сильны, такъ что надо было надолго отложить эти помыслы.

Бывать у Петра Ѳедоровича Самарина въ его Молоденькахъ было очень пріятно; особенно лѣтомъ, 29 Іюня, въ день его именинъ, собирались къ нему со всѣхъ концовъ, и молодые охотники устраивали Англійскія, охотничьи и народныя скачки. Сѣзжались братья Самарины, князья Черкасскіе, часто бывалъ и графъ Л. Н. Толстой. Но съ

годами все измѣнилось: и отношенія, и дружба, все нашло себѣ предѣлъ, конецъ. Небольшое охотничье общество, называвшееся даже «Молоденскимъ», также распалось, и члены его или вымерли или еле знакомы другъ-другу; а время то было куда какъ хорошо! Мнѣ памятно доселѣ охоты и отъѣзжія поля, въ которыхъ мнѣ приходилось быть въ обществѣ Л. Н. Толстого, П. О. Самарина, Раевскихъ и другихъ. Охоты эти не напоминали прежняго разгула, который бывалъ неминувшимъ спутникомъ охоты дореформеннаго барина; напротивъ. Я не забуду никогда тѣхъ веселыхъ, остроумныхъ бесѣдъ, которыхъ я бывалъ свидѣтелемъ не разъ послѣ удачной охоты между Л. Н. Толстымъ, Самаринымъ, Раевскими, Ладыженскимъ и Черкасскими (когда мы заѣзжали въ Веневскій уѣздъ). Л. Н. Толстой еще не былъ тогда тѣмъ философомъ, какимъ теперь; это былъ веселый, увлекающійся охотникъ и рѣдкій собесѣдникъ. Его споры съ Самаринымъ иногда длились за полночь и бывали крайне интересны. Я досажую на себя, что я многого не записалъ; ибо бесѣды эти, конечно, представляли бы болѣе интереса, чѣмъ многое, что мы читаемъ теперь.

Однажды Л. Н. Толстой опоздалъ на сборный пунктъ охоты, который былъ у меня въ Шаховскомъ (имѣніи моемъ въ 35 в. отъ Ясной Поляны) и пріѣхалъ крайне разстроенный: оказалось, что судебный слѣдователь въ это утро допрашивалъ его въ качествѣ обвиняемаго за неосторожное держаніе скота, такъ какъ его быкъ забодалъ пастуха, и слѣдователь обязалъ Толстаго невыѣздомъ изъ Ясной Поляны, т. е. отчасти лишилъ его свободы. Какъ человѣкъ горячій, Левъ Николаевичъ былъ крайне возмущенъ дѣйствіями слѣдователя, который всего нѣскольکو дней передъ этимъ найденное мертвое тѣло какого-то неизвѣстнаго отвезъ въ ближайшую усадьбу какой-то помѣщицы и сталъ мертвого вскрывать у нея на терасѣ. Левъ Николаевичъ никакъ не могъ успокоиться, ибо считалъ себя страшно стѣсненнымъ подпискою, которую съ него требовали, о невыѣздѣ. «Одного Ясно-Полянскаго крестьянина полтора года слѣдователь продержалъ въ острогѣ по подозрѣнію въ кражѣ коровы, а послѣ оказалось, что укралъ не онъ», рассказывалъ Л. Н. Такъ и меня продержатъ теперь годъ! Это бессмысленно, это поляѣйшій произволъ этихъ господъ. Я все продамъ въ Россіи и уѣду въ Англію, гдѣ есть уваженіе къ личности всякаго человѣка; а у насъ всякій становой, если ему не кланяются въ ноги, можетъ сдѣлать величайшую пакость». По поводу становаго я вспомнилъ анекдотъ императора Николая Павловича съ графомъ А. О. Орловымъ. Какъ-то дорогою, во время путешествія, императоръ Николай расшутился и спросилъ: «А что, Орловъ, ты боишься меня?»—Ничуть, отвѣчалъ гр. Орловъ; зачѣмъ мнѣ Васъ бояться?—«Кого же ты боишься въ Россіи?»—Да одного становаго пристава.—«Какъ!» удивился Императоръ

Конечно, ибо нѣтъ пакости, которую становой не былъ бы способенъ сдѣлать.—Императоръ разсмѣялся. Скажемъ не въ обиду господъ становыхъ, что это было въ дореформенное время. Самаринъ живо возражалъ Леву Николаевичу, доказывая, что не только смерть человѣка, но и увѣче, ему причиненное, настолько серьезный фактъ самъ по себѣ, что не можетъ остаться не обслѣдованнымъ со стороны судебныхъ властей, какъ въ данномъ случаѣ. Спорили долго и, кажется, Самаринъ переубѣдилъ Толстаго, который, ложась спать, мнѣ сказалъ: «Удивительная способность П. Θ. Самарина успокаивать людей». Но утромъ Л. Н. Толстаго опять разсердили. Пріѣхалъ за нимъ нарочный отъ жены. Онъ забылъ, что былъ назначенъ присяжнымъ засѣдателемъ въ Крапивнѣ, гдѣ за неявку его оштрафовали. «Какая пелѣпица: съ одной стороны обязываютъ невыѣздомъ изъ имѣнія, а съ другой стороны штрафуютъ за непріѣздъ въ тоже время!»

Я видѣлъ гр. Л. Н. Толстаго во всѣхъ фазисахъ его дѣятельности и творчества и никогда не прощу себѣ, что не записывалъ бесѣдъ съ нимъ и бесѣдъ, бывшихъ въ моемъ присутствіи. Много поучительнаго вынесъ я. Чѣмъ бы ни увлекался гр. Левъ Николаевичъ, все дѣлалъ онъ съ убѣжденіемъ, твердо вѣруя въ то, что дѣлаетъ, а увлекался онъ всегда *во всю*. Я помню графа Л. Н. свѣтскимъ человѣкомъ, видалъ его на балахъ, и помню какъ-то его замѣчаніе: «посмотрите, сколько поэзіи въ бальномъ туалетѣ женщины, сколько изящества, сколько мысли, сколько прелести, хотя бы въ приколотыхъ къ платью цвѣтахъ». Я помню его страстнымъ охотникомъ, пчеловодомъ и садоводомъ; помню его увлеченія сельскимъ хозяйствомъ, сажающаго лѣса и плодовые сады, занятаго коневодствомъ и многимъ другимъ. Мое сближеніе съ нимъ началось еще во время моего студенчества, когда онъ писалъ «Войну и Миръ». Мои дѣды были участниками Наполеоновскихъ войнъ, и я многіе рассказы той эпохи, слышанные отъ нихъ, сообщалъ Толстому. Я былъ очень польщенъ, когда, окончивъ первую часть «1805 годъ», Левъ Николаевичъ позвалъ меня съ молодою моею женою слушать его чтеніе. Еще былъ приглашенъ къ слушанію старикъ генералъ Перфильевъ, который помнилъ ту эпоху. Читалъ Л. Н. Толстой просто, но удивительно хорошо. Разъ только въ послѣдствіи слышалъ я его читающаго стихи. Это было послѣ охоты у меня. Говорили о поэзіи, и Л. Н. сталъ читать намъ Еврейскія пѣсни *Моя*. Читалъ онъ очень вдохновенно и увлекательно. Чѣмъ только ни увлекался онъ! Близъ Ясной Поляны въ лагерѣ войскъ, квартировавшихъ въ Тулѣ, пьяный солдатъ ударилъ офицера и судился военно-полевымъ судомъ. Л. Н. Толстой на судѣ защищалъ его со всѣмъ прирожденнымъ ему талантомъ. Но развѣ уговоришь или переубѣдишь коронный судъ,

особенно военный? Графъ Толстой доказывалъ невмѣняемость солдата, ударившаго офицера въ пьяномъ видѣ. Но военный кодексъ еще строже наказуетъ проступокъ или преступленіе, совершенное въ пьяномъ видѣ, и солдата разстрѣляли. Графъ Левъ Николаевичъ былъ страшно взволнованъ.

Вспоминаю другаго героя, М. Д. Скобелева. Мнѣ часто приходилось съ нимъ завтракать въ ресторанѣ у Бореля, гдѣ онъ обыкновенно бывалъ, прїѣзжая въ Петербургъ. Я его засталъ однажды страшно разсерженнаго, еле переводившаго духъ. Что съ вами? спросилъ я, садясь за столъ къ нему. «Да отъ судебного слѣдователя! Какой-то денщикъ попался въ воровствѣ и указалъ, на меня, что я его знаю, что онъ у меня будто служилъ. Такъ вотъ меня вызвали свидѣтелемъ, и судебный слѣдователь меня допрашивалъ, да такъ допрашивалъ, ужъ какъ будто я совершилъ кражу, все время (иронически черезъ три слова называя меня ваше превосходительство). Вывелъ онъ меня изъ терпѣнія; была минута, что я чуть не разошелся и не далъ ему въ ухо. Теперь конечно радъ, что удержался. Милый человѣкъ, душка! прибавилъ Михаилъ Дмитріевичъ свое любимое выраженіе. Просто возмутительно! Ужъ такъ они обидно умѣютъ это дѣлать! Невыносимо!»

Кк. Д. О.

НАБРОСКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ КНЯЗЯ Д. Д. ОБОЛЕНСКАГО.

VIII *).

Посѣщая часто Петербургъ и нашъ уѣздъ, т. е. мѣсто моего предводительскаго служенія, я въ сущности продолжалъ оставаться Москвичемъ, такъ какъ въ Москвѣ издавна была у меня квартира, гдѣ я и доселѣ живу и гдѣ тогда жила моя семья зимою. Наше общество тогда еще, въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ, было блестящее. Кромѣ того, въ Москвѣ у насъ было много родни. Хотя мнѣ рѣдко удавалось подолгу жить съ семьей во время хлопотъ моихъ по желѣзнодорожнымъ дѣламъ въ Петербургѣ и по службѣ въ уѣздѣ, однако мы не прерывали сношеній съ Московскимъ обществомъ, съ нашими друзьями и съ тѣмъ кругомъ людей, во главѣ которыхъ, можно сказать, находился князь В. А. Черкасскій. Кругъ этихъ лицъ слишкомъ извѣстенъ, чтобы мнѣ о немъ говорить. Кромѣ ихъ на балахъ и вечерахъ, да и на официальныхъ пріемахъ мы встрѣчали много занятныхъ лицъ. Такъ въ концѣ 60-хъ годовъ Москву часто посѣщалъ въ то время извѣстный литераторъ графъ В. А. Соллогубъ, авторъ «Тарантаса». Онъ какъ-то умѣлъ шевелить и развеселять общество, т. е. я говорю про дворянскую Москву, про дворянскія семейства, жившія въ Москвѣ, но какъ будто затѣнившіяся послѣ уничтоженія крѣпостнаго права. Графъ Соллогубъ былъ неоцѣненный гость въ любой гостиной; остроумный и веселый, онъ являлся невзначай читать какую-либо новую свою пьесу, или стихотвореніе, или рассказъ; онъ внезапно устраивалъ театръ, чтобы сыграть эту пьесу, или литературный вечеръ, чтобы прочесть свое стихотвореніе, затѣмъ и костюмированный балъ въ собраніи или маскарадъ въ театрѣ, хотя бы Секретарева (на Кисловкѣ): однимъ словомъ, гдѣ онъ ни являлся, онъ одушевлялъ общество, толкалъ его на всякаго рода увеселенія, которымъ умѣлъ придать мысль, изящество, художественность. Остроуміе его было неисчерпаемо, и я много пріятныхъ, веселыхъ часовъ провелъ въ его

*) См. выше, стр. 42.

обществѣ въ тѣ зимы, когда графъ Соллогубъ былъ въ Москвѣ. Но бѣда была попасть ему на языкъ: вотъ ужъ, можно сказать «для красиваго словца, не жалѣлъ и родного отца!» Какъ-то одна высокопоставленная особа, принимая обѣдъ или банкетъ, устроенный въ ея честь, выразилась принимавшимъ ее лицамъ: «благодарю, не ожидалъ!» И вотъ это «благодарю, не ожидалъ» было подхвачено и сдѣлалось для графа Соллогуба неисчерпаемою темою его колкихъ четверостишій.

Когда прїѣзжалъ въ Москву князь Черноморскій, графъ Соллогубъ замѣтилъ, что, на вечерѣ у князя В. А. Долгорукова, онъ разговаривалъ съ смуглянкой П. М. Голыцкой, у которой передняя часть груди была необыкновенно развита.

Нашъ гость съ Славянскаго поморья
Голыцкой съ нѣжностью сказалъ:
Я вижу горы Черногорья!!
Благодарю, не ожидалъ!..

Когда И. С. Фонъ-Визинъ былъ назначенъ въ Москву губернаторомъ, Соллогубъ, считавшій его человѣкомъ недалекимъ, не преминулъ сказать:

Фонъ-Визинъ, древній литераторъ,
Въ раю прішельцевъ вопрошалъ:
«Неужто впукъ мой губернаторъ?»...
Благодарю, не ожидалъ!

Не долюбивая сильно театральные порядки, а того болѣе все-сильнаго тогда барона Кистера, Соллогубъ про него и про другихъ вліятельныхъ лицъ театральнаго міра того времени пускалъ злые четверостишія.

Кистеръ, чуть не изъ лакеевъ,
Нынѣ волею боговъ,
Придворныхъ вѣдомствъ Аракчеевъ,
Русской сцены Пугачевъ.

Или вотъ еще:

Театрамъ нашимъ нѣтъ законовъ:
Тамъ вѣчно будутъ тверже скалы
И Адлербергъ, и Геденовъ!..
Благодарю, не ожидалъ!..

Но я имѣю особенно заступиться за графа Адлерберга, ибо ни при комъ, какъ при немъ блистала Русская да и Французская сцена крупными, выдающимися талантами. Я, какъ человѣкъ глубоко преданный памяти графа А. В. Адлерберга, еще буду имѣть случай впереди говорить объ этой свѣтлой и достопамятной личности царствованія императора Александра II-го.

Какъ-то въ Самарѣ на пристани графъ Соллогубъ сидѣлъ недовольный рѣшеніемъ Самарскаго съѣзда по какому-то дѣлу въ его имѣніяхъ; пріѣхавшія на пароходъ знакомыя ему барыни пристали къ нему, чтобы онъ на память имъ что-нибудь сочинилъ. Соллогубъ, обращаясь болѣе къ губернатору, чѣмъ къ нимъ, сказалъ:

Въ столицѣ здѣшняго уѣзда
Нигдѣ я правды не найду,
Отъ міроваго жъ съѣзда
Я съ миромъ по міру пойду.

Вообще въ то время были въ модѣ легкіе, колкіе стихи. Мастеръ такихъ стиховъ, Соболевскій относился къ графу Соллогубу слегка и насмѣшливо. Графъ Соллогубъ занялся тогда тюремнымъ вопросомъ, и Соболевскій въ подражаніе ему импровизировалъ:

Вчера я видѣлъ Соллогуба.
Какъ онъ солидно разсуждалъ,
И какъ ведетъ себя—ну любо!
Благодарю, не ожидалъ!

Личность С. А. Соболевскаго, извѣстнаго друга А. С. Пушкина, настолько знакома и въ Московскомъ обществѣ, и въ литературныхъ кругахъ, что мнѣ объ немъ говорить не приходится. Чаше всего я встрѣчался съ нимъ въ Англійскомъ клубѣ, въ извѣстной «Чернокнижной», въ которой засѣдали Московскіе мудрецы. Да и попалъ я въ члены Англійскаго клуба совсѣмъ молодымъ по предложенію того же Соболевскаго. Въ былые годы это было трудно, и многіе члены вносили въ кандидаты клуба малолѣтнихъ дѣтей своихъ, чтобы попасть на ваканцію со временемъ, т. е. черезъ десять-пятнадцать лѣтъ. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ. Водить знакомство съ Соболевскимъ было весьма пріятно: у него всегда былъ острый и занимательный разговоръ, да и рѣшимою владѣлъ онъ свободно и кстати. Какъ-то вся Москва собралась поздравлять съ пятидесятилѣтнимъ юбилеемъ нѣкоего попечителя одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній, человѣка добраго, но далеко не даровитаго. Уважали его больше за его извѣстное хлѣбосольство, коимъ пользовалась вся Москва, такъ какъ домъ его былъ открытъ «для званныхъ и незванныхъ, а особенно для иностранныхъ». Послѣдніе дѣйствительно приходили въ изумленіе. Когда, по случаю царскаго пріѣзда, упомянутый юбиляръ позвалъ къ себѣ на балъ до 800 человѣкъ гостей, во время коего угостилъ всѣхъ великолѣпнымъ ужиномъ, сервированнымъ на спосѣмъ серебръ и золотъ, Соболевскій на юбилей не поѣхалъ, но не пресмыкнулъ сказать:

Сегодня праздникъ-юбилей,
 Ради того, что баринъ нѣкій
 Былъ великій дуралей
 Цѣлыхъ пять десятилѣтій.

Послѣ Соболевскаго осталась прекрасная и огромная библіотека, участь которой мнѣ неизвѣстна; онъ былъ знаменитый библіофилъ, и я у него видалъ рѣдчайшіе экземпляры книгъ *). Умѣніе бесѣдовать и вести изящные разговоры было особенно присуще людямъ сороковыхъ годовъ. Чтобы составить пріятную застольную бесѣду въ мое время, надо было приглашать, хотя бы къ обѣду или на вечеръ, людей много старше себя: иначе бесѣда какъ-то не вязалась. Люди 60-хъ годовъ слишкомъ были заняты настоящимъ, переживаемымъ моментомъ, бурями, которыя порождались реформами, чтобы обращать особое вниманіе на все, что касалось внѣшности, даже до способа изложенія своей мысли, разговора, что составляло особенность людей 40-хъ годовъ. Кромѣ большой начитанности и знаній они были люди формы и, хотя до извѣстной степени мелочные, но блистали внѣшностью, доводимой до художественности. Люди 60-хъ годовъ были люди дѣла, работы и въ сравненіи съ тѣми казались конечно грубыми; особенно таковыми бывали они въ великосвѣтскихъ гостиныхъ.

Я собиралъ иногда у себя небольшой кружокъ знакомыхъ, въ которомъ преобладали люди много старше меня. Чаше другихъ съ Соболевскимъ обѣдывалъ у меня дядя жены моей, извѣстный въ свое время Московскій старожилъ, Петръ Павловичъ Свиньинъ, котораго мы приглашали, какъ человѣка умнаго, словоохотливаго, всегда пріятнаго собесѣдника, хотя уже въ весьма почтенномъ возрастѣ. Онъ былъ отчасти *Декабристъ*, т. е. былъ слегка замѣшанъ въ исторіи 14 Декабря 1825 года, когда былъ кавалергардскимъ офицеромъ. Воспитанникъ Іезуитовъ временъ Александра I-го, П. П. Свиньинъ, кажется, шелъ съ вѣкомъ, т. е. родился въ 1800 году и былъ сынъ своего вѣка, такъ какъ выросъ подъ вліяніемъ школы Вольтера, съ статуею котораго его голова и тѣлосложеніе имѣли нѣкоторое сходство. Очень начитанный, умный П. П. Свиньинъ былъ и атеистомъ, и эгоистомъ; но все-таки бывать у него было пріятно. Изрядно богатый онъ былъ типъ стараго холостяка и напоминалъ своею утонченностью дамскихъ угодниковъ временъ королевской Франціи, Версаля. Онъ жилъ, можно сказать, себѣ въ удовольствіе въ великолѣпномъ своемъ домѣ на Покровкѣ, въ которомъ особенно хорошо отдѣланъ былъ его кабинетъ, который въ тоже

*) Значительная часть библіотеки С. А. Соболевскаго приобрѣтена Британскимъ Музеемъ въ Лондонѣ, черезъ Лейпцигскихъ книгопродавцевъ Листа и Кона. П. Б.

время могъ бы быть музеемъ рѣдкостей: такая масса въ немъ была картинъ, фарфоровъ, бронзъ и пр... Приписывали происхожденіе Свиньинныхъ, какъ и Бобринскихъ, князю Григорію Орлову, т. е. его дочери, и полагали, что оттуда и коллекціи тѣхъ рѣдкостей, коими обладалъ Свиньинъ. Но я думаю, что это невярно. Свиньинъ всю жизнь былъ коллекціонеромъ. Чего, чего у него не было!... У него была между прочимъ замѣчательная коллекція картинъ Буше, которыя показывались лишь мущинамъ. Въ прекрасномъ оригинальномъ шкафу работы Буль, у него за зеленою зановѣсью находились эти картины. Любопытнымъ мущинамъ зеленая завѣса подымалась, и они могли любоваться рѣдкими, хотя непозволительными произведеніями кисти знаменитаго Буше, этого продукта Французской школы высшаго искусства въ изображеніи разврата. Нашъ извѣстный художникъ Зичи когда-то тоже полюбопытствовалъ посмотреть эти картины Свиньина и снялъ съ нихъ эскизы, сидя у него въ кабинетѣ. Его довольно извѣстныя картины Нимфы и Сатиръ отчасти позаимствованы съ картинъ Свиньина. Впослѣдствіи уже, знатокъ картинъ, А. А. Васильчиковъ, набросившій *такую тѣнь сомнѣнія* и на Рафаэлевскія картины, имѣющіяся въ Петербургѣ, тоже усумнился, чтобы картины П. П. Свиньина были Буше, и высказывалъ мнѣ, что это *Фрагонари*; но для меня это было безразлично: ибо во всякомъ случаѣ написаны онѣ были восхитительно, и любоваться ими, несмотря на легкость или, такъ сказать, скабрзность сюжета, мнѣ доставляло эстетическое наслажденіе. Во время коронаціи Императора Александра II, герцогъ Морни заинтересовался этими нескромными картинами П. П. Свиньина и, признавая ихъ за Буше, давалъ баснословную цѣну за нихъ. Но Свиньинъ не хотѣлъ ихъ продать ни за какія деньги, а какъ человѣкъ крайне-любезный, оставилъ ихъ у Морни въ квартирѣ на время пребыванія герцога въ Москвѣ, т. е. на время коронаціи. У Свиньина особенно много бывало народу по Понедѣльникамъ, въ пріемные дни княгини Луизы Трофимовны Голицыной, домъ которой былъ близъ Свиньина на Покровкѣ. Посѣтители княгини, заѣхавъ на Покровку, пользовались случаемъ, чтобы навѣстить и Петра Павловича, всегда веселаго, умнаго и гостепріимнаго въ его роскошномъ домѣ. Кто не помнитъ у него на каминѣ прекрасную мраморную статуэтку, въ рукѣ которой лежалъ какой-то кусокъ чего то чернаго, похожаго на камень? Это было когда-то яблоко почти окаменѣвшее. Ужиная въ послѣдній разъ въ Москвѣ у Свиньина, въ началѣ 50-хъ годовъ, знаменитая актриса Рашель положила на руку статуи это яблоко, и оно осталось на память у стараго Ловеласа, и никто не смѣлъ тронуть эту дорогую вѣроятно для него память: такъ оно и засохло, закаменѣло на рукѣ мраморной

статуи, въ знаменитомъ Свиньинскомъ кабинетѣ. Многіе антикваріи пытались купить ту или другую вещь у Свиньина, но онъ ни за что не хотѣлъ продать чтó бы то ни было изъ дома. Такъ и Ротшильдъ, посѣтившій Москву и бывшій у него съ визитомъ, давалъ ему баснословную цѣну за зеленую вазу, стоявшую на одномъ изъ столовъ его кабинета; но П. П. отказалъ и ему. У Ротшильда было чтó-то подъ пару къ этой вещи, какъ оказалось впоследствии. Послѣ долгихъ разговоровъ Ротшильдъ ушелъ, но изъ передней онъ еще разъ высунулъ голову въ дверь и сказалъ: я вамъ 1000 рублей прибавлю! Но Свиньинъ былъ непоколебимъ и лишь усмѣхнулся въ отвѣтъ Ротшильду. Его обѣды и ужины были Лукуловскіе; для Рашель раки нарочно подавались какъ-то особенно варенные въ шампанскомъ, такъ что блюдо получило особенное названіе—раки à la Рашель. Съ годами Свиньину надобно обѣдать у себя дома, и онъ обѣдалъ или у знакомыхъ, часто у князя В. А. Долгорукаго, иногда въ ресторанѣ, гдѣ знали его привычки. Его поваръ, очень хорошій, одно время былъ у меня и когда П. П. долженъ былъ у меня обѣдать, поваръ особенно старался и готовилъ тѣ блюда, которыя П. П. любилъ, и именно какъ онъ ихъ любилъ. Умѣнье говорить выводилось, выходило изъ моды; поэтому, чтобы имѣть оживленный разговоръ за обѣдомъ, нельзя было обойтись безъ П. П. Свиньина. Самый старшій изъ всѣхъ компаній, онъ всегда былъ самый веселый, общительный и разговорчивый. Я очень бывалъ доволенъ, когда мнѣ удавалось заманить къ обѣду его и С. А. Соболевскаго. Не было недостатка въ сюжетахъ, и разговоръ не умолкалъ, всегда интересный и не безсодержательный. «Чтó вы дѣлаете, чтобы быть всегда веселымъ и здоровымъ?» спросилъ я однажды П. П. «Я никогда не бралъ въ ротъ ничего кромѣ вина», отвѣчалъ онъ; меня Французы воспитали на красномъ винѣ, и я съ дѣтства не бралъ воды въ ротъ; оттого и здоровъ». Удивительное дѣло: черезъ нѣсколько дней я прочелъ въ газетахъ, что умерла старушка во Франціи, помнившая великую революцію и казню Людовика XVI, ей было за сто лѣтъ. Долголѣтіе ея приписывали тому, что она никогда не брала въ ротъ капли вина и пила воду постоянно изъ одного источника. Чему вѣрить? Съ годами П. П. Свиньинъ перешелъ отъ своей $\frac{1}{2}$ бутылки лафита, которую пилъ ежедневно за обѣдомъ, на $\frac{1}{2}$ бутылки краснаго портвейна. Онъ былъ любимцемъ всей Московской и Петербургской аристократіи. Всѣ любили его за его умъ, независимыя сужденія и пріятную бесѣду. Онъ также былъ большой охотникъ до лошадей. Умеръ Свиньинъ за 80 лѣтъ отъ роду и всѣ его драгоценности немногимъ его пережили. Опустѣлъ чудесный его домъ; шелковую гостиную и севровыя кабинеты замѣнила какая-то контора, не то мастерская; а знаменитыя его картины и колекціи

нашли себѣ, послѣ вѣковаго почти пребыванія на Покровкѣ, мѣста иныя. Ничего не осталось, все разошлось по бѣлу-свѣту и, кажется, попало даже не къ Ротшильду. Да, запусѣли хоромы, горницы, какъ ихъ звалъ самъ П. П. Свиныинъ, какъ многое множество домовъ дворянъ-старожилъ когда-то хлѣбосольной Москвы. Хлѣбъ отошелъ, осталось одно *солонько*, и кто зналъ матушку Москву въ 50-ыхъ, даже 70-ыхъ годахъ, не узналъ бы ее теперь. Гдѣ они вельможи и бары того времени? Въ историческихъ изслѣдованіяхъ изрѣдка встрѣчаются старинныя фамиліи, о коихъ помнятъ развѣ лишь по преданію.

Отъ Московскихъ умственныхъ кружковъ тоже ничего не осталось, и человѣку, помнящему, какъ мнѣ, то время, тяжело жить въ ней. За то одно вѣрно, что Москва сдѣлалась торговымъ центромъ Россіи. Богатство ея комерсантовъ дѣйствительно растеть не по днямъ, а по часамъ, и Москва, бывшая до 70-хъ годовъ центромъ умственнымъ, теперь сдѣлалась центромъ торговымъ. Конечно Москва, концентрировавъ въ себѣ главный узелъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, представляетъ первый въ Россіи торговый центръ; достаточно взглянуть на карту Русскихъ жел. дор., чтобы въ этомъ убѣдиться: ни одинъ городъ въ Россіи не переполюетъ ея въ торговомъ отношеніи; она поглотила торговлю всѣхъ близъ лежащихъ городовъ. Самому Нижнему-Новгороду съ его пресловутой ярмаркой приходится плохо отъ Москвы; она слишкомъ близка къ нему, чтобы не перетянуть къ себѣ его торговлю. Но за то въ другомъ отношеніи, въ умственномъ, политическомъ, она теперь пасуетъ передъ Петербургомъ. Не говоря уже про времена начала столѣтія, когда Москва была переполнена людьми самостоятельными, какъ Орловы, Мамоновы, Ермоловы и друг., изъ которыхъ каждый представлялъ собственное я, общественное мнѣніе Москвы даже въ мое время не безъ основанія представляло собою общественное мнѣніе Россіи. Даже и въ то время, когда представители Московской печати, Катковъ и Аксаковъ, ратовали въ Польскомъ и другихъ вопросахъ, вся Россія относилась съ особымъ уваженіемъ къ тому, что скажетъ Москва.... Ничего этого не стало. Несомнѣнно, что въ вопросахъ торговыхъ и промышленныхъ голосъ Московскихъ комерсантовъ имѣетъ большое значеніе, особенно при полученіи личныхъ выгодъ или покровительства (на это теперешняя Москва мастерица выпросить себѣ больше, чѣмъ другіе); но у этихъ, просящихъ, нѣтъ тѣхъ политическихъ идеаловъ и стремленій, какъ у людей прошлаго, о коихъ не разъ мнѣ приходилось говорить въ моихъ наброскахъ. Засосали Москву интеллигентную и умственную меркантильные интересы толстосумовъ, а людей мысли и идеала—заботы о завтрашнемъ днѣ ..

Къ лицамъ характеристическимъ великосвѣтской Москвы конца 60-хъ годовъ мы должны отнести Николая Сергѣевича Корсакова, блестящаго когда-то лейбъ-гусарскаго офицера, восемнадцати лѣтъ женившася на Московской богатой невѣстѣ, Варварѣ Дмитріевнѣ Мергасовой. Когда-то самъ очень богатый Н. С. Корсаковъ, мало заботясь о будущемъ, недолго пожилъ съ своею женою и, несмотря на то, что терялъ многое, развѣхался съ ней. Корсаковъ было типъ бонвивана прежняго времени. Веселый, остроумный, очень элегантенъ, онъ былъ любимцемъ Московскаго общества и на балахъ официальныхъ и придворныхъ часто дирижировалъ оными. Мы узнаёмъ его въ лицѣ Николинки Корсунскаго на балѣ у генераль-губернатора въ «Аннѣ Карениной». Самая жизнь его сложилась какъ-то безпутно. Онъ двадцати одного года былъ выбранъ въ Смоленскѣ предводителемъ дворянства. Вскорѣ послѣ выбора онъ бросаетъ службу и ѣдетъ прямо въ Севастополь, гдѣ князь Горчаковъ беретъ его рядовымъ къ себѣ въ ординары, и таковымъ получаетъ онъ Георгіевскій крестъ. Подъ Черной въ нѣсколько шагахъ отъ него убитъ ядромъ баронъ Вревскій и, такъ какъ у обоихъ были похожія шинели, не смотря на разность служебнаго положенія, то въ первый моментъ думали, что убитъ Корсаковъ, такъ что князь Горчаковъ воскликнулъ: «бѣдный Корсаковъ!»; но генераль Остенъ-Сакенъ, подѣхавъ, увидаль ошибку и сказалъ по-французски очень хладнокровно: «Это убитъ баронъ Вревскій, совсѣмъ убитъ!» (онъ терпѣть не могъ барона Вревскаго, посланнаго изъ Петербурга и настоявшаго на сраженіи 4-го Августа 1855 г. подъ Черной)... Получивъ скоро офицерскій чинъ, Н. С. Корсаковъ былъ посланъ съ донесеніемъ о какой-то побѣдѣ къ Императору Александру II-му. Всѣ впередъ поздравляли Корсакова съ наградой, но вышло иначе. Какъ человекъ смѣлый и правдивый, онъ очень естественно отвѣчалъ на вопросъ Государя: «Въ чемъ нуждаются, въ данное время, въ Севастополѣ?» — «Да пороку не хватаетъ; всѣ тамъ помремъ!» Государь гнѣвно воскликнулъ «не можетъ быть» и послалъ Корсакова къ военному министру. Можно себя представить, какъ сей послѣдній принялъ молодого, болтливаго курьера. Корсакова отправили обратно въ тотъ же день съ бумагами къ князю Горчакову, коему было между прочимъ написано: впредъ такихъ не присылать. Послѣ Севастопольской кампаніи Н. С. Корсаковъ перешелъ въ гвардію въ лейбъ-гусары и, благодаря своей красивой наружности, большому состоянію, врожденной веселости, былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ свѣтскихъ кавалеровъ Петербурга и Москвы. Жена его считалась не только Петербургскою, но и Европейскою красавицей. Блестая на заграничныхъ водахъ, приморскихъ купаньяхъ, въ

Біарицѣ и Остенде, а также и въ Тюліери, въ самый разгаръ безумной роскоши императрицы Евгеніи и блеска Наполеона III, В. Д. Корсакова дѣлила успѣхи свои между Петербургскимъ великимъ свѣтомъ и Французскимъ дворомъ, гдѣ ее звали la Venus tartare! Кажется, изъ-за нея у Корсакова была дуэль съ также извѣстнымъ Москвѣ А. С. Козловымъ, тогда тоже лейбъ-гусаромъ-оригиналомъ. Стрѣлялись они въ Твери, зимою, и когда нужно было подойти къ назначенному барьеру, Козловъ медлилъ. «Подходите же!» крикнулъ ему Корсаковъ, на что Козловъ хладнокровно отвѣчалъ: «Я забылъ калоши, боюсь промочить ноги»; а на повторенное предложеніе добавилъ: «Я готовъ рисковать жизнью, но не желаю рисковать насморкомъ». Конецъ дуэли былъ тотъ, что Козловъ выстрѣломъ ранилъ Корсакова въ грудь, и пуля вышла въ спину. Думали, что Корсаковъ раненъ смертельно; но пуля, скользя по ребрамъ, засѣла близъ спиннаго хребта, не тронувъ его, и была вынута простымъ надрѣзомъ кожи. Черезъ нѣсколько дней Корсаковъ былъ здоровъ. Козловъ былъ раненъ слегка, и оба попали подъ судъ, хотя не особенно строгій. Но Корсаковъ оставилъ полкъ, переселился въ Москву, гдѣ и щеголялъ уже въ штатскомъ платьѣ, лишь изрѣдка надѣвая придворный мундиръ, ему пожалованный, съ своимъ Георгіевскимъ крестомъ. А жена его навсегда переселилась за границу, купила себѣ въ Ниццѣ прекрасную виллу, гдѣ и поселилась. Villa Korsakoff, лежащая по новой дорогѣ изъ Ниццы къ Виллафранкѣ, извѣстна всякому Русскому, бывавшему въ Ниццѣ.

Оригинальна была въ своемъ родѣ В. Д. Корсакова. Имѣя за собою какъ будто массу поклонниковъ, она очень назойливыхъ обыкновенно озадачивала возраженіемъ: «да у меня мужъ-красавецъ, умный, прекрасный, гораздо лучше васъ!» Она и въ литературу вдавалась, удивляя иностранцевъ своею всестороннею, Русскою своеобразностью и напечатала довольно интересную книжку, въ заглавіи которой красовался ея портретъ, изящная литографія съ ея великолѣпнаго портрета, сдѣланнаго въ Парижѣ знаменитымъ Винтергальтеромъ, при такомъ эпиграфѣ: «лишенія и печали мнѣ указали Бога, а счастье заставило спознать Его». Она и жизнь свою кончила на villa Korsakoff, сумѣвъ въ теченіе оной вселить сильную страсть въ преданныхъ ей людяхъ. Одинъ изъ ея поклонниковъ, нѣкто З., какъ при жизни посѣщалъ ее ежедневно, такъ и послѣ смерти ежедневно бывалъ у ея могилы. Рѣдкая привязанность въ напѣ въкъ!

Мнѣ этотъ случай напомнилъ другую могилу. Близъ Висбаденской церкви похороненъ Подчацкій, единственный сынъ престарѣлыхъ родителей, оставшихся на старости лѣтъ одинокими на бѣломъ свѣтѣ. Я ничего не видалъ трогательнѣе этихъ двухъ стариковъ, посѣ-

щающихъ могилу единственной своей радости и надежды въ жизни, сына, ушедшаго отъ нихъ неожиданно и такъ жестоко. И когда мнѣ говорить, что въ нашъ бездушный, безсердечный якобы вѣкъ нѣтъ дѣйствительныхъ привязанностей, я всякій разъ вспоминаю эти двѣ могилы и говорю себѣ: «нѣтъ». А сколько тысячъ подобныхъ случаевъ, которыхъ мы не знаемъ!..

Н. С. Корсаковъ велъ веселую, повидимому, беззаботную, разсѣянную жизнь въ Москвѣ, увлекаясь налѣво и направо тѣмъ, что представлялъ ему жизненный пиръ. Скачки тоже были его страстью, и тамъ чаще всего встрѣчался я съ нимъ, будучи въ то время также скаковымъ охотникомъ. Умеръ онъ, оплакиваемый родными и друзьями, не доживъ до пятидесяти лѣтъ. Престарѣлые родители его пережили его. Они считались въ родствѣ съ Грибоѣдовымъ, который, говорятъ, многіе типы «Горе отъ ума» взялъ изъ семьи Корсаковыхъ. Отъ Н. С. Корсакова я слышалъ о многихъ Московскихъ личностяхъ, съ которыхъ Грибоѣдовъ взялъ свои типы. Такъ про знаменитаго графа Ѳ. И. Толстаго, прозваннаго Американцемъ, Репетиловъ говоритъ:

Не нужно называть, узнаешь по портрету.

Про братьевъ Пашковыхъ онъ же говоритъ:

„Леонъ и Боряшка, прекрасные ребята“ и т. д.

Вообще тогдашняя Москва 60-хъ и 70-хъ годовъ еще могла выставить много, если и не Грибоѣдовскихъ, то, во всякомъ случаѣ, своеобразныхъ типовъ.

Подъ пару къ Н. С. Корсакову, въ одно съ нимъ время, жилъ въ Москвѣ другой весельчакъ, котораго также было можно встрѣтить «во всѣхъ гостиныхъ тутъ-какъ-тутъ»: это Василій Денисовичъ Давыдовъ, сынъ знаменитаго партизана Дениса Давыдова. Когда-то тоже военный, бывший конный артиллеристъ, Вас. Ден., выйдя въ отставку, женился на дочери Московскаго старожила А. И. Ивинскаго и сдѣлался постояннымъ Москвичемъ и, какъ тестъ его—Ивинскій, «Англійскаго клуба вѣрный, вѣчный членъ до гроба». Маленькій, кругленькій, черненькій, съ быстрыми, бѣгающими глазами, толстенькій, живой и поворотливый, Вас. Ден. олицетворялъ собою Русское выраженіе «живчикъ», не смотря на свои слишкомъ 50 лѣтъ. Полный юмора онъ былъ неистощимъ въ разсказахъ и анекдотахъ, но *à la longue* повторялся, зато собесѣдникъ изрѣдка былъ очень желательный; и, какъ сынъ знаменитаго Дениса Давыдова, племянникъ Ермолова, конечно зналъ много интересныхъ анекдотовъ изъ отечественной войны и Кавказскихъ

экспедицій, въ коихъ отчасти и самъ участвовалъ. Когда въ Москвѣ блисталъ графъ В. А. Соллогубъ, его, можно сказать, дополнялъ Давыдовъ; ибо сочинить Соллогубъ водевиль, глядь—Давыдовъ его уже играетъ. А игралъ онъ прекрасно, особенно комическія роли, и на любительскихъ спектакляхъ былъ челоѡкъ неоцѣненный. Дружбу съ нимъ водили люди и весьма серьезные. Онъ былъ весьма близокъ и къ извѣстному богачу Ив. Ал. Яковлеву, который послѣдніе года своей жизни жилъ въ своемъ домѣ на Михайловской, въ Петербургѣ, гдѣ Давыдовъ и его посѣщалъ весьма часто и дѣлилъ съ нимъ его пышную трапезу.

Обѣды Яковлевъ давалъ Лукуловскіе. Былъ онъ оригиналь большой руки, и про него ходили различные курьезные рассказы, какъ о его несмѣтномъ богатствѣ, такъ и о причудахъ его. Въ молодости онъ велъ очень крупную игру и былъ постояннымъ посѣтителемъ когда-то знаменитаго Политковского, похитившаго мпліонъ изъ инвалиднаго капитала, въ началѣ 50-тыхъ годовъ. Пышные пиры и праздники, даваемые Политковскимъ въ Петербургѣ и Петергофѣ, приписывали деньгамъ Яковлева, которыя тотъ будто спускалъ Политковскому; но оказалось, что это былъ продуктъ крупнаго хищенія Политковского, который завѣдывалъ инвалиднымъ капиталомъ. Узнавъ о хищеніи, Императоръ Николай пришелъ въ неописанный гнѣвъ и велѣлъ немедленно арестовать всѣхъ, даже старыхъ генераловъ, членовъ комитета и самого Политковского, но послѣдній уже успѣлъ принять яду и лежалъ мертвый на столѣ. Съ него сорвали мундиръ и ордена, одѣли въ арестантскую куртку и какъ арестанта похоронили; будочникъ отвезъ его на ломовомъ извозикѣ на кладбище. Говорятъ, что въ пылу гнѣва Николай Павловичъ сказалъ военному министру и графу Орлову: «конечно, Рыльевъ и компанія со мной не сдѣлали бы этого!» Вас. Ден. Давыдовъ говорилъ, что онъ шутя сказалъ Яковлеву: «Во всемъ ты виновать».—«Какъ такъ? спросилъ озадаченный Яковлевъ.»—«Конечно, ты; пока ты игралъ, Политковскій не кралъ; а ты пересталъ играть, вотъ Политковскій и укралъ милліонъ». Но Яковлеву было не до шутокъ. Къ нему пріѣхалъ вечеромъ графъ А. Ѳ. Орловъ и повелъ рѣчи о томъ, что въ городѣ считаютъ его, Яковлева, скомпрометированнымъ въ дѣлѣ Политковского, въ виду ихъ близкихъ отношеній, и что право ничего не стоитъ, ему, владѣльцу Яковлевскихъ (нынѣ Стенбока) заводовъ и архи-милліонеру, пожертвовать милліонъ въ пользу инвалидовъ, чтобы успокоить Императора. Думалъ, думалъ Яковлевъ, да и пожертвовалъ милліонъ. А Императоръ Николай, принявъ его въ особой аудіенціи въ присутствіи Французскаго и Англійскаго пословъ, сказалъ: «рекомендую вамъ, гг., моего

подданнаго, который подарилъ мнѣ сегодня миллионъ!» Кромѣ того Яковлевъ былъ сдѣланъ камергеромъ и статскимъ совѣтникомъ, что въ то время для неслужащаго считалось неслыханной наградой.

Про хищеніе Политковскаго я еще мальчикомъ слышалъ разсказъ одного изъ членовъ комитета, старика-генерала Арбузова, у котораго мой дядя А. И. Бибииковъ былъ адъютантомъ (Арбузовъ въ Москвѣ останавливался въ его домѣ, гдѣ и я съ матушкой гостилъ). Арбузовъ разсказывалъ, какъ былъ разжалованъ, но потомъ прощенъ и командовалъ гвардейскимъ корпусомъ. Курьезны были подробности... Въ то время не было массы процентныхъ бумагъ, а деньги инвалидныя, нѣсколько миллионовъ, хранились въ билетахъ Опекунскаго Совѣта, такъ называемыхъ Пеликанкахъ, потому что *Пеликанъ* красовался, какъ эмблема, на всѣхъ бумагахъ Опекунскаго Совѣта. «Вотъ сидимъ мы, члены комитета, ревизуемъ кассу, и Политковскій подаетъ намъ билеты одинъ за другимъ. Мы смотримъ, сто тысячъ, и другъ другу передаемъ для осмотра, послѣ чего Политковскій кладетъ назадъ въ ящикъ. Но всякій билетъ сложенъ вдвое, и оказывается, что на затылкѣ того же стотысячнаго билета написано, что вынуто 90 тысячъ, такъ что, еслибы одинъ изъ насъ развернулъ билетъ, то хищеніе немедленно бы и открылось. Но именно этого-то никто и не сдѣлалъ, не допуская подобнаго нахальства. А у Политковскаго всегда былъ въ карманѣ ядъ, который онъ и принялъ, когда узналъ, что одинъ изъ его чиновниковъ, кажется казначей, донесъ объ этомъ въ собственныя Его Величества руки, и также, не дождавшись послѣдствій, повѣсился. По словамъ старика Арбузова съ нѣкоторыхъ генералъ-адъютантовъ Государь самъ срывалъ аксельбанты. Но вскорѣ всѣ были прощены, такъ какъ выяснилось ихъ неучастіе въ хищеніи.

Яковлевъ вскорѣ послѣ этого переселился въ Парижъ, гдѣ удивлялъ Парижанъ своими странностями и почти 20 лѣтъ жилъ безвыѣздно въ Парижѣ, а вернулся въ Россію къ концу царствованія Императора Александра II-го.

Я упомянулъ, говоря о Корсаковѣ, о дуели его съ А. С. Козловымъ. Это тоже былъ Русскій Парижанинъ и извѣстенъ своими выходками. Звали его «le Prince», безъ фамиліи, и не удивлялись, когда онъ вдругъ являлся въ лучшихъ, дорогихъ ресторанахъ въ сопровожденіи какихъ нибудь грязныхъ блузниковъ, зачѣмъ-то взятыхъ съ улицы и, усаживаясь съ ними за столъ на бархатныхъ креслахъ или войдя въ *saфѣ-америкайнъ*, занятый сплошно посѣтителеми, бросалъ тысячу франковъ, чтобы ему очистили столикъ. Его страстью было быть оригинальнымъ. Напускалъ ли онъ на себя это, или вошло это у него въ привычку, трудно сказать; но онъ былъ тѣмъ не ме-

ѣе храбрый офицеръ и въ послѣднюю Турецкую кампанію, имѣя въ глазу вѣчный монокль, преспокойно подъ градомъ непріятельскихъ пуль, развѣзжалъ, передавая приказанія. Въ Москвѣ жилъ онъ сибаритомъ въ своемъ домѣ вмѣстѣ со старушкой-матерью Агаѣей Александровной Козловой, которая любила его безъ памяти и пережила его. Все-таки изрѣдка А. С. Козловъ тѣшилъ Москвичей своими выходками. Подаютъ ему счетъ въ ресторанѣ, нѣсколько рублей. «Не понимаю я вашихъ глупыхъ рублей, дайте мнѣ счетъ на франки», кричитъ Козловъ, и все въ такомъ родѣ. «Прошу васъ, пишетъ онъ по-французски матери, напомнить обо мнѣ вашему добрыйшему супругу».... И много, много анекдотовъ по себѣ оставилъ А. С. Козловъ.

Перехожу теперь къ одному роду дѣятельности своей, которая въ жизни моей играла немалую роль, — а именно къ коннозаводской. Страстный охотникъ до лошадей, я унаслѣдовалъ эту страсть отъ отца и дѣда и выросъ подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ охотниковъ, членовъ когда-то знаменитаго Лебедянского скаковаго общества, которое въ свое время состояло изъ очень образованныхъ и умныхъ людей, какъ - то: Мосоловы, Раевскіе, князья Черкасскіе, Глѣбовы, Мясновъ и др., однимъ словомъ, все наше сосѣдство. И хотя я преимущественно любилъ чистокровную скаковую лошадь, но судьба меня заставила заниматься больше рысистою Русскою лошадью. Уже въ 70-мъ году я былъ избранъ въ Тулѣ вице-президентомъ общества рысистыхъ бѣговъ, такъ какъ скачки были переведены въ Москву, и я десять лѣтъ былъ безсмѣннымъ вице-президентомъ, затѣмъ перешелъ въ Москву таковымъ же въ скаковое общество и, наконецъ, вновь вернулся на ту же должность въ Тулу.

О моихъ успѣхахъ и неуспѣхахъ охотничьихъ я говорилъ въ своихъ охотничьихъ запискахъ, насколько онѣ могли быть интересны для коннозаводства. Здѣсь я вспоминаю лишь о нѣкоторыхъ лицахъ болѣе или менѣе интересныхъ. По развитію спорта въ странѣ обыкновенно судятъ за границей о благосостояніи края; у насъ же, думается мнѣ, это не такъ, и коннозаводство, бывшее въ рукахъ когда-то все-сильной аристократіи, теперь значительно демократизировалось, сдѣлалось достояніемъ скорѣе афериста, чѣмъ охотника. Рѣдкіе заводы сохранились въ рукахъ ихъ основателей... Я въ Тулѣ принялъ вице-президентство отъ генерала Л. Н. Гартунга, тогда еще блестящаго представителя конной гвардіи, женатаго на дочери безсмертнаго А. С. Пушкина, красавицѣ собою, иногда напоминавшей портреты отца. Человѣкъ вполне честный, но очень беззаботный, генералъ Гартунгъ имѣлъ хорошія средства, прекрасное имѣніе подъ Тулой и хорошее служебное положеніе, будучи начальникомъ перваго коннозаводскаго

округа. Но кончилъ онъ, увы! очень несчастливо. Въ Москвѣ жилъ нѣкто Занотлебенъ, по репутаціи ростовщикъ, имѣя сыновей, которымъ онъ почему-то не доброжелательствовалъ. Онъ, Занотлебенъ, просилъ Гартунга быть его душеприкащикомъ и подтянуть дѣтей его при случаѣ. Гартунгъ, человѣкъ добродушный, не подозрѣвая никакого крючкотворства, очень поверхностно отнесся къ дѣлу и далъ поводъ роднѣ Занотлебена подать на него доносъ, будто онъ злоупотребилъ своимъ положеніемъ, что у него какъ душеприкащика пропали векселя, и будто онъ скрылъ свой долгъ Занотлебену. Замѣшали въ эту исторію еще старика графа С. С. Ланскаго. Для прокуратуры это былъ праздникъ, и, начиная свою обвинительную рѣчь, одинъ изъ прокуроровъ буквально выразился такъ: «сегодня торжество правосудія, графъ Ланской и генералъ Гартунгъ на скамьѣ подсудимыхъ!» Это однако не помѣшало ему отказаться отъ обвиненія графа Ланскаго. Несчастный же Гартунгъ былъ обвиненъ, и тутъ же на судѣ застрѣлился, оставивъ записку: «клянусь всемогущимъ Богомъ, что я не виновенъ», чѣмъ немало смутилъ присяжныхъ. Но прокуроръ преспокойно отправился въ театръ, гдѣ однако ему была враждебная манифестація. Вся Москва была возмущена исходомъ Гартунговскаго дѣла. Московская знать на рукахъ переносила тѣло Гартунга въ церковь, твердо убѣжденная въ его невиновности. Да и высшее правительство не вѣрило въ его виновность, не отрѣшая его отъ должности, которую онъ занималъ и будучи подъ судомъ. Владѣлецъ дома, гдѣ жилъ прокуроръ, который благодаря страстной рѣчи считался главнымъ виновникомъ гибели Гартунга, Н. П. Шиповъ, приказалъ ему немедленно выѣхать изъ своего дома на Лубянкѣ, не желая имѣть, какъ онъ выразился, у себя убійцъ. Послѣдствія оправдали всеобщую увѣренность въ невиновности Гартунга. Одинъ изъ родственниковъ Занотлебена былъ вскорѣ объявленъ несостоятельнымъ должникомъ, да еще злостнымъ, и онъ-то оказался виновникомъ гибели невиннаго Гартунга.

НАБРОСКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ КНЯЗЯ Д. Д. ОБОЛЕНСКАГО *).

IX.

Предводительская служба въ Епифанскомъ уѣздѣ, повидимому столь легкая, на дѣлѣ не оказалась таковою. На первыхъ же порахъ въ рекрутскомъ присутствіи дѣло пошло не по-моему. Докторъ относился чрезвычайно вяло къ своей обязанности, а еще притязательнѣе военный приѣмщикъ. На второй день приѣма (это былъ Февраль 1871 года) докторъ Вишневскій, изъ Поляковъ, должно быть, стакнувшись съ военнымъ приѣмщикомъ М*, браковали многихъ рекрутовъ; а я, уже опытный въ наружномъ осмотрѣ, напрактиковавшись въ Ефремовскомъ уѣздѣ съ двумя прекрасными врачами (Петропавловскимъ и Краснопѣвцевымъ), всѣхъ ими забракованныхъ рекрутовъ, какъ председатель присутствія, принялъ на службу подъ свою отвѣтственность. Послѣдствія оправдали мою рѣшимость; ибо, не смотря на протестъ вышеупомянутыхъ двухъ лицъ, рекруты, мною принятые, были признаны вполне годными въ Тулѣ, гдѣ переосвидѣтельствовало ихъ губернское начальство. Но, выведенный изъ терпѣнія, я приостановилъ наборъ, поѣхалъ за ночь въ Тулу на перемѣнныхъ лошадяхъ и объяснилъ губернатору и военному начальству невозможность продолжать дѣло при явномъ противодѣйствіи двухъ главныхъ членовъ присутствія. Такъ какъ губернаторъ мнѣ вполне довѣрялъ, то со мною же послано было предписаніе о назначеніи другаго врача въ рекрутское присутствіе, а отъ военного приѣмщика его начальство строго потребовало объясненія поступковъ его въ отношеніи ко мнѣ и забракованія рекрутовъ безъ причины. Въ Епифанъ пріѣхалъ еще начальникъ штаба дивизіи М. К. Мевесъ для объясненія о дѣйствіяхъ военного приѣмщика. Такъ какъ я вернулся очень быстро, то утромъ на другой же день, въ рекрутскомъ присутствіи, докторъ и военный приѣмщикъ были положительно поражены тѣми двумя конвертами непріятнаго для нихъ содер-

*) См. выше, стр. 357.

жавія, которые я имъ вручилъ. Докторъ былъ устраненъ, а военный пріемщикъ сдѣлался шелковымъ, и наборъ затѣмъ пошелъ быстро своимъ чередомъ. Но военному пріемщику захотѣлось, во что бы ни стало, отомстить мнѣ. Дня черезъ два послѣ описаннаго случая онъ мнѣ подалъ записку, что чиновникъ * подкупалъ его и просилъ не принять четверыхъ крестьянъ въ рекруты. Я тутъ же приказалъ секретарю внести въ протоколъ заявленіе о подкупѣ, не смотря на усиленную просьбу военного пріемщика этого не дѣлать. «Меня замучаютъ перепиской съ пачальствомъ», повторялъ онъ; «еслибы зналъ, ни за что не заявилъ бы». Но я былъ неумолимъ, точно предчувствуя подвохъ. Я конечно принялъ тѣхъ четырехъ рекрутовъ, о коихъ была рѣчь, а протоколъ отослалъ судебному слѣдователю для производства слѣдствія надъ чиновникомъ, на котораго указалъ М**. Слѣдствіе кончилось пустяками. Каково же было мое удивленіе, когда чуть ли не на другой день я получилъ изъ Тулы изъ штаба запросъ, какъ я поступилъ съ дѣломъ о подкупѣ военного пріемщика? Оказалось, что милѣйшій М** еще прежде чѣмъ заявить мнѣ, уже рапортомъ донесъ своему начальству о подкупѣ его чиновникомъ. Каково было бы мое положеніе, еслибы я не составилъ тогда же протокола? Я оказался бы виноватымъ въ скрытіи подобнаго случая. Я отвѣчалъ штабу не медля, съ просьбою избавить наше рекрутское присутствіе отъ такого субъекта, какъ М**, что, къ вѣщему удовольствію прочихъ членовъ, и состоялось, такъ какъ М** убрали изъ Епифани, благодаря командующему войсками генералу Гильденштубе, которому я писалъ. Лично я всегда былъ противъ всякой судебной волокиты въ тѣхъ случаяхъ, когда можно достигнуть хорошихъ результатовъ помимо суда и слѣдствія, рѣдко возвращающихъ людей на путь истинный, а напротивъ, только развращающихъ.

Въ моей долгой предводительской служебной практикѣ былъ другой случай. Во время прежнихъ наборовъ крестьяне насильно совали деньги, не понимая кому и за что, въ надеждѣ избѣгнуть рекрутчины. И вотъ одинъ рекрутъ, только что принятый, заявляетъ мнѣ, что онъ далъ одному молодому чиновнику и волостному писарю по 25 рублей, чтобы избѣгнуть очереди. Назвать чиновника онъ не могъ; я же, выйдя изъ комнаты присутствія и увидавъ между многими пишущими одного молодого чиновника, крайне смутившагося моимъ появленіемъ въ канцеляріи, быстро подошелъ къ нему и строго спросилъ: «зачѣмъ вы взяли съ мужика деньги?» Онъ, еще болѣе смутившись, только и могъ сказать: «виновать». Я тутъ же приказалъ ему вернуть деньги и выслалъ его вонъ изъ канцеляріи. Никакого дѣла я не началъ, ибо видѣлъ прямое раскаяніе юноши, не взявшаго

взятку, какъ оказалось послѣ, а сдѣлавшаго безтактный заемъ. Я не имѣлъ основаній расказывать въ этомъ: изъ молодого человѣка вышелъ въпослѣдствіи прекрасный, добросовѣстный служака.

Съ опекою тоже у меня не ладилось. Бывшій передо мною предводитель Хрущовъ-Сокольниковъ болѣе занимался литературой, чѣмъ службой, и одинъ изъ назначенныхъ имъ опекуновъ уже два года не представлялъ отчета; было сильное подозрѣніе, что доходовъ за два года нѣтъ на лицо. Такъ и случилось, и какъ ни тяжело было, пришлось своего брата-дворянина предавать суду... Случай этотъ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ и непріятныхъ во всей моей службѣ; но другаго исхода не было, и я на мѣсто устраненнаго опекуна назначилъ опекуномъ къ малолѣтнимъ одного изъ самыхъ богатыхъ мѣстныхъ помѣщиковъ С. Сей послѣдній не особенно былъ доволенъ, но исполнилъ обязанность блистательно, не только сохранивъ, но и улучшивъ состояніе малолѣтнихъ, озаботившись также и объ ихъ воспитаніи. Я вообще поставилъ себѣ задачею назначать опекунами лучшихъ людей уѣзда и со средствами. И въ этомъ отношеніи я достигъ хорошихъ результатовъ. Такъ въ уѣздѣ было огромное имѣніе слабоумнаго князя Долгорукаго. Московская опека назначила опекуншею надъ его Епифанскими имѣніями кавалерственную даму княгиню В. Н. Долгорукую; а я назначилъ соопекуномъ Епифанскаго старожила, пользовавшагося репутаціей честнаго человѣка, Д. А. Балкашина: онъ служилъ болѣе 25 лѣтъ исправникомъ еще отъ дворянства и былъ человѣкъ неподкупный. Въ имѣніи Долгорукихъ буквально шелъ грабежъ, которому Балкашинъ и положилъ тотчасъ предѣлъ. Недовольные назначеніемъ неизвѣстнаго имъ соопекуна, князья Долгорукіе жаловались на это, и получилось высочайшее повелѣніе изъять Долгоруковскую опеку изъ Епифанской и перевести въ Москву. Пока шла переписка, Д. А. Балкашинъ за годъ далъ съ имѣній кн. Долгорукихъ доходу вдвое противъ прежняго; это ихъ крайне удивило, и они, конечно, пожелали оставить опеку въ Епифани, но было уже поздно за состоявшимся высочайшимъ повелѣніемъ. Тогда князья Долгорукіе упросили Д. А. Балкашина остаться въ качествѣ завѣдующаго ихъ дѣлами, что онъ и сдѣлалъ, получая больше такимъ образомъ содержанія на этомъ мѣстѣ, чѣмъ соопекунъ.

Д. А. Балкашинъ, хотя и старый исправникъ и типъ дореформенный, представлялъ собою рѣдкое исключеніе между людьми того времени и того пошиба. Онъ искалъ всегда сближенія съ людьми лучшаго общества, не зналъ низкопоклонства и хотя не получилъ никакого воспитанія, но, имѣя природный умъ и много энергіи, вращаясь между людьми образованными и умными, приобрѣлъ даже извѣстный лоскъ и свѣт-

скій тактъ. Въ уѣздѣ онъ въ теченіе многихъ лѣтъ пользовался большимъ уваженіемъ. Будучи страстнымъ охотникомъ, онъ былъ извѣстенъ какъ лучший стрѣлокъ не только въ уѣздѣ, но и въ губерніи. Садоводъ былъ отмѣнный и въ своемъ небольшомъ садикѣ въ Епифани выводилъ чудесные цвѣты, въ особенности георгины - даліи. Пережилъ онъ многихъ губернаторовъ, у коихъ онъ считался примѣрнымъ исправникомъ; даже у М. Р. Шидловскаго, который былъ крайне требовательный губернаторъ, Балкашинъ былъ на прекрасномъ счету. Помѣщики въ уѣздѣ, бывая въ Епифани, непременно заѣзжали къ нему, такъ какъ онъ отличался хлѣбосольствомъ. Балкашинъ принадлежалъ къ тѣмъ тихимъ, но серьезнымъ дѣятелямъ, на плечахъ у которыхъ собственно лежитъ въ уѣздѣ главная административная работа. Сколько столкновеній всевозможныхъ уладилъ и остановилъ Д. А. Балкашинъ въ бытность свою исправникомъ, особенно во время освобожденія крестьянъ 1861 года! Да и извѣстное Люторское дѣло никогда не возникло бы, будь въ то время исправникомъ Балкашинъ. Его, какъ старожилъ, народъ и слушался, и отчасти боялся; а именно вслѣдствіе неудачнаго назначенія исправника, не знавшаго ни мѣстныхъ условій, ни крестьянъ, и могло возникнуть дѣло, подобное Люторскому. Я уже скоро 15 лѣтъ какъ оставилъ службу и не бываю въ Епифани. Въ числѣ многихъ моихъ знакомыхъ умеръ и Балкашинъ; но его гостепріимный домикъ не запустѣлъ, а обратился не то въ школу, не то въ богодѣльню, по крайней мѣрѣ, не заглохъ и не разрушился, а пошелъ на доброе дѣло.

А сколько старинныхъ усадебъ совсѣмъ заглохло и развалилось! Особенно это замѣтно въ тѣхъ имѣніяхъ, которыя изъ помѣщичьихъ рукъ переходятъ или къ кулакамъ, или къ ростовщикамъ; а въ тѣхъ и другихъ нѣтъ пока недостатка на Руси.

Первое трехлѣтіе моей службы въ Епифанскомъ уѣздѣ прошло быстро. Я приступилъ къ постройкѣ Ряжско-Вяземской желѣзной дороги; но мнѣ день ото дня становилось ясно, что я многимъ не угодилъ. Самый городъ Епифанъ былъ крайне недоволенъ тѣмъ, что желѣзная дорога прошла въ 15-ти верстахъ отъ него. Точно отъ меня это зависѣло! Полагали, что, въ виду хорошихъ моихъ отношеній съ министромъ путей сообщенія, это легко было мнѣ устроить. Между тѣмъ близкіе къ дѣлу люди знаютъ, что направленіе рѣшается окончательно правительственными повѣрочными изысканіями, кои и утверждаются въ Петербургѣ. Не только строитель, но и концессіонеръ ничего не можетъ измѣнить прогивъ утвержденнаго плана и профиля линіи, ни на шагъ отойти отъ утвержденной оси дороги. Но мѣстные обыватели не принимаютъ этого во вниманіе, а винять и прямо таки

бранять въ глаза ближайшаго къ дѣлу и находящагося на лицо строителя. Со мною это бывало часто. Такъ однажды ко мнѣ рано пріѣзжаетъ Петербургскій, весьма извѣстный тамъ генералъ Р. «Вы строите желѣзную дорогу?» Отвѣчаю: я. «Такъ вогь прошу васъ, помогите моей бѣдѣ. Ваши инженеры пробили желѣзнодорожную линію по моему полю, да такъ неудобно, что половину полей отрѣзали отъ усадьбы, т. е. отъ хутора. Теперь у меня, неудобно ли посмотрѣть (при этомъ генералъ вытаскиваетъ планъ), вмѣсто трехъ образовалось шесть полей. Такъ нельзя хозяйничать!»—«Что же вамъ угодно?»—«Велите отклонить линію за мою межу», и при этомъ генералъ Р. передаетъ мнѣ подробную записку съ планомъ. Увѣреніе, что дѣло не отъ меня зависитъ, не принимается, конечно, въ соображеніе, а приписывается нехотѣнію. И подобныхъ дѣлъ было множество. На мое счастье проектъ линіи по землѣ генерала Р. былъ брошенъ правительственными инженерами и измѣненъ, такъ что онъ былъ удовлетворенъ, а въ Епифанѣ заѣхалъ проѣздомъ самъ министръ путей сообщенія, дорогою изъ Скопина къ себѣ въ Богородицкѣ. Я имѣлъ случай въ городѣ представить графу А. П. Бобринскому городскихъ депутатовъ, коимъ онъ самъ и объяснилъ причину отклоненія и снялъ съ меня, хотя бы въ глазахъ городскихъ депутатовъ, незаслуженныя нареканія.

Но и во многомъ другомъ бывалъ я безъ вины виноватъ. Друзья опекуна, преданнаго суду, винили меня и собирали партію, чтобъ избрать на мое мѣсто другое лицо. Я бы и самъ охотно ушелъ изъ предводителей, такъ какъ работы и такъ было много, но время для ухода было неудобно, въ виду тѣхъ нареканій, которыя были выставлены противъ меня.

Насколько жизнь столичная шагнула впередъ, настолько отстала и не поспѣвала за нею жизнь уѣздная. Лучшіе люди уходили изъ провинціи, кто на службу въ столицу, кто куда. Оставались въ уѣздѣ старые да малые, говоря даже не въ переносномъ смыслѣ. Вслѣдствіе страшной централизаціи и сокращенія выборнаго начала многіе дѣятели выбывали изъ уѣзда на широко открывавшіяся мѣста въ банкахъ, желѣзнодорожныхъ правленіяхъ и другихъ мѣстахъ, такъ что приходилось имѣть въ уѣздѣ дѣло съ людьми уже другаго йошиба и понятій, чѣмъ прежде. Стали пустѣть и усадьбы. Прежнее веселое житье, съѣзды, собранія все притихло. Желѣзныя дороги давали возможность всякому дешево съѣздить въ Москву и Петербургъ и расходовать тамъ свои гроши пріятнѣе, чѣмъ въ провинціи, которая день ото дня становилась мрачнѣе и безлюднѣе. А теперь, если мнѣ волею судьбы приходится заглядывать въ Епифанскій уѣздъ, когда-то веселый, полный жизни, меня охватываетъ тоже чувство, какое испытывалъ Лаврецкій въ «Дво-

рянскомъ Гитѣздѣ» при видѣ стараго дома и сада, гдѣ онъ когда-то былъ счастливъ. Болѣзненно сжимается сердце при видѣ знакомыхъ мѣстъ, разныхъ полей и усадебъ, но гдѣ уже нѣтъ ни людей тѣхъ, ни друзей. Другіе люди, смѣнивъ, не замѣнили ихъ! Говорятъ, что первый признакъ старости это хаять современное и хвалить прошлое. Очень можетъ быть, что и со мною это такъ; да я не особенно и хвалю старое (въ немъ много было тяжелаго). Но когда я теперь вижу старинную прекрасную усадьбу, превращенную въ заведеніе и лабазы, или старинный домъ, гдѣ я когда-то съ образованными хозяевами велъ дружбу и бесѣдовалъ (нынѣ домъ этотъ обращенный въ амбаръ!); когда встрѣчаю дочь бывшаго помѣщика, человѣка развитаго, за мужемъ за мѣщаниномъ и живущую во *хлѣбѣ*, а домъ проданный на свозъ; когда вижу сына такого же помѣщика старинной почетной семьи въ зипунѣ, пробирающагося на станцію желѣзной дороги на клѣтѣ въ одноклѣтѣ: то невольно сжимается сердце, и невесело на душѣ становится у стараго предводителя.... Да, наконецъ, чтó принесли эти новые люди съ собою кромѣ разоренія старинныхъ семей? Ничего кромѣ какъ развѣ болѣе аккуратный платежъ земскихъ, государственныхъ недоимокъ, да въ устроенныхъ заведеніяхъ—лишній патентный сборъ. Но вѣдь въ смыслѣ новшества, даже въ смыслѣ улучшенія хлѣбопашества или интенсивности хозяйства или мысли, ровно ничего! Разореніе, одно разореніе и отсутствіе полнѣйшей мысли, такъ что поневолѣ вспоминаешь «Оскуднѣіе» С. Н. Терпигорева и говоришь себѣ, что многого онъ не дописалъ еще и не исчерпалъ. Невольно приходятъ на умъ и слова Ю. Ѳ. Самарина: «Умирать не жаль; а жаль, что не видать подростковъ»....

Я помню Ефремовскій и Епифановскій уѣзды въ дореформенное время: эту толпу помѣщиковъ, эти безчисленныя усадьбы, лежавшія вдоль Дона, Красивой Мечи и особенно вдоль рѣки Птани. Такая есть рѣка Птань, мало извѣстная въ географіи, но имѣвшая свою исторію, свою литературу даже. По рѣкѣ этой цѣлый край назывался Птанью, а жители его Птанцы и Птанки. Вдоль рѣки этой, впадающей въ Красивую Мечу, жили десятками помѣщики, водившіе между собою знакомство, дружбу и родство. Между ними было много людей талантливыхъ, въ послѣдствіи извѣстныхъ и въ Русской литературѣ, какъ напр. братья Миллеры, Грековы, М. П. Бибиковы и др. Затѣмъ жили тамъ семьи Похвисневыхъ, Мининыхъ, Ланскихъ, Доломановыхъ, Свѣчиныхъ, Писаревыхъ; всѣхъ не перечтешь. Между ними были недюжинные таланты и поэты. Чудный край была эта Птань, и особый отпечатокъ былъ на Птанцахъ. Въ рѣдкомъ домѣ не встрѣтишь какую-либо особенность: въ одномъ пишутъ романсы и стихи, въ другомъ—комедіи и пьесы, въ третьемъ на музыку

кладутъ, въ четвертомъ разыгрываютъ и т. д. Во всякомъ домѣ найдется, бывало, непременно и музыкальный инструментъ, хотя бы гитара, подъ аккомпаниментъ которой пѣлся романсъ своего сочиненія или веселая Русская пѣсня, Богъ вѣсть какъ сохранившался старина. У меня самого было имѣніе на Итани, и когда бывало заѣдешь въ этотъ край, невольно наберешься совсѣмъ новыхъ впечатлѣній. Народъ совсѣмъ особенный. Братья Миллеры, напр., были люди чрезвычайно образованные. Павелъ, Сергѣй и Василій Ивановичи Миллеры въ душѣ артисты, художники, писатели, поэты. Я ихъ еще помню живущими въ Ефремовскомъ уѣздѣ, гдѣ они въ стихахъ воспѣли очень забавно все мѣстное общество. Какъ любители театра, они устраивали домашніе спектакли, на которыхъ играли лучшіе люди края. Миѣ врѣзался въ памяти спектакль, устроенный въ домѣ моего дяди И. А. Раевского; по составу играющихъ и по замѣчательному исполненію, ему позавидовали бы столичные артисты. Играли братья Миллеры, о коихъ я уже говорилъ, П. М. Леонтьевъ, А. В. Новосильцовъ, человѣкъ глубоко образованный, въ свое время не чуждый литературѣ (братъ писательницъ Новосильцевыхъ—Ольги Н. и Толычевой), Бѣгичевы, дѣти Степана Никитича (друга Грибоѣдова), П. С. Горяиновъ, Раевскіе, Мясоѣдовы. Все это ухнуло въ Лету; отъ того множества семей и не только отъ семей, но и отъ усадебъ ихъ, рѣдко гдѣ и камень на камень остался. Къ тогдашнему этому обществу, блестящему не по внѣшности, а болѣе по уму и образованію, принадлежалъ человѣкъ чрезвычайно симпатичный, умный и талантливый М. П. Бибииковъ. Онъ былъ однимъ изъ сотрудниковъ журнала «Атеней», въ которомъ участвовалъ и А. В. Новосильцовъ, своякъ его. Они оба были женаты на двухъ сестрахъ Муромцевыхъ, дочеряхъ извѣстнаго когда-то владѣльца села Баловнева М. М. Муромцева. М. П. Бибииковъ жилъ постоянно въ деревнѣ и никогда не унывалъ, когда въ жизни приходилось трудно. Поэзія, живопись, литература были его призваніемъ, а до прочаго ему не было дѣла, и онъ себя вѣрно изобразилъ въ четырехстишіи:

Я живописецъ, литераторъ,
Я вантаель, я поэтъ,
Я коллежскій регистраторъ,
А въ карманѣ гроша нѣтъ!

Вотъ эти люди жили по деревнямъ и не служили въ смыслѣ государственной службы и потому въ табели ранговъ не занимали высокихъ чиновъ и мѣстъ, а всѣ лишь гдѣ-то, когда-то числились, чтобы, имѣя хотя первый чинъ, не утратить правъ дворянскихъ, выборныхъ. Но въ дѣйствительности эти люди, живя на мѣстахъ, приносили

немало пользы краю, въ коемъ жили. Мы теперь слышимъ постоянно высказываемое въ высшихъ сферахъ желаніе, чтобы помѣщики вернулись домой и жили бы на мѣстахъ, такъ какъ теперь болѣе, чѣмъ когда-либо почувствовалось *оскудѣніе* въ людяхъ. Но куда же вернуться, когда большая часть выбывшихъ изъ провинціи семей ликвидировали уже съ мѣстными интересами, а другіе наканунѣ ликвидации? Куда вернуться? Если у другаго и есть земля, то усадьба, обветшавъ, почти неузнаваема, да и интересы иные. Прежде провинція имѣла въ каждомъ уѣздѣ десятки выборныхъ мѣстъ, гдѣ люди и съ малыми чинами могли служить; теперь все это замѣнено коронными назначеніями, гдѣ мѣстному помѣщику дѣлать нечего.

Х.

Съ 1872 года, въ первое трехлѣтіе моей службы въ Елифанскомъ уѣздѣ, открылись работы новостроющейся Рязско-Вяземской желѣзной дороги, столь долго ожидаемой, такъ какъ она нашу губернію перерѣзала въ различныхъ направленіяхъ своими вѣтвями. Я уже говорилъ, что, по предложенію концессіонеровъ этой дороги, я принялъ участіе въ постройкѣ этой линіи, т. е. взялъ на себя постройку цѣлаго участка съ мостами и гражданскими сооруженіями и пр.

Постройка эта открыла мнѣ новый родъ разнообразной дѣятельности. Сношенія съ инженерами и подрядчиками, сочетаніе множества мѣстныхъ выгодъ, рабочія артели, сотни служащихъ, тяжелыя работы, встрѣчаемыя затрудненія,—все вмѣстѣ взятое представляло собою отменно-живое дѣло. Интересъ же увеличивался еще вслѣдствіе того, что линія желѣзной дороги проводилась, такъ сказать, въ родномъ краю, съ нетерпѣніемъ ожидавшемъ осуществленія этой постройки; а потому возникали также недоразумѣнія и столкновенія ради личныхъ, мелочныхъ выгодъ. Первое крупное затрудненіе, передъ которымъ мы очутились лицомъ къ лицу, встрѣтилось подъ г. Алексиномъ. Первоначально линія была утверждена прямо съ Тулы на Калугу, минуя Алексинъ. Линія была выбрана весьма удачно и захватывала уѣзды, далеко лежащіе отъ Московско-Курской дороги, лишенные и доселѣ путей сообщенія, тогда какъ Алексинъ, находясь на Окѣ и въ 30 верстахъ отъ ст. Иваново Московско-Курской дороги, самъ по себѣ не представлялъ важности въ торговомъ отношеніи. Между тѣмъ, вслѣдствіе усиленныхъ хлопотъ представителей уѣзда и города, вскорѣ послѣ выдачи концессіи на всю линію изъ Министер-

ства Путей Сообщенія было прислано предписание, измѣнивъ направленіе линіи между Тулой и Калугой, идти на Алексинъ, гдѣ и перейти р. Оку, вмѣсто прежде проектированныхъ переходовъ р. Оки (одинъ близъ Ахлебинина, другой близъ Калуги). Вмѣстѣ съ этимъ былъ присланъ изъ Министерства и проектъ новаго направленія Тула-Алексинъ, коимъ значительно удлинилась линія, увеличивались работы, и представлялось крайне затруднительнымъ исполненіе первоначальнаго проекта одной общей съ Московско-Курскою станціи въ Тулѣ: пришлось бы два раза переходить р. Упу. Съ перваго взгляда новый правительственный проектъ, подписанный инженеромъ Ц., показался страннымъ; партія молодыхъ Русскихъ инженеровъ, работавшихъ близъ Алексина, нашла его несоотвѣтствующимъ дѣйствительности: станція была проектирована близъ самаго города, и у него же переходъ черезъ Оку—мостъ. При существующей разности въ горизонтахъ обоихъ береговъ Оки, луговаго и горнаго, на коемъ стоитъ Алексинъ, и немислимо было перекинуть мостъ согласно новому проекту. Правительственный инспекторъ Казначеевъ такъ и ахнулъ, увидавъ при повѣрочныхъ работахъ разницу новаго проекта съ дѣйствительностью, и долженъ былъ согласиться, что профиль новаго проекта ничего общаго съ дѣйствительностью не имѣетъ. А чтобы исполнить проектъ, надо было истратить несмѣнныя суммы, которыхъ городъ не стоилъ: приходилось чуть ли не рыть туннель, чтобы подойти къ самому городу, а на луговой сторонѣ сдѣлать громадную насыпь. Инженеръ Ц. сознался инспектору А. А. Казначееву, что онъ подписалъ изысканія, не провѣривъ ихъ, и довѣрилъ самое производство ихъ людямъ мало опытнымъ... Тѣмъ не менѣе надо было исполнить требованіе Министерства и по возможности приблизиться къ Алексину, хотя немислимо было поставить станцію на сторонѣ Алексина, т. е. на правомъ берегу р. Оки. Съ самаго водораздѣла до Оки около двадцати верстъ идетъ крутой уклонъ, такъ что съ трудомъ можно было найти площадку на полдорогѣ, чтобы поставить полустанокъ «Даниловку» для развѣзда. Отъ нея же, слѣдуя изъ Тулы, послѣднія десять верстъ до Оки, дорога идетъ предѣльнымъ уклономъ, стало быть безъ паровъ и большею частію на тормозахъ, что крайне неудобно. Но другаго способа исполнить проектъ не было. При этомъ еще предстояли постоянныя закругленія. Станцію пришлось ставить уже за рѣкой, противъ Алексина, что принесло великій убытокъ городу, такъ какъ станція находится въ Тарусскомъ уѣздѣ, куда и перешла вся торговля. Самое направленіе на Алексинъ было крайне непрактично. Благодаря ему желѣзная дорога изъ Тулы идетъ частью параллельно съ Московско-Курской; да и, доходя до Алексина, самый отдаленный отъ желѣзной

дороги пунктъ треугольника (Тула—Алексинъ — Иваново) представляеть 15 верстъ, тогда какъ благодаря этому отклоненію другая часть Тульской губерніи осталась безъ желѣзной дороги. Самая линія искривилась, удлинилась, и кромѣ того явилось необходимымъ устройство соединительной вѣтви отъ Протопопова къ ст. Тула Московско-Курской желѣзной дороги, представляющей множество затрудненій и удивляющей всякаго проѣзжаго своей безтолковостью. А между тѣмъ она есть только продуктъ изломаннаго въ Петербургѣ прекраснаго проекта. Пришлось всю весну возиться съ новыми изысканіями, опоздали земляныя работы, было потеряно много драгоценнаго времени, потраченнаго на переписку *). Для меня увеличеніе работъ грозило значительными потерями, вслѣдствіе нѣкоторыхъ недоумовъ въ контрактѣ, въ коемъ не всѣ пункты были достаточно ясно оговорены; къ тому же представлены были большіе залого. Но тутъ я имѣлъ случай убѣдиться, насколько и между Евреями есть порядочные, великодушные люди. Главный концессіонеръ дороги А. Е. Горвицъ первый пошелъ навстрѣчу моимъ затрудненіямъ и предложилъ мнѣ, въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, крупную надбавку; а между тѣмъ онъ совершенно законно могъ воспользоваться моею оплошностью (кстати же мои залого были въ его рукахъ). Послѣ этого случая и еще подобныхъ я сталъ очень остороженъ въ сужденіяхъ огульно цѣлой національности. Во всякой національности есть хорошіе и дурные люди, какъ есть глупые и умные. Говорить же огульно, что всѣ Евреи мошенники мнѣ не приходится; да напрасно и другіе односторонне смотрять на нихъ. Не знаю, часто ли встрѣтишь коммерсанта, который по собственному почину, имѣя въ рукахъ строго-юридическій документъ (милліонный контрактъ), не воспользовался бы имъ и представляемыми выгодами и, добровольно отказавшись отъ него, предоставилъ значительный барышъ другому, когда могъ самъ нажитья.

Въ 1872 году я поселился въ Тулѣ, гдѣ въ сущности былъ центръ нашихъ желѣзнодорожныхъ работъ, тѣмъ болѣе что работы мои были сосредоточены около Тулы, откуда и поѣздки мнѣ въ Епифань были удобны.

*) Вообще переписка была безпечна и по всякому вздорному предлогу. Такъ называлъ я одну станцію Оболенскою (она строилась посреди моихъ имѣній). Изъ Министерства пришелъ запросъ: какая польза будетъ обществу отъ подобнаго названія? Исписали по этому поводу цѣлую кипу бумагъ.

Такъ я провелъ 1872—1873 годъ въ постоянныхъ хлопотахъ по постройкѣ желѣзной дороги, къ которой присоединились еще и каменноугольныя шахты. Я приобрѣлъ на проектированной линіи каменноугольныя залежи, за обработку коихъ и принялся; къ тому же уголь былъ и въ моихъ имѣніяхъ. Это была ближайшая залежь къ Москвѣ и обѣщала богатое будущее, такъ какъ уголь найденный былъ хорошаго качества, близкій къ Англійскому кардифу. На эти шахты какъ мною, такъ въ послѣдствіи и компаньонами моими было убито нѣсколько сотъ тысячъ денегъ, и одно время дѣло шло хорошо; но затѣмъ послѣдовало измѣненіе тарифовъ, вслѣдствіе чего южный уголь лучшаго качества, чѣмъ нашъ, сталъ вытѣснять насъ изъ Москвы. Нефть нанесла намъ, угольщикамъ средней полосы, окончательный ударъ, замѣняя съ успѣхомъ всякое другое топливо. Несмотря на то, что концессія нашей Рязско-Вяземской желѣзной дороги была выдана исключительно для поднятія каменно-угольнаго дѣла Калужской, Рязанской, Тульской губерній, и обязательно было топить локомотивы мѣстнымъ углемъ, стоящимъ 6 копѣекъ пудъ и дешевле на линіи; однако паровозы скоро передѣлались на нефть, чѣмъ сократился значительно сбытъ угля. Добилъ же насъ тарифъ окончательно, такъ какъ чѣмъ ближе, тѣмъ дороже провозъ; провозъ южнаго угля былъ слишкомъ дешевъ и отнялъ возможность всякой конкуренціи. Такимъ образомъ однимъ взмахомъ пера цѣлое производство, на которое потрачены милліоны, оказалось выкинутымъ за бортъ, такъ какъ многія шахты должны были закрыть свое производство. Явленіе это нерѣдко на Руси. Какое иногда вліяніе имѣютъ на производство цѣлаго края въ Петербургѣ выпущенные, никѣмъ незамѣченные циркуляры того или другаго министерства!? Многіе милліоны отъ нихъ пропадаютъ иногда рублей, иногда людей. И странное впечатлѣніе производитъ иной циркуляръ, пегитомъ напечатанный, рѣшающій судьбу цѣлаго края, рядомъ съ извѣстіемъ о томъ, что Государственный Совѣтъ въ полномъ засѣданіи своимъ постановилъ въ такомъ-то уѣздѣ дальняго Востока прибавить урядника съ годовымъ окладомъ 180 рублей, или полицейскіе пріемные покои въ Сибири переименовать въ больницы! Однимъ словомъ, разрѣшаются грошовые вопросы, когда простымъ циркуляромъ, какъ напримѣръ измѣненіемъ условій концессіи нашей линіи топить ея паровозы нефтью, а не углемъ, цѣлый край лишенъ сотенъ тысячъ рублей дохода!.. А что стоило устройство однихъ резервуаровъ, передѣлка паровозовъ и т. д.? И вотъ, благодаря подобному циркуляру, ближайшія шахты къ Москвѣ, а также и къ портамъ Чернаго моря, оказались самыми невыгодными, а между тѣмъ, именно въ силу близости сбыта, какія громадныя деньги были затрачены на нихъ!

Я имѣлъ встрѣчу въ вагонѣ съ интереснымъ старикомъ-Французомъ. Разговорившись о каменномъ углѣ, Французъ мнѣ сказалъ: «Исторія каменнаго угля всюду одна и таже. Первые піонеры всегда гибнутъ отъ своей предпріимчивости. Во Франціи, 60 лѣтъ тому назадъ, буквально было тоже, что у васъ въ Россіи теперь. Каменному углю не вѣрили; говорили, что онъ вреденъ, что онъ не горитъ. Вводить его какъ отопленіе было не такъ легко, а главное, привычка къ дровамъ была слишкомъ велика. Воровство на дровахъ получило такую силу, вошло до того въ права, что вытѣснить дрова было почти нельзя иначе какъ постепенно». Старикъ рассказывалъ свои невзгоды за полвѣка назадъ; можно было подумать, что слушаешь рассказъ о происходившемъ у насъ въ Тулѣ или Москвѣ.

Кстати я вспомнилъ о другомъ циркулярѣ. Во время войны 1877 года былъ усиленный призывъ новобранцевъ. Приказъ Военнаго Министерства былъ написанъ такъ неясно, что пришлось брать всѣхъ льготныхъ второго и даже перваго разряда, т. е. одиночекъ, при чемъ часто оставалась въ домѣ одна баба, такъ какъ брали единственнаго работника, что было вопреки самому основанію новаго воинскаго устава. Вокругъ воинскихъ присутствій стоялъ стонъ, тѣмъ болѣе, что люди брались въ комплектованіе полковъ, которые готовились идти на театръ военныхъ дѣйствій. Я одинъ изъ первыхъ подалъ объ этомъ записку въ Военное Министерство, и оказалось, что все произошло отъ канцелярской ошибки!

Выборы 1873 года застали меня живущимъ въ Тулѣ, въ моемъ большомъ домѣ, гдѣ я свободно могъ принимать Тульское общество. Выборы обѣщали быть бурными; цѣлая партія была недовольна, что я предалъ суду дворянина-опекуна и желала поэтому видѣть другого на моемъ мѣстѣ, но не имѣла серьезнаго кандидата. Я имѣлъ за себя значительное большинство; но тѣмъ не менѣе испыталъ много непріятныхъ столкновеній и пересудовъ, и я охотно бы ушелъ; но было неудобно, такъ какъ я считалъ себя вполне правымъ въ этомъ дѣлѣ. Не знаю, нарочно ли, но ко дню выборовъ подогнули судъ надъ несчастнымъ опекуномъ, какъ бы въ укоръ мнѣ. Я же ничего этого не зналъ и за нѣсколько дней передъ выборами уѣхалъ въ Парижъ, рассчитавъ чуть ли не по часамъ время, чтобы вернуться къ открытію дворянскаго собранія.

Хотя я въ Парижѣ пробылъ на этотъ разъ не болѣе двухъ сутокъ, но все же успѣлъ посмотреть его послѣ осады. Во многихъ домахъ я замѣтилъ еще слѣды бомбъ, многія зданія не были отстроены. Странное впечатлѣніе производилъ Булонскій лѣсъ вырубленный и засаженный

молодыми деревцами. Въ дни моего пребыванія въ Парижѣ судился маршалъ Базенъ, и возбужденіе было очень сильное, между Бонапартистами въ особенности. Я обѣдалъ у своей тетки Бибиковой. Когда мы сидѣли за столомъ, вошелъ лакей весь блѣдный; онъ еле держалъ въ рукахъ блюдо. «Что съ вами?» спросила его тетушка.—Страшное несчастіе случилось.—«Что такое?»—Базенъ осужденъ на смерть, отвѣчалъ онъ. (Оказывается, и онъ былъ Бонапартистъ).—Я сѣлся въ фіакръ; возница складывалъ свой *petit journal* и, обернувшись ко мнѣ, самодовольно сказалъ: «Базена осудили на смерть! il ne l'a pas volé, sa condamnation» (онъ не укралъ своего приговора). Кучеръ былъ республиканецъ.—На герцога Омальскаго сыпались пререканія за его образъ дѣйствій, а главное за то, какъ онъ себя держалъ во время засѣданій суда, будучи презумомъ. Толковали ему въ упрекъ, что онъ нѣсколько разъ говорилъ съ княгиней Т. (Русскою), она знала наканунѣ и разболтала, что Базенъ будетъ приговоренъ къ смерти, а по просьбѣ того же суда помилованъ.

Когда я былъ въ Парижѣ, мнѣ явилась необходимость съѣздить въ По, на Югъ Франціи. Пробывъ нѣсколько часовъ въ По, я черезъ Парижъ же отправился обратно въ Россію, не останавливаясь нигдѣ, что было очень утомительно. Проѣхавъ Вильну, я убѣдился, что на сутки опоздаю въ Тулу, такъ какъ заграничный поѣздъ приходилъ въ Петербургъ полчаса послѣ отхода скорого поѣзда въ Москву, и слѣдов. я терялъ сутки въ Петербургѣ. Мнѣ необходимо было по расчету времени пріѣхать въ Тулу вечеромъ, чтобы попасть на засѣданіе депутатскаго собранія, наканунѣ выборовъ для разсмотрѣнія довѣренностей. Къ тому же я обѣщалъ пріѣхать непременно, именно наканунѣ. Оставался одинъ исходъ: это съ Динабурга повернуть на Витебскъ и Смоленскъ; тогда являлась возможность поспѣть въ Москву къ скорому поѣзду, идущему въ 12½ часовъ въ Тулу. Такъ я и сдѣлалъ, пересѣвъ въ Динабургѣ на поѣздъ, идущій въ Витебскъ. Но между прибытіемъ Смоленскаго поѣзда въ Москву и отходомъ Курскаго въ Тулу оказалось 10 минутъ, такъ что положительно не было возможности поспѣть. Дѣлать нечего: я прибѣгъ къ рекомендательному письму Ламанскаго (такъ звали наши кредитки во времена Ламанскаго) и вручилъ таковое машинисту въ Можайскѣ, прося его ошибкою пріѣхать въ Москву нѣсколькими минутами раньше, что онъ и исполнилъ весьма искусно. А рысакъ сдѣлалъ остальное, т. е. довезъ меня своевременно на Курскій вокзалъ.

Губернскій предводитель Мининъ былъ противъ меня и поддерживалъ партію недовольныхъ мною въ Епифанскомъ уѣздѣ. Хотя мы съ В. П. Мининымъ были различныхъ лагерей, тѣмъ не менѣе я долженъ отдать ему справедливость, что, по своей безусловной преданности дворянскимъ интересамъ, онъ былъ человѣкъ въ этомъ отношеніи исключительный. Въ какихъ бы отношеніяхъ я къ нему ни находился, всякое мое ходатайство, разъ оно касалось интереса дворянина, находило въ немъ защитника-ходатая. Къ тому же человѣкъ онъ былъ добрый, доступный и вполнѣ честный въ дѣлахъ денежныхъ; суммы дворянскія для него были святыней. За преданіе суду опекуна Мининъ былъ мною недоволенъ; но для меня, какъ я уже сказалъ, не было другого исхода. Судъ состоялся дѣйствительно наканунѣ моихъ выборовъ, и мнѣ, какъ свидѣтелю, пришлось пережить много непріятныхъ минутъ. Защитникъ нашелъ нужнымъ конечно произнести противъ меня чуть ли не обвинительную рѣчь, выдумавъ, будто бы я самъ предоставилъ растроченныя деньги въ распоряженіе опекуна для какихъ - то подрядовъ на строящую мною желѣзную дорогу. Къ счастью, растрата относилась ко времени предводительства моего предшественника, а именно къ 1869 году, тогда какъ я вступилъ въ должность въ 1870 году, а дорога началась строиться въ 1872 году. Опровергнуть защиту было не трудно, и опекунъ былъ признанъ виновнымъ при уменьшающихъ вину обстоятельствахъ, чему я конечно былъ радъ. Онъ былъ приговоренъ къ отбытію весьма легкаго ареста и кончилъ тѣмъ, съ чего слѣдовало бы начать и о чемъ я его неоднократно просилъ, т. е. обезпечить своимъ имѣніемъ малолѣтнихъ. Онъ такъ и сдѣлалъ, но когда? Послѣ того, какъ выпилъ самъ горькую чашу суда и слѣдствія, измучивъ себя и насъ нравственно. Въ силу всѣхъ этихъ непріятностей я считалъ себя вынужденнымъ балотироваться и на другой день былъ дѣйствительно избранъ въ предводители на второе трехлѣтіе въ Епифанъ, конечно уже не единогласно. Но затѣмъ я имѣлъ объясненіе со всѣми лицами противной партіи. Въ теченіе года сношенія улучшились, шероховатости сгладились, и отношенія установились въ концѣ-концовъ хорошія. Губернскимъ предводителемъ былъ выбранъ вновь В. П. Мининъ, но получилъ неизбирательныхъ шаровъ 101, чѣмъ старикъ былъ очень огорченъ и почему-то считалъ цифру сто одинъ «выстрѣломъ», какъ онъ выражался, и недобрымъ для себя предзнаменованіемъ.

Тотчасъ послѣ выборовъ я уѣхалъ на время въ Москву. Въ Петербургѣ только что состоялась свадьба Великой Княжны Маріи Александровны съ герцогомъ Эдинбургскимъ. Въ началѣ Января 1874 года

Дворъ пріѣхалъ въ Москву. Кромѣ Государя, Наслѣдника-Цесаревича и нашихъ Великихъ Князей, въ Москву пріѣхали вмѣстѣ съ герцогомъ Эдинбургскимъ принцъ Валійскій съ супругой и значительная свита ихъ—Англичане. Въ Москвѣ по этому случаю начались празднества и балы, которые слѣдовали одинъ за другимъ. Мнѣ пришло въ голову предложить Русскій ужинъ принцу Валійскому съ его свитой въ Русской палатѣ Славянскаго Базара. Я сообщилъ эту затѣю нѣкоторымъ своимъ близкимъ знакомымъ, и мы устроили въ самомъ дѣлѣ принцу Валійскому и его свитѣ Русскій пиръ на славу, ужинъ, который посѣтили и наши Великіе Князья. Меню ужина помогъ составить графъ Г. А. Строгановъ; тутъ были и блины, и борщокъ, и пироги, и корюшка, и рябчики и даже клюквенный кисель—все блюда исключительно Русскія. Оркестръ Бауера, четыре соединенныхъ хора Цыганъ въ національныхъ костюмахъ очень оживили трапезу, а плясъ цыганъ привелъ Англичанъ въ восторгъ. Ужинъ этотъ давали нижеслѣдующія лица: гр. А. В. Бобринскій, гр. В. И. Мусинъ-Пушкинъ, В. А. Шереметевъ, В. С. Шереметевъ, П. П. Дурново, свѣтлѣйшій кн. П. Д. Волконскій, М. Л. Величковскій, Ф. Н. Шиповъ и пишущій эти строки. Насколько любезенъ и сдержанъ былъ принцъ Валійскій и его братья, настолько слишкомъ непринужденна была свита. Добрые Англичане такъ выпили, что мнѣ, какъ распорядителю, пришлось круглую цифру заплатить за побитую ими посуду. Образованные мореплаватели, признаюсь, многимъ напоминали расхोдившихся Московскихъ Титъ-Титовичей. Въ Петербургѣ они вели себя, говорятъ, еще хуже: били у Бореля зеркала и зажгли даже драпировку, при чемъ неоднократно обѣщали за все заплатить—по купечески. Они въ Москвѣ хотѣли намъ дать контръ-ужинъ, но сдѣлали это такъ неловко, что многіе изъ насъ дававшихъ имъ ужинъ не поѣхали; а сами они такъ усердно плясали съ Цыганами, что одинъ изъ нихъ свихнулъ себѣ ногу, и потребовалась медицинская помощь. Пиръ нашъ продлился до утра.

Принцъ Валійскій высказалъ мнѣ желаніе видѣть бѣгъ Русскихъ рысаковъ, на что я ему отвѣчалъ, какъ членъ тогдашняго Московскаго бѣговаго общества, что, если его высочество назначитъ время прибытія въ бесѣдку общества, то послѣднее будетъ крайне польщено его посѣщеніемъ и покажетъ ему лучшіе экземпляры рысаковъ. «Завтра въ 12 часовъ,» сказалъ мнѣ принцъ. Прямо съ ужина я поѣхалъ предупредить вице-президента А. В. Кулебякина; приходилось спѣшить, ибо было 8 часовъ утра. Я разбудилъ Кулебякина, который еще спалъ, и онъ полетѣлъ на бѣгъ. Я же предложилъ ему поставить призъ-серебряный кубокъ, чтобы устроить хоть какіе нибудь бѣга для принца

Валійскаго. Наскоро вызвали нѣсколько охотниковъ, и состязаніе состоялось. Въ первомъ часу принцъ Валійскій съ супругой и сестрой ея, Государыней Цесаревной, съ громадной свитой своей, на тройкахъ прибыли на Прѣсенскій бѣгъ. Англичане, наши недавніе собутыльники, освѣжившіеся ваннами, всѣ были на лицо. «Удивительный ужинъ», твердили они всѣ, «а главное, чудное вино—ни у кого голова не болитъ!» И они весело принялись за приготовленный А. В. Кулебякинымъ завтракъ. Послѣ примѣрнаго состязанія принцу Валійскому показывали лучшихъ рысаковъ, коими онъ заинтересовался. «Очень хочется мнѣ самому проѣхать на этихъ маленькихъ санкахъ и, главное, самому править», сказалъ мнѣ принцъ.—«Опасно съ непривычки, в. выс.; какъ бы на поворотѣ вамъ не упасть», возразилъ я. Но принцъ сталъ усаживаться на бѣговыя санки. «Мнѣ очень интересно, продолжалъ онъ, попробовать, и интересно, что Англійскіе газеты скажутъ о томъ, что я въ Россіи ѣхалъ на бѣгу (drive a race), да на Орловскомъ рысакѣ». Но мы убѣдили его этого не дѣлать, и принцъ ограничился тѣмъ, что въ городскихъ санкахъ Мазурина на «Хвальномъ» проѣхалъ версту. Черезъ меня затѣмъ принцъ прислалъ Мазурину въ подарокъ кубокъ, на память. Также обществу Московскихъ бѣговъ принцъ Валійскій прислалъ на память кубокъ, а общество по случаю его посѣщенія установило призъ, который доселѣ называется Валійскимъ и ежегодно разыгрывается. При принцѣ Валійскомъ состоялъ свиты Е. В. графъ Орловъ-Давыдовъ, который ему показывалъ Москву. Они какъ-то заѣхали къ Сапожникову посмотрѣть различныя парчи. Особенно понравился принцу Валійскому кусокъ золотой парчи, который онъ облюбовалъ было для своего курительнаго кабинета (fumar), но, узнавъ цѣну, 50 рублей аршинъ, поморщился и взялъ одинъ аршинъ, чтобы обить табуретку. Графъ Орловъ-Давыдовъ (нынѣ умершій), извѣстный богачъ нашъ, приказалъ принести себѣ весь кусокъ и, провожая принца до границы, захватилъ весь этотъ кусокъ парчи съ собою. Прощаясь въ Вержболовѣ съ графомъ, принцъ въ сердечныхъ выраженіяхъ благодарилъ его за любезное исполненіе при немъ службы во время пребыванія его въ Россіи. Вы знаете, прибавилъ принцъ, что въ Англіи не принято, какъ въ другихъ странахъ, въ подобныхъ случаяхъ давать ордена; но позвольте на память вамъ что нибудь оставить въ знакъ моей сердечной признательности, и принцъ вынулъ изъ рукавовъ двѣ хрустальныя запонки, которыя онъ обыкновенно носилъ, и поднесъ ихъ графу. «И очень тронуть, отвѣчалъ графъ, но позвольте и мнѣ, ваше высочество, по Русскому обычаю отдариться и поднести вамъ для вашего фюмуара поправившійся вамъ

въ Москвѣ кусокъ матеріи», и при этомъ немедленно въ вагонъ внесли парчу, цѣною не менѣе трехъ тысячъ.

Когда графъ Орловъ-Давыдовъ рапортовалъ Императору Александру II-му о проводахъ принца Валійскаго, онъ долженъ былъ и этотъ эпизодъ доложить. Императоръ улыбнулся и сказалъ: «Молодецъ, Русскимъ бариномъ поступилъ».

Въ этотъ пріѣздъ Высочайшаго двора въ Москву я былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры и впервые представлялся Государю Александру II-му въ Московскомъ дворцѣ, на другой день своего пожалованія.

Тогда, во всякой пріѣздъ Государя, много раздавалось наградъ и милостей, особенно во время генераль-губернаторства князя В. А. Долгорукова, который очень былъ щедръ на представленія къ наградамъ, и въ нихъ ему не отказывали. И хотя графъ Сологубъ про князя В. А. Долгорукова тоже отпустилъ нелестное «благодарю, не ожидалъ» тѣмъ не менѣе князь Владимиръ Андреевичъ былъ очень доступенъ и имѣлъ многія достолюбезныя качества, весьма дорогія въ администраторѣ.

Одинъ старикъ-купецъ говорилъ мнѣ, что, бывало пріѣздъ Государя Николая Павловича въ Москву былъ не только радостью для народа, но и прямымъ барышемъ: все покупалось и нанималось мѣстное, и Государь ничего и никого изъ прислуги съ собой не возилъ. Въ слѣдующее царствованіе привозились изъ Петербурга не только повара, но и провизія...

ПО ПОВОДУ ВОСПОМИНАНІЙ КНЯЗЯ Д. Д. ОБОЛЕНСКАГО.

Въ воспоминаніяхъ этихъ передается слухъ о томъ, будто бы покойный Щедринъ-Салтыковъ, будучи вице-губернаторомъ въ Твери, получилъ оскорбленіе дѣйствіемъ отъ какого-то помѣщика. Слухъ обставленъ нѣкоторою вѣроятностью; но въ дѣйствительности онъ не болѣе, какъ продуктъ нерасположенія къ писателю чиновниковъ и дворянъ за его сатиры, и могъ явиться въ видѣ сплетни, подсказанной нѣкоторыми изъ его же сочиненій, напр., тѣмъ, которое носитъ заголовокъ: „Клевета“.

Появленію именно такой, какая передается въ Воспоминаніяхъ, а не иного рода, сплетни могъ подать поводъ бывшій въ Твери (ранѣе службы въ ней Салтыкова) случай съ Колюковымъ, тоже губернскимъ чиновникомъ, воспѣтый мѣстнымъ поэтомъ въ стихахъ. Эти стихи въ свое время въ Твери были у всѣхъ на устахъ и списывались въ тетрадки. Въ нихъ прямо изображался „по рожѣ битый Колюковъ“. Всѣмъ извѣстно было, что этотъ господинъ получилъ оскорбленіе при такихъ же условіяхъ, какъ и въ рассказѣ о Салтыковѣ и по сходному поводу. Созвучіе фамилій и одинаковая скандовка слоговъ въ нихъ давала возможность какому либо недоброжелателю Салтыкова замѣнить его фамиліей въ упомянутомъ стихотвореніи фамилію Колюкова, и сплетня готова. Но, нужно полагать, что она держалась въ какомъ либо ограниченномъ кружкѣ, за предѣлами котораго не получила распространенія. Въ городѣ такого слуха о Салтыковѣ не циркулировало, что, по условіямъ провинціальной жизни, несомнѣнно произошло бы въ случаѣ дѣйствительнаго событія.

Самая же сатира, какъ я сказалъ, имѣла широкое распространеніе въ городѣ, извѣстна была гимназистамъ, и семинаристамъ, и чиновникамъ. Популярность себѣ она получила своею *хлесткостью* и тѣмъ, что *отдѣлывала* всѣхъ городскихъ сановниковъ, начиная съ губернатора Бакунина, страдавшаго, какъ извѣстно, нервными подергиваніями, и оканчивая полицеймейстеромъ Дамичемъ, о которомъ сказано: „Полицеймейстеръ, родомъ Нѣмецъ, а въ дѣлахъ подлѣй Жида“. Между тѣмъ, этотъ старичекъ въ то время ничѣмъ не подалъ повода къ такому о себѣ мнѣнію. Напротивъ, въ его управленіе городомъ, послѣдній жилъ патріархальною жизнью, по прадѣдовскимъ обычаямъ, и полицейскую власть, какъ говорится, въ грошъ не ста-

вилъ, такъ что возникъ вопросъ о замѣнѣ слабого старика-полицеймейстера болѣе энергическимъ начальникомъ. Дамича замѣнилъ полковникъ Кромновъ (если не обманываетъ меня память на счетъ его фамиліи). Онъ дѣйствительно началъ заводить новые, невкусные для непривыкшихъ къ стѣсненію гражданъ порядки, но, какъ говорится въ народѣ, скоро былъ *сокращенъ*. Однажды зимою, переѣзжая чрезъ Волгу изъ Затьмацкой части въ городскую, онъ былъ остановленъ у проруби, находившейся близъ дороги, толпою мѣщанъ. Вынутый изъ саней за руки и за ноги и повѣшенный надъ прорубью, онъ вынужденъ былъ дать требуемое отъ него обѣщаніе впредъ не тревожить установившихся въ городѣ порядковъ.

Съ этого времени полицеймейстеръ сталъ ѣздить по городу не иначе, какъ въ сопровожденіи верховаго пожарнаго въ каскѣ, что было дотошъ невиданною и стало внушительною новостью для Тверитянъ. При Кромновѣ болѣе всѣхъ пострадали будочники, жившіе до него, какъ у Христа за пазухой. Вся ихъ обязанность, кажется, въ томъ только и состояла, чтобы въ базарные дни прогуляться по рынку для сбора дани пятаками и провизіей, а въ остальное время или спать на крылечкѣ своихъ будокъ, или утѣвшись по-гурецки, молоть табакъ. Въ послѣднемъ занятіи не стѣсняло ихъ и начальство. Я помню хорошо одного будочника на углу губернаторскаго дома. Тотъ „рыцарь въ бронѣ сермяжной“, повѣсивъ на гвоздикъ аллебарду, бывало сидитъ себѣ спокойно, да помалываетъ табачекъ, который тутъ же и продаетъ покупателямъ. Приходилось мнѣ видѣть, что иногда въ такомъ мирномъ занятіи пускалось въ дѣло и само вооруженіе; будочникъ растиралъ табакъ рукояткой аллебарды, отдѣланной въ металлическій наконечникъ. При Кромновѣ это прекратилось; прекратилась и кража аллебардъ, обыкновенно висѣвшихъ на наружной стѣнѣ будки и похищаемыхъ шалунами.

И. А. Митропольскій.

Москва, 27 Января 1895.